

ISSN 2073-6339

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Политология. История.
Международные отношения»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Political Science. History.
International Relations”
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.

Founded in 1996

4
2023

VESTNIK RGGU. Seriya "Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya"
RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series
Academic Journal
Quarterly issues.
Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is included in: the Russian Science Citation Index; in the List of peer-reviewed scientific journals and other editions (category K-1) for publishing Ph.D. research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

5.5. Political studies:

- 5.5.2. Political institutions, processes, technologies
- 5.5.4. International relations, global and regional studies

5.6. Historical sciences:

- 5.6.1. Russian history
- 5.6.2. World history
- 5.6.5. Historiography, source study, methods of historical research
- 5.6.7. History of international relations and foreign policy

Purposes and Field: RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is an academic, peer-reviewed journal aimed at achieving the synthesis of research results in historical and political sciences, international relations, and world regional studies. The journal focuses on prominent issues of domestic and foreign development and international relations observed from historical retrospective as well as historical perspective. This journal is opened to theoretical and methodological researches, to the analysis of current dynamics of the political processes in Russia and in other countries, to inter-cultural communications in their regional and global dimensions.

The objectives of the series are:

- to unite the research trends oriented to the integrated political and historical study of contemporary society, international processes, countries and regions, and of intellectual history and historical politics;
- to promote the perspective forms of study (analysis, expertise, working out scenarios and projects);
- to encourage an academic discussion inside the country and initiate an academic exchange between Russian and foreign scholars on the current historical and political issues;
- to give an impetus to a new generation of scholars in history and political science.

The journal publishes the articles in Russian and English languages.

Keywords: political science, history, historical politics, historiography, social and political communication, world integrated area studies, international relations, foreign policy, diplomacy

RSUH/RGGU BULLETIN. "Political Science. History. International Relations" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications Information Technology and MassMedia, reg. no. FS77-61886 of 25.05.2015. Changes have been made to the media registration record due to a change in the name, clarification of the subject – reg. no. FS77-73405 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Square, Moscow, 125047
e-mail: panov.a@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения»
Научный журнал
Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К-1) по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

5.5. Политические науки:

- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии
- 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования

5.6. Исторические науки:

- 5.6.1. Отечественная история
- 5.6.2. Всеобщая история
- 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования
- 5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Цели и область: ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» – академический рецензируемый журнал, нацеленный на междисциплинарный синтез результатов исследований в области исторических и политических наук, международных отношений и мирового комплексного регионоведения. Журнал ориентирован на осмысление наиболее значимых проблем внутри- и внешнеполитического развития и международных отношений с учетом исторической ретроспективы и перспективы, на теоретические и методологические исследования, на изучение актуальной динамики политических процессов в России и различных странах, а также межкультурной коммуникации в ее региональном и глобальном измерениях.

Задачи серии:

- объединить исследовательские направления, ориентированные на комплексное историко-политологическое изучение современного общества, международных процессов, отдельных стран и регионов, интеллектуальной истории и исторической политики;
- способствовать поиску и апробации перспективных форм исследовательской деятельности (аналитика, экспертиза, разработка сценариев и проектов);
- стимулировать научную дискуссию внутри страны, а также научный обмен между российскими и зарубежными исследователями по актуальным историко-политологическим проблемам;
- содействовать формированию нового поколения исследователей-историков и политологов.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Ключевые слова: политология, история, историческая политика, историография, социально-политическая коммуникация, мировое комплексное регионоведение, международные отношения, внешняя политика, дипломатия

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения» зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер ПИ № ФС77-61886 от 25 мая 2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73405 от 03 августа 2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
Электронный адрес: panov.a@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

O.V. Pavlenko, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

M.A. Andreev, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

E.V. Barysheva, Dr. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

N.A. Borisov, Dr. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

A.D. Voskresensky, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Ph.D. (University of Manchester), Moscow State Institute for International Relations, Ministry of Foreign Affairs in Russia, Moscow, Russian Federation

M.A. Gordeyeva, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.N. Grachev, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Durnovtsev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Zhabrov, Cand. of Sci. (Political Science), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)

V.I. Zhuravleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

I. Klyukanov, Ph.D., Dr. of Sci. (Philology), professor, Eastern Washington University, Cheney, USA

E.M. Kozhokin, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

M. Kramer, Dr. of Sci. (History), Harvard University, Cambridge, USA

A.K. Magomedov, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.S. Melkumian, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Institute of Oriental studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

- V.S. Mirzekhanov, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Panov, Cand. of Sci. (History), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*executive secretary*)
- P. Ruggenthaler, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- E.Yu. Sergeyev, Dr. of Sci. (History), professor, Institute of World History, Moscow, Russian Federation
- A.S. Usatchev, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A. Filler, Ph.D., University Paris VIII, Paris, France
- D.S. Foglesong, professor, Rutgers University, New Jersey, USA
- L.A. Khalilova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- T.A. Shakleina, Dr. of Sci. (Political Science), professor, Moscow Institute of International Relations, Ministry of Foreign Affairs, Russia, Moscow, Russian Federation
- B. Shteltse-Marks, Ph.D., Ludwig Boltzmann Institute for Research on War Consequences, Graz, Austria
- A.L. Iurganov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Executive editors:

- V.I. Zhuravleva*, Dr. of Sci. (History), professor, RSUH
- L.A. Khalilova*, Cand. of Sci. (Philology), professor, RSUH
- A.S. Panov*, Cand. of Sci. (History), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель

Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

О.В. Павленко, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

М.А. Андреев, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

Е.В. Барышева, доктор исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Н.А. Борисов, доктор политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

А.Д. Воскресенский, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация

М.А. Гордеева, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

М.Н. Грачев, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.И. Дурновоцев, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Жабров, кандидат политических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)

В.И. Журавлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И. Ключанов, доктор филологических наук, профессор, Восточно-Вашингтонский университет, Чейни, США

Е.М. Кожокин, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

М. Крэмер, доктор исторических наук, Гарвардский университет, Кембридж, США

- А.К. Магомедов*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.С. Мелкумян*, доктор политических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.С. Мирзеханов*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Панов*, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*ответственный секретарь*)
- П. Ругенталер*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- Е.Ю. Сергеев*, доктор исторических наук, профессор, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- А.С. Усачев*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А. Филлер*, Ph.D., Университет Париж VIII, Франция
- Д.С. Фоглесонг*, доктор исторических наук, профессор, Университет Ратгерс, Нью-Джерси, США
- Л.А. Халилова*, кандидат филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Т.А. Шаклеина*, доктор политических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД Российской Федерации (МГИМО), Москва, Российская Федерация
- Б. Штельцель-Маркс*, Ph.D., Институт по изучению последствий войн им. Л. Больцмана, Грац, Австрия
- А.Л. Юрганов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

- В.И. Журавлева*, доктор исторических наук, профессор, РГГУ
Л.А. Халилова, кандидат филологических наук, профессор, РГГУ
А.С. Панов, кандидат исторических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

International Relations: History and Present

- Alexey A. Gromyko*
Geopolitization of the European Union in light of the redistribution
of security burden in the Euro-Atlantic 10
- Iryna I. Kaviaka*
Finlandization as a concept of the scientific study
of foreign policy and international relations 28
- Irina Y. Berezanskaya*
The main organizational statements of Zionist youth movements
in Soviet Russia in the 1920s 40

Countries and Regions of the World: Development Dynamics and Models of Cooperation

- Angelina S. Gomelauri*
Dividing the Arctic. On the issue of the Russian Arctic boundaries 58
- Seymur M. Agamaliev*
Conceptual foundations of neo-Ottomanism. Features of soft
and hard power in Turkey's foreign policy on the example of Syria 69
- Ekaterina R. Arrue*
Phenomenon of Pashtun nationalism in the domestic policy
of the Taliban movement 86
- Demokrit M. Zamanapulov*
The decision-making process in the field of targeted killings in US foreign
policy. On the example of the elimination of Qasem Suleimani 97

Sociopolitical Processes in the Past and in the Present

- Svetlana E. Knyazeva*
Per aspera ad astra: the thorny path of the Italian Communist Party
to power in the "blocked democracy" of the First Republic 112
- Il'ya A. Ripak*
Scientific activity's ethos by the example of the Manhattan Project 128
- Pavel K. Simonov*
Transformation of Vatican public diplomacy.
New challenges and renewed strategic priorities 143

СОДЕРЖАНИЕ

Международные отношения: история и современность

- Алексей А. Громыко*
Геополитизация Евросоюза в свете перераспределения
бремени безопасности в Евро-Атлантике 10
- Ирина И. Ковяко*
Финляндизация как концепция научного исследования
внешней политики и международных отношений 28
- Ирина Ю. Бережанская*
Основные организационные положения сионистских
молодежных движений в Советской России в 1920-х гг. 40

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

- Ангелина S. Gomelauri*
Dividing the Arctic. On the issue of the Russian Arctic boundaries
[Разделение Арктики: к вопросу российских арктических границ] 58
- Сеймур М. Агамалиев*
Концептуальные основы неосманизма: особенности мягкой
и жесткой силы во внешней политике Турции на примере Сирии 69
- Екатерина Р. Арруе*
Феномен пуштунского национализма
во внутренней политике движения «Талибан» 86
- Демокрит М. Заманпулов*
Процесс принятия решений в сфере целевых убийств во внешней
политике США: на примере ликвидации Касема Сулеймани 97

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

- Светлана Е. Князева*
Per aspera ad astra: тернистый путь Итальянской компартии к власти
в «блокированной демократии» Первой республики 112
- Илья А. Рупак*
Этос научной деятельности на примере Манхэттенского проекта 128
- Павел К. Симонов*
Трансформация публичной дипломатии Ватикана:
новые вызовы и обновление стратегических приоритетов 143

Международные отношения: история и современность

УДК 327.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-10-27

Геополитизация Евросоюза в свете перераспределения бремени безопасности в Евро-Атлантике

Алексей А. Громыко

Институт Европы РАН, Москва, Россия;

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия, alexey@gromyko.ru*

Аннотация. Первая часть исследования посвящена отношениям между США и их европейскими союзниками в контексте феноменов «двойной расстыковки» и «двойного сдерживания». Отмечено, что среди западных партнеров происходит перераспределение бремени издержек в конфронтации с Россией и в нарастающем противостоянии с Китаем. Продемонстрировано, что «перезагрузка» во взаимодействии двух частей Евро-Атлантики в последние годы во многом носила декларативный характер, в действительности снижая шансы ЕС на обретение реальной автономии на международной арене. Показано, как обострение соперничества ведущих держав, нарастание проблем в развитии Евросоюза приводят к его геополитизации, которой посвящена вторая часть исследования. Речь идет о возрождении приоритета «жесткой силы» в политике ЕС, его попытках обрести субъектность в мировых делах с опорой на способность к принуждению, маневрированию, приспособлению к реалиям полицентричности. Геополитизация ЕС означает и радикальный пересмотр ряда общепринятых представлений, включая взаимозависимость. В статье сделан вывод о негативной динамике для противников России в соотношении выгод и обременений «двойного сдерживания», «двойной расстыковки» и украинского кризиса.

Ключевые слова: геополитизация, двойное сдерживание, двойная расстыковка, украинский кризис, жесткая сила, Европа, Россия, США, ЕС, Китай

Для цитирования: Громыко Ал.А. Геополитизация Евросоюза в свете перераспределения бремени безопасности в Евро-Атлантике // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 10–27. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-10-27

© Громыко Ал.А., 2023

Geopolitization of the European Union in light of the redistribution of security burden in the Euro-Atlantic

Alexey A. Gromyko

*The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia;*

*Lobachevsky Nizhny Novgorod State University,
Nizhny Novgorod, Russia, alexey@gromyko.ru*

Abstract. The first part of the research is dedicated to the relationship between the US and its European allies in the context of “dual decoupling” and “dual containment”. The author explores the redistribution of costs and burdens in the framework of confrontation with Russia and the growing rivalry with China. It is demonstrated that the post-2020 US – EU reset turned out to be declarative to a significant extent and unfavorable for the EU’s chances of real autonomy in the international arena. The second part of the article is focused on the EU geopolitization caused by the escalation in the competition among major powers and the multiple problems in its own development. This process revolves around the revival of the principle of “hard power” in the EU policy, its attempts to acquire subjectivity in the world affairs with reliance on coercive power, manoeuvring, adaptation to the conditions of polycentricity. Geopolitization of the EU leads to a radical review of the long-established notions including interdependence. The conclusion is drawn that the policies of dual decoupling, dual containment and the consequences of the Ukrainian crisis result in negative dynamics in the cost-benefit analysis of Russia’s rivals.

Keywords: geopolitization, dual decoupling, dual containment, hard power, Ukrainian crisis, Europe, Russia, EU, USA, China

For citation: Gromyko, A.A. (2023), “Geopolitization of the European Union in light of the redistribution of security burden in the Euro-Atlantic”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 10–27, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-10-27

«Двойное сдерживание»
и «двойная расстыковка»

Во внешнеполитической идеологии Европейского союза с момента его основания в 1957 г. в виде Европейского экономического сообщества вплоть до 2010-х гг. доминировали представления о примате «мягкой силы», отказе от насильственных инструментов достижения целей на международной арене, о ценности «мирного

дивиденда», привлекательности для внешнего мира европейской интеграции, основанной на «нормативной силе», благах социально-экономической модели развития Западной Европы. Изначально сама суть евроинтеграции заключалась в отказе от войн во взаимоотношениях между европейскими державами, в первую очередь между Францией и Германией. Считалось, что «перелив» благополучия и достижений социального рынка, распространение традиций «государства благосостояния» континентальных и скандинавских стран ЕС на новые государства-члены – бесконечный и непрерывный процесс. Расчет состоял в том, что ЕС почти автоматически будет захватывать своим «гравитационным полем» процветания все больше территорий в рамках новых волн расширения и крепче привязывать к себе страны «евросферы» [Leonard 2005; Hutton 2002] как на периферии интеграционного объединения, так и в других регионах мира. Взгляды западных специалистов варьировались от поддержки амбиций ЕС сместить Соединенные Штаты с пьедестала «лидера свободного мира» [Rifkin 2004] до призывов к равноправному партнерству между ЕС и США ради сохранения «Атлантического союза» в качестве центральной оси международных отношений [Schnabel 2005].

Европейское интеграционное объединение рассматривалось как новый этап, качественный скачок в развитии международных отношений, как обладатель уникальных и передовых характеристик. Роберт Купер, отталкиваясь от 350-летнего периода, прошедшего после окончания Тридцатилетней войны и продлившегося до конца 1980-х гг., так формулировал эту идею: «...современное европейское государство появилось после Вестфальского мира... То, что возникает сейчас, – не перелицованный вариант старой системы. Появляется новая форма государственности, или, по крайней мере, разновидность государств, чье поведение радикально отличается от опыта прошлого» [Cooper 2000, p. 7].

Со временем такие подходы теряли свою убедительность и все больше расходились с положением дел внутри и вовне ЕС. В нем нарастал феномен «усталости от расширения»¹ по мере роста гетерогенности объединения, количество участников которого увеличилось с 5 до 27 (без учета Соединенного Королевства после брекзита). Оказались завышенными ожидания перманентной социально-экономической конвергенции между «старыми» и «новыми» странами-членами, между ними множились разногласия. В российской европеистике получили развитие тезисы о необходимости более критичного отношения к опыту ЕС как трафарету

¹ англ. – enlargement fatigue.

региональной интеграции, претендующей на универсальные характеристики, было показано, что экономический выигрыш не является имманентным свойством евроинтеграции и даже не является ее главной целью [Громыко 2017; Буторина, Борко 2022].

В начале нового тысячелетия ЕС вошел в череду кризисов большей или меньшей интенсивности, включая конституционный в 2005 г., с 2008 г. – финансовый и затем долговой («великая рецессия»), с 2015 г. – миграционный. Потрясением стало мучительное расставание ЕС и Британии, растянувшееся с 2016 по 2020 г. Из-за разрастания состава ЕС скорость принятия внутренних решений заметно не снизилась [Кавешников, Доманов 2023]. Однако это не предотвратило появления перманентных внутренних трещин, особенно по вопросам регулирования миграции, верховенства права, внешней политики, соотношения между наднациональной и межгосударственной опорами интеграции. Декларируемый принцип европейской солидарности был сильно скомпрометирован проявлением «национальных эгоизмов» после начала пандемии COVID-19.

На внешнеполитическом поприще Евросоюз в последние десятилетия предпринимал попытки усилить свою политическую субъектность в условиях превращения к концу XX в. в один из крупнейших на планете рынков. Такие усилия включали и внешнеполитическую составляющую, о чем красноречиво свидетельствует долгая история становления и развития Общей внешней политики и политики безопасности [Журкин 2012; Громыко 2019; Журкин, Носов 2019; Потёмкина 2020; Щербак 2021]. Задолго до того, как в русле идей председателя Еврокомиссии Ж.-К. Юнкера его преемница на этом посту Урсула фон дер Ляйен заявила о превращении ЕС в геополитического игрока, и ряд инициатив в этом направлении выдвинул президент Франции Э. Макрон, различные страны-члены ЕС принимали участие в интервенции НАТО против Союзной Республики Югославия в 1999 г., во вторжении в Ирак в 2003 г., масштабных военных акциях в Афганистане, Сирии, Ливии. Причем в последнем случае инициаторами применения военной силы в 2011 г. стали Франция и Британия, а не США.

Усиление субъектности ЕС диктовалось переплетением требований его внутреннего развития с внешними вызовами. Война США против Ирака стимулировала поиск путей самостоятельной внешней политики с явными нотками антиамериканизма, в первую очередь со стороны Парижа и Берлина. «Глобальная стратегия» ЕС, принятая в 2016 г., провозгласила необходимость «стратегической автономии», актуальность которой только обострилась в связи с референдумом в Британии по вопросу о выходе из интеграции.

онного объединения и победой на президентских выборах в США Д. Трампа, настроенного крайне скептически в отношении европейских союзников. Параллельно, вразрез с курсом на автономию от США, в ЕС, особенно с 2014 г., крепла и другая – антироссийская подоплека для реализации установки на его внешнеполитическую самостоятельность (максимальный разрыв отношений с РФ). Постоянные усилия в этом направлении предпринимали Британия и ряд «младоевропейцев» – особенно усердствовали прибалтийские страны и Польша.

Приход в Белый дом Демократической партии во главе с Дж. Байденом способствовал сглаживанию евроатлантических разногласий. Вероятность перевернуть трамповскую страницу в отношениях между США и ЕС казалась более чем высокой. Новая американская Администрация быстро вернулась к риторике межсоюзнической солидарности и взаимных обязательств в сфере безопасности. До достижения окончательных договоренностей были сняты взаимные пошлины, введенные в результате торгового спора по стали и алюминию. Однако на деле трамповская линия по изменению стратегического вектора внешней политики Вашингтона с европейского и ближневосточного на китайский продолжилась, сопровождаясь де-факто курсом на «стратегическую расстыковку» с Европой, на принуждение европейских союзников брать на себя большее финансовое и военное бремя, нести ответственность за собственную безопасность. С надеждами на возрождение европоцентричности Запада и тем более всей системы международных отношений европейцы расстались к началу второго десятилетия XXI столетия. С тех пор проблема для них заключалась не только в том, что своим системным противником на десятилетия вперед США обозначили Китай, а не какие-либо вызовы, имеющие первостепенное значение для ЕС и европейских членов НАТО.

Дело было в том, как американцы вели себя с европейцами вне зависимости от партийной принадлежности хозяина Белого дома. Очевидными свидетельствами негативных для них долгосрочных изменений стало нежелание США уже после победы на президентских выборах Дж. Байдена возобновлять переговоры с ЕС по трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству; неспособность сторон к середине 2023 г. окончательно урегулировать торговый спор по стали и алюминию; пренебрежение призывами европейских союзников по коалиции в Афганистане продлить график вывода американских войск из этой страны; унижительное для Франции соглашение AUKUS между Вашингтоном, Лондоном и Канберрой [Рубинский, Фёдоров 2021]; принятие в США Акта о снижении инфляции, имеющего в отношении Единого рынка дис-

криминационный характер [Портанский 2023]. Даже с Британией США так и не приступили к переговорам о преференциальном торговом соглашении, хотя в мифологии идеологов брекзита оно должно было стать элементом иллюзорной стратегии «глобальная Британия».

Украинский кризис затушевывал и затормозил «стратегическую расстыковку», но не остановил ее. Курс Вашингтона на долговременное противостояние с Пекином ведет к наращиванию американского давления на европейцев, чтобы привязать их к жесткой антикитайской линии, хотя это противоречит экономическим и иным интересам Старого Света. Важное значение для оценки «расстыковки» имеет и следующий фактор. В последние годы США окончательно перешли к политике «двойного сдерживания», направленной против России и Китая. При поверхностном взгляде может показаться, что это делает несостоятельным тезис о «расстыковке», демонстрируя намерение США продолжать рассматривать Европу в качестве своего традиционного приоритета. Оставляем за скобками, что сама по себе политика «двойного сдерживания» предстает глубоко ошибочным курсом американского истеблишмента. Ее предыдущая версия 1990-х гг. – сдерживание одновременно Ирака и Ирана – не принесла успеха. Теперь же США вновь взяли ее на вооружение, но только в геополитической игре с несравненно более высокими ставками и располагая меньшими ресурсами. Что это означает для европейских интересов?

Речь идет о крайне асимметричной политике, выгодной с точки зрения желаемого для американцев распределения обязанностей между ними и союзниками в Старом Свете. Рассматривая Китай как первостепенный и системный вызов для себя, а Россию – как соподчиненный, США стремятся переложить основное бремя по ее сдерживанию на европейцев, подстегивая с этой целью их военно-промышленные комплексы. Отсюда и внедренное в НАТО под давлением Вашингтона требование по увеличению военных расходов до 2% от национальных ВВП. Только если при Трампе 2% рассматривались как максимум («потолок»), то теперь все больше – как минимум (нижняя граница расходов), т. е. налицо континуитет в действиях предыдущей и нынешней администраций. Обязательство по двум процентам пока выполняют лишь семь членов альянса, но тренд очевиден. В ближайшие годы этому требованию станут соответствовать большинство входящих в НАТО государств, как и расширится круг тех, кто перейдет к дальнейшему наращиванию военных расходов. При этом американцы «убивают двух зайцев»: перекладывают на европейцев задачу по сдерживанию России и одновременно, ввиду нынешней неспособности их ВПК самосто-

ательно поглощать быстро растущие военные бюджеты, получают от них все большие военные заказы. Пример Польши здесь наиболее показательен.

В отношениях с европейцами, в которых переплетены союзничество и конкуренция, США остаются в выигрыше и в более широком геополитическом и экономическом плане. Задолго до 2022 г. американцы планомерно работали над другой «расстыковкой» – политической и экономической между ЕС и Россией, особенно в сфере их энергетической взаимозависимости. Обострение украинского кризиса они использовали для того, чтобы «дожать» Европу, в первую очередь Германию, и наконец получить огромные дивиденды от массивированного навязывания Единому рынку своего СПГ. И здесь вновь ситуация двойной выгоды – новые стимулы для американской экономики и одновременно ослабление конкурентоспособности европейских экономик, в первую очередь немецкой. Разрушение ниток газопроводов «Северный поток» органично вписывается в эту логику развития событий, делая наиболее вероятной версию американского следа в проведении диверсии против объекта международной стратегической инфраструктуры.

Однако получая перечисленные «бонусы», США сталкиваются и с негативными последствиями политики «двойного сдерживания» – по многим параметрам нарастает взаимодействие между Россией и Китаем. Одно дело проводить сдерживание против двух сильных соперников, которые действуют разрозненно и не находятся в тесных отношениях, и другое – если эти соперники, к тому же ядерные державы, по объективным причинам и ввиду американской неадекватности все больше сближаются. Осознавая вредоносность такого побочного эффекта своей политики, США пытаются использовать украинский кризис для внесения разлада в российско-китайский тандем.

Извлекая значительную выгоду из этого кризиса, включая расширение НАТО, Вашингтон, не говоря уже о Европе, все больше ощущает его пагубные последствия и без учета дальнейшего российско-китайского сближения. Геополитические и экономические приобретения в результате прокси-войны Запада против России на Украине все больше обесцениваются непредвиденными для него расходами на эту войну, нарастанием усталости электората, особенно европейского, от угнетающей атмосферы полувоенного времени, сопутствующих негативных социальных и экономических последствий. Кроме того, снижение конкурентоспособности европейских экономик по всем указанным причинам делает их все более уязвимыми не только перед американским, но и китайским выгодоприобретателем.

Отдавая себе в этом отчет, европейцы со все большей осторожностью относятся к сценарию, при котором США втягивают их в качестве пристяжных в своего рода новую холодную войну с Пекином. Они хеджируют свои риски, что показали, например, визиты в Пекин во главе больших делегаций канцлера Германии О. Шольца в ноябре 2022 г., премьер-министра Испании П. Санчеса и президента Франции Э. Макрона в апреле 2023 г. Для всех этих и большинства других стран-членов ЕС Китай – крупнейший внешнеторговый партнер. В целом Поднебесная в 2022 г. была третьим по важности импортером продукции, производимой Единым рынком (9% в европейском товарообороте) вслед за США (19,8%) и Британией (12,8%), и ведущим мировым экспортером товаров в ЕС (20,8%), опережая США (11,9%), Британию (7,3%) и Россию (6,8%). Статусом крупнейшего из стран-членов ЕС экспортера в Китай обладает Германия. Обращает на себя внимание, что двумя главными товарными позициями китайского экспорта в ЕС является продукция высокотехнологичных отраслей – телекоммуникационное оборудование и вычислительная техника².

Превращение Украины в своего рода военный аватар Запада на восточном фланге НАТО, ставка на затягивание военного конфликта сопровождались кратно возросшими усилиями России по реализации давно заявленной стратегии «разворота на восток». Обострение противостояния России и «коллективного Запада», рост международного влияния Китая привели к формированию феномена «Движение неприсоединения 2.0», когда страны глобального Юга в целом заняли позицию равноудаленности от враждующих лагерей, лавирования между ними. Бывший Третий мир – маневрирующие государства – использует геополитическое столкновение крупнейших держав для извлечения собственной выгоды. Этот феномен стал дополнительным и неожиданным обременением для Запада, который теперь должен с удвоенной силой вести борьбу с Россией и Китаем за симпатии и рынки глобального Юга, подстраивать свою внешнюю политику и риторику под интересы многочисленных быстрорастущих стран Азии, Африки и Латинской Америки. Насколько это проблематично, показывает, например, утеря Францией своих позиций в Мали, Буркина-Фасо и Нигере.

Долгие годы резоны и требования Москвы по учету ее коренных интересов безопасности Запад игнорировал. Борьба вокруг

² См.: China-EU – international trade in goods statistics // Eurostat Statistics Explained. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=China-EU_-_international_trade_in_goods_statistics#Trade_with_China_by_EU_Member_State (дата обращения 30 августа 2023).

вопроса о нейтральном статусе Украины стала апогеем этих противоречий. Из-за сложившейся к настоящему времени ситуации не только Россия оказалась в сложном положении, но, глубоко втянувшись в опосредованный военный конфликт с нею, Запад сам оказался в рукотворной ловушке. После ударов «великой рецессии», миграционного кризиса, брекзита, пандемии ЕС теперь лишается и всех преимуществ экономического взаимодействия с Россией. Еще больше снижаются его шансы на успешную реализацию «энерготранзиции» и построение зеленой экономики. Вместо того чтобы рассчитывать на завоевание передовых позиций на мировых рынках, оживить европейскую экономику, вырваться из прокрустовой ложи стагнации реальных доходов населения, ЕС оказывается перед перспективой длительного экономического тупика и сохранения высокой социальной напряженности.

США получают еще более сплоченный российско-китайский тандем, несут репутационные потери из-за неспособности заставить большинство государств мира встать на антироссийские позиции. После крушения планов по насильственной «демократизации» Ближнего Востока, по реализации стратегии «арабской весны», бесславной военной интервенции в Ирак США в августе 2021 г. пошли на болезненный и во многом хаотичный вывод войск из Афганистана. Ставка делалась на то, что все сопутствующие издержки окупятся высвобождением сил и средств для сосредоточения на соперничестве с Китаем в Юго-Восточной Азии, на то, что, перераспределив силы внутри «коллективного Запада», переложив основное бремя военных расходов в Старом Свете на европейцев, США добьются геополитического реванша после ряда провальных внешнеполитических авантюр.

Минимизация американских затрат на сдерживание России должна была быть достигнута завершением создания на «восточном фланге» НАТО пояса буферных проамериканских государств, включая Украину как де-факто или де-юре члена НАТО. Эскалация украинского кризиса в 2022 г. и изменение ситуации «на земле» после начального периода СВО рассматривались в Вашингтоне как дополнительная возможность ослабить РФ, сделать ее проигравшей стороной, изолировать на международной арене. В свете такой логики крупные дополнительные средства, выделяемые на поддержку Киева в 2022 г., выглядели, с точки зрения администрации Байдена, оправданным шагом, тактическим ходом ради достижения стратегической цели и, что важно, в достаточно короткие сроки.

Однако на деле оказалось, что вместо высвобождения сил и средств в Европе и на Ближнем Востоке для наращивания проти-

востояния с Китаем США попали в колею совсем другого сценария событий, как и Евросоюз оказался в зависимости от наиболее ястребиной части его государств-членов и наднациональных структур. Экономика России демонстрировала высокую стрессоустойчивость в условиях развязанной против нее санкционной войны; добиться сколачивания антироссийской коалиции за пределами «коллективного Запада» по большому счету не удалось; ситуация в зоне боевых действий все больше указывала на призрачность планов нанести Москве военное поражение; конфликт принял затяжной характер, а следовательно, требовал вложения все новых средств для поддержки Киева.

Положение дел напоминает шаблон ряда неудавшихся американских проектов в современной истории. Так, задолго до вывода войск коалиции во главе с США из Афганистана было ясно, что насильственная демократизация этой страны невозможна, как и создание в ней устойчивого проамериканского режима. Но США отказывались признавать очевидное и действовали по инерции. Похожая ситуация с украинским конфликтом: неизбежно, что с Россией придется договариваться, но признавать это Запад пока не хочет. Растущие в его рядах сомнения о возможности военного поражения России на Украине проявляют себя подспудно, в основном в виде соответствующих материалов в западной прессе и ремарок тех или иных политиков и военных. Такая инерция вызвана многими причинами, среди которых – новые неизбежные репутационные потери, иррациональная вера значительной части американского политического истеблишмента в возможность вести дела на мировой арене в стиле «бизнес как обычно», соображения межпартийной конкуренции в свете приближающихся президентских выборов 2024 г., дилемма «сакрального» для НАТО принципа расширения, которую приходится решать все более изощренными способами, как показал саммит альянса в Вильнюсе в июле 2023 г.

Таким образом, стратегия США «двойного сдерживания» России и Китая вкуче с украинским кризисом и консолидацией на этой основе Запада приносят не только геополитические приобретения, но и всё бóльшие издержки. Они ложатся тяжелым бременем на Евро-Атлантику. Вместо концентрации сил для противостояния с Китаем, Вашингтон и дальше вынужден тратить значительные силы в Европейском регионе, а его союзники здесь продолжают терять свою конкурентоспособность не только в пользу США, но и тех, кого Запад рассматривает в качестве противников.

«Европа в опасности!»

Сложившаяся ситуация в международных отношениях ставит Евросоюз в крайне сложное положение. Картина мира и соответственно необходимый набор инструментов для достижения целей дальнейшего поступательного развития европейской интеграции существенно меняются. Мир представляется для ЕС все более враждебным, а лозунгом его сплочения становится «Европа в опасности!»³. В результате достаточно длительного процесса по секьюритизации политики идентичности Евросоюза⁴, его возвращению к различным принципам суверенитета [Романова 2021] закрепляется нарратив, окончательно вытесняющий прежнюю философию «мягкой силы» и основанный на категориях «геополитической Еврокомиссии», «геополитической Европы/ЕС», «геополитических целей». «Мы нуждаемся в обретении элементов принуждения»⁵, – провозгласил Высокий представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности Жозеп Боррель⁶. Ставится задача оставить в прошлом представление о ЕС как об «экономическом гиганте, политическом карлике и военном черве»⁷ и вслед за «геополитическим пробуждением» ЕС обеспечить его полноценное стратегическое позиционирование⁸.

Из нескольких интерпретаций суверенитета со всей очевидностью ЕС переходит на позиции устойчивого баланса сил в духе вестфальского суверенитета: контролирование собственного пространства, отгораживание от других международных игроков, обозначенных в качестве противников, сдвиг от универсалистских и миссионерских устремлений к признанию многополярности мира, готовность использовать для достижения своих целей весь набор инструментов, включая «жесткую силу». На основе этих общих принципов предлагается несколько вариантов внешнеполитического поведения: от поиска нового равновесия и баланса сил [Bisco 2021]

³ *Borrell J.* The year that war returned to Europe. EU foreign policy in 2022. European Union External Action. European Union, 2023. P. 147.

⁴ Когда формирование устойчивых представлений о себе для усиления внутреннего единства и снижения влияния извне рассматривается как задача по борьбе с угрозами безопасности. См., например: [Фадеева 2021].

⁵ Англ. coercive power.

⁶ *Borrell J.* Op. cit. P. 125.

⁷ Это выражение, получившее широкое распространение, ввел в оборот Марк Эйскенс, бывший премьер-министр Бельгии, в статье в газете “The New York Times” от 25 января 1991 г.

⁸ *Borrell J.* Op. cit. P. 53.

до стремления нанести геополитическому сопернику поражение. Последний вариант стал доминирующим во внешнеполитическом мышлении США и ЕС в отношении России. Кроме того, европейская разновидность современного вестфальского суверенитета во многом встроена в более широкий трансатлантический коллективный суверенитет. Он имеет пирамидальную и асимметричную структуру, в которой доминируют национальные интересы США.

Метаморфоза перехода ЕС от упора на «мягкую силу» к полаганию на «жесткую» имеет немало исторических аналогов, когда бывшие или увядающие империи переходили от открытости внешнему миру, характерной для этапа имперской экспансии, к представлению о себе как об осажденной крепости [Громько 2008, с. 62–70]. Внешний мир превращается из пространства экономического и политического освоения в источник опасностей, от которых надо отгораживаться. Нарративы свободного рынка, открытой торговли, невмешательства государства в экономические процессы продолжают по инерции использоваться, но на деле замещаются протекционизмом, недобросовестной конкуренцией, неправомерными санкциями против соперников.

Текущие подходы западных стран к внешнему миру как к источнику опасностей формировались давно. Мощным стимулом для этого стали события 11 сентября 2001 г. в США. Зерна указанной метаморфозы содержались в концепции «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, жесткость и прагматичность которой радикально отличались от высокомерия и самоуспокоенности, заложенных в идее «конца истории» Ф. Фукуямы. Переход от взгляда на внешний мир как лояльного пространства освоения к его восприятию как рассадника рисков принимал различные формы. В англосаксонской литературе, например, популярность в 2000-е гг. приобрело деление государств на «несостоявшиеся», модернистские и постмодернистские [Cooper 2000]. К последним как к наиболее передовым причислялись европейские, что якобы наделяло их особыми правами и обязанностями. Во Франции Франсуа Эйсбур выдвинул категорию «геополитических хищников», в которую включены и Китай с Россией, и США [Heisbourg 2020; Неймарк 2021, с. 152–161]. Нашумевшей стала статья Ж. Борреля, опубликованная в марте 2023 г. во французском журнале «Le Grand Continent»⁹. В ней автор в неокOLONIALном

⁹ *Borrell J.* Europe in the Interregnum: our geopolitical awakening after Ukraine // The Diplomatic Service of the European Union. 24.03.2022. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/europe-interregnum-our-geopolitical-awakening-after-ukraine_en (дата обращения 30 августа 2023).

духе рассуждает о том, что на «постмодернистский сад» Евросоюза «наступают джунгли», заимствуя это выражение из известной книги Роберта Кагана [Kagan 2018].

Траектория отношений ЕС с Россией полностью соответствует нарастанию на Западе комплекса осажденной крепости. В 2003 г. ЕС впервые обнародовал собственную стратегию безопасности. «Мы должны продолжить работу по углублению отношений с Россией – существенным фактором нашей безопасности и процветания, – говорилось в документе. – Уважение к совместным ценностям поддержит процесс достижения стратегического партнерства»¹⁰. Прошедшее с тех пор десятилетие внесло существенные изменения в эти подходы. В марте 2016 г. министры иностранных дел стран-членов ЕС утвердили пять «руководящих принципов» в отношениях с Россией, предложенных Ф. Могерини, высоким представителем ЕС по иностранным делам и политике безопасности. Среди них опорным являлся четвертый: востребованность выборочного взаимодействия с Россией как в сфере внешней политики (проблематика Ирана, Ближнего Востока, Северной Кореи, миграция, антитеррористическая борьба, изменение климата), так и в других вопросах, отвечающих интересам ЕС¹¹.

Ужесточение нарратива о «российской угрозе», как и в целом представлений о враждебном внешнем окружении, продолжилось в «Глобальной стратегии» ЕС, выпущенной в июне 2016 г. «Сфера взаимодействия с Россией, – говорится в ней, – представляет собой ключевой стратегический вызов... В то же время ЕС и Россия зависят друг от друга. Поэтому мы будем иметь дело с Россией для обсуждения наших противоречий и сотрудничать, если и когда наши интересы пересекаются»¹². Окончательный переход к восприятию РФ как опасности произошел в новом доктринальном документе ЕС «Стратегический компас». Россия рассматривается как «долговременная и прямая угроза европейской безопасно-

¹⁰ A secure Europe in a better world. European Security Strategy. P. 16. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-15895-2003-INIT/en/pdf> (дата обращения 30 августа 2023).

¹¹ См.: Remarks by High Representative/vice-president Federica Mogherini at the press conference following the Foreign Affairs Council // The Diplomatic Service of the European Union. 14.03.2016. URL: https://www.eeas.europa.eu/node/5490_en (дата обращения 30 августа 2023).

¹² Shared vision, common action. A stronger Europe. A global strategy for the European Union's foreign and security policy. June 2016. P. 33. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf (дата обращения 30 августа 2023).

сти», а Китай как «партнер для сотрудничества, экономический конкурент и системный противник»¹³. Перечисленные документы ЕС, как в системе сообщающихся сосудов, взаимосвязаны со стратегическими документами его государств-членов. Например, в национальной стратегии безопасности Германии, вышедшей в июне 2023 г., записано: «В настоящее время Россия является наиболее значимой угрозой для мира и безопасности в евроатлантическом регионе»¹⁴.

* * *

Геополитизация Евросоюза ведет к изменению смысла ключевых внешнеполитических категорий. Происходит милитаризация (точнее – «вепонизация»¹⁵) понятия взаимозависимости мира, которая теперь рассматривается не как благо, а как обременение, сравнимое с опасностями в военной сфере¹⁶. Соответственно, ЕС стремится прекратить «зависимость» от российских энергоресурсов, найти альтернативу китайским редкоземельным металлам и оборудованию для зеленой экономики, предпринять аналогичные действия на других направлениях.

Разновидность вестфальского суверенитета, который примеряет на себя Евросоюз, стремление говорить «языком силы» и одновременно приспособиться к «опасному» внешнему окружению приводит к выдвиганию более напористых целей и задач. Причины такого поведения носят двоякий характер с внешним и внутренним контурами. Происходит перераспределение бремени безопасности между членами Атлантического союза, втягивание Соединенными Штатами ЕС и НАТО в политику «двойного сдерживания», направленную против России и Китая. Одновременно объективные интересы развития ЕС подталкивают ряд его стран-членов к поиску путей автономии на мировой арене, к попыткам сохранить конкурентные преимущества Единого рынка перед лицом амбиций других центров силы. Однако пока в поисках своей международной

¹³ A strategic compass for security and defence. For a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security. March 2022. P. 18. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/strategic_compass_en3_web.pdf (дата обращения 30 августа 2023).

¹⁴ Integrated security for Germany. National Security Strategy. June 2023. P. 22. URL: <https://www.nationalesicherheitsstrategie.de/National-Security-Strategy-EN.pdf> (дата обращения 30 августа 2023).

¹⁵ От англ. *weaponisation* – наделение силой оружия.

¹⁶ *Borrell J.* Op. cit. P. 61.

субъектности ЕС остается заложником догматичной интерпретации «евроатлантической солидарности», своих исторических фобий, ультралиберальной ценностной идеологии.

Благодарности

Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования Российской Федерации на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

Acknowledgements

The article was published within the framework of the project “Post-Crisis World Order: Challenges and Technologies, Competition and cooperation” under a grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation to conduct major research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement No. 075-15-2020-783).

Литература

- Буторина, Борко 2022 – *Буторина О.В., Борко Ю.А.* Выгоды региональной интеграции: пересмотр концепции // Современная Европа. 2022. № 1. С. 5–20.
- Громыко 2008 – *Громыко Ал.А.* Образы России и Британии: реальности и предрасудки. М.: ИЕ РАН, 2008. 95 с.
- Громыко 2017 – *Громыко Ал.А.* Европейские исследования: дилеммы уникальности и универсальности // Современная Европа. 2017. № 2. С. 6–17.
- Громыко 2019 – *Громыко Ал.А.* Дилеммы Европейского оборонного союза // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12. № 2. С. 6–28.
- Журкин 2012 – *Журкин В.В.* Европейская армия: поражения и победы: Общая политика безопасности и обороны ЕС. М.: Международные отношения, 2012. 189 с.
- Журкин, Носов 2019 – *Журкин В.В., Носов М.Г.* 20-летие военного измерения НАТО // Современная Европа. 2019. № 1. С. 5–13.
- Кавешников, Доманов 2023 – *Кавешников Н.Ю., Доманов А.О.* Влияние расширения ЕС на скорость принятия решений // Современная Европа. 2023. № 3. С. 5–19.
- Неймарк 2021 – *Неймарк М.А.* «Хищники» в геополитике и Европа // Современная Европа. 2021. № 7. С. 152–161.

- Портанский 2023 – *Портанский А.П.* ЕС – США: новые барьеры в торговле // Современная Европа. 2023. № 4. С. 119–131.
- Потёмкина 2020 – *Потёмкина О.Ю.* Новая стратегия Союза безопасности ЕС // Европейская аналитика 2020. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 10–18.
- Романова 2021 – *Романова Т.А.* Дискурс о суверенитете Европейского союза: содержание и последствия // Современная Европа. 2021. № 5. С. 32–44.
- Рубинский, Фёдоров 2021 – *Рубинский Ю.И., Фёдоров С.М.* «Кризис подводных лодок» и его возможные последствия // Европейская аналитика 2021. М.: ИЕ РАН; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 143–150.
- Фадеева 2021 – *Фадеева Л.А.* Современные вызовы политики идентичности в ЕС // Современная Европа. 2021. № 7. С. 18–26.
- Щербак 2021 – *Щербак И.Н.* Стратегическая автономия Евросоюза на перепутье // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2021. № 2. С. 34–40.
- Biscop 2021 – *Biscop S.* Grand strategy in 10 words. A guide to great power politics in the 21st century. Bristol: Bristol University Press, 2021. 262 p.
- Cooper 2000 – *Cooper R.* The Post-Modern States And the World Order. L.: Demos, 2000. 50 p.
- Heisbourg 2020 – *Heisbourg F.* Le temps des prédateurs: la Chine, les Etats-Unis, la Russie et nous. P.: Odile Jacob, 2020. 240 p.
- Hutton 2002 – *Hutton W.* The world we're in. L.: Little, Brown, 2002. 528 p.
- Kagan 2018 – *Kagan R.* The jungle grows back. America and our imperiled world. N.Y.: Knopf, 2018. 192 p.
- Leonard 2005 – *Leonard M.* Why Europe will run the 21st century. N.Y.: PublicAffairs, 2005. 170 p.
- Rifkin 2004 – *Rifkin J.* The European dream. How Europe's vision of the future is quietly eclipsing the American dream. N.Y.: Jeremy P. Tarcher Inc., 2004. 434 p.
- Schnabel 2005 – *Schnabel A.R.* The nest superpower? The rise of Europe and its challenge to the United States. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2005. 199 p.

References

- Biscop, S. (2021), *Grand strategy in 10 words. A guide to great power politics in the 21st century*, Bristol University Press, Bristol, UK.
- Butorina, O.V. and Borko, Yu.A. (2022), “Benefits of regional integration. Revision of the concept”, *Sovremennaya Evropa*, no. 1, pp. 5–20.
- Cooper, R. (2000), *The post-modern states and the world order*, Demos, London, UK.
- Fadeeva, L.A. (2021), “Modern challenges of identity politics in the EU”, *Sovremennaya Evropa*, no. 7, pp. 18–26.
- Gromyko, Al.A. (2008), *Obrazy Rossii i Britanii: real'nosti i predrassudki* [Images of Russia and Britain. Realities and prejudices], IE RAS, Moscow, Russia.

- Gromyko, Al.A. (2017), “European studies. Dilemmas of uniqueness and universality”, *Sovremennaya Evropa*, no. 2, pp. 6–17.
- Gromyko, Al.A. (2019), “Dilemmas of the European Defence Union”, *Outlines of Global Transformations. Politics, Economics, Law*, vol. 12, no. 2, pp. 6–28.
- Heisbourg, F. (2020), *Le temps des prédateurs: la Chine, les Etats-Unis, la Russie et nous*, Odile Jacob, Paris, France.
- Hutton, W. (2002), *The world we're in*, Little, Brown, London, UK.
- Kagan, R. (2018), *The jungle grows back. America and our imperiled world*, Knopf, New York, USA.
- Kaveshnikov, N.Yu. and Domanov, A.O. (2023), “The impact of EU enlargement on the speed of decision-making”, *Sovremennaya Evropa*, no. 3, pp. 5–19.
- Leonard, M. (2005), *Why Europe will run the 21st century*, Public Affairs, New York, USA.
- Neymark, M.A. (2021), “‘Predators’ in geopolitics and Europe”, *Sovremennaya Evropa*, no. 7, pp. 152–161.
- Portanskii, A.P. (2023), “EU – USA. New barriers to trade”, *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 119–131.
- Potemkina, O.Yu. (2021), “New strategy of the EU Security Union”, in *Evropeiskaya analitika 2020* [European Analytics 2020], IE RAS, Nestor-History, Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 10–18.
- Rifkin, J. (2004), *The European dream. How Europe's vision of the future is quietly eclipsing the American dream*, Jeremy P. Tarcher Inc., New York, USA.
- Romanova, T.A. (2021), “The discourse on the sovereignty of the European Union. Content and consequences”, *Sovremennaya Evropa*, no. 5, pp. 32–44.
- Rubinskii, Yu.I. and Fedorov, S.M. (2021), “‘The submarine crisis’ and its possible consequences”, in *Evropeiskaya analitika 2021* [European Analytics 2021], IE RAS, Nestor-History, Moscow, Saint Petersburg, Russia, pp. 143–150.
- Schnabel, A.R. (2005), *The nest superpower? The rise of Europe and its challenge to the United States*, Rowman & Littlefield Publishers, Lanham, Maryland, USA.
- Shcherbak, I.N. (2021), “Strategic autonomy of the European Union at the crossroads”, *Nauchno-analiticheskii vestnik IE RAN*, no. 2, pp. 34–40.
- Zhurkin, V.V. and Nosov, M.G. (2019), “The 20th anniversary of the military dimension of NATO”, *Sovremennaya Evropa*, no. 1, pp. 5–13.
- Zhurkin, V.V. (2012), *Evropeiskaya armiya: porazheniya i pobedy: Obshchaya politika bezopasnosti i oborony ES* [The European army. Defeats and victories. The EU's Common Security and Defense Policy], International Relations, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Алексей А. Громыко, доктор политических наук, член-корреспондент РАН, Институт Европы РАН, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 11, стр. 3;

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; 603022, Россия, Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23; alexey@gromyko.ru

Information about the author

Alexey A. Gromyko, Dr. of Sci. (Political Studies), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; 11-3, Mokhovaya St., Moscow, Russia, 125009;

Lobachevsky Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod, Russia; 23, Gagarin Av., Nizhny Novgorod, Russia, 603022; alexey@gromyko.ru

Финляндизация как концепция научного исследования внешней политики и международных отношений

Ирина И. Ковяко

*Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, klq2034@mail.ru*

Аннотация. Целью данной статьи является изучение основных этапов становления научной концепции финляндизации на примере германских исследований англо-американской историографии, определение ее существенных характеристик и возможностей использования в современных исследованиях внешней политики и международных отношений.

Выбор германского кейса в данном случае представляется закономерным. Особое место германского вопроса в системе отношений великих держав, его очевидная зависимость от микроклимата советско-американских отношений, непосредственная близость ФРГ к границам социалистического блока, болезненный вопрос раскола немецкой нации – все это значительно повышало риски советского влияния и теоретически превращало ФРГ в наиболее вероятного кандидата на финляндизацию. Учитывая ключевое значение Западной Германии в системе евро-атлантической безопасности и экономики, данная перспектива воспринималась весьма болезненно, возможная переориентация ФРГ активно обсуждалась в академических кругах США и Великобритании.

Формирование финляндизации как концепции научного исследования внешней политики и международных отношений было в основном завершено к началу 1990-х гг. Сегодня она находит немало последователей и критиков среди ученых – представителей различных стран, что свидетельствует о ее современной актуальности и востребованности.

Ключевые слова: финляндизация, германские исследования, англо-американская историография, исследовательская концепция, великие державы, политический реализм, порубежье

Для цитирования: Ковяко И.И. Финляндизация как концепция научного исследования внешней политики и международных отношений // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 28–39. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-28-39

Finlandization as a concept of the scientific study of foreign policy and international relations

Iryna I. Kaviaka

Belarusian State University, Minsk, Belarus, klq2034@mail.ru

Abstract. The article is aimed at studying the main stages in the formation of the scientific concept of finlandization on the example of German studies of Anglo-American historiography, at determining its essential characteristics and the possibilities of using it in the modern research of foreign policy and international relations.

The choice of the German case seems logical. The special role of the German issue in the system of Great Powers relations, its obvious dependence on the microclimate of the Soviet-American relations, the close proximity of West Germany to the borders of the socialist bloc, the painful problem of the German nation division – all this has significantly increased the risks of Soviet influence and theoretically turned the FRG into the most likely candidate for finlandization. Given the key importance of West Germany in the system of Euro-Atlantic security and economy, this prospect was perceived very painfully, the possible reorientation of the FRG was actively discussed in the academic circles in the USA and Great Britain.

The formation of finlandization as a concept for the scientific study of foreign policy and international relations had basically been completed by the beginning of the 1990s. Today, it finds many followers and critics among scientists from different countries, which indicates its modern relevance.

Keywords: finlandization, German studies, Anglo-American historiography, research concept, great powers, political realism, frontier area

For citation: Kaviaka, I.I. (2023), “Finlandization as a concept of the scientific study of foreign policy and international relations”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 28–39, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-28-39

Введение

4 апреля 2023 г., в 74-ю годовщину образования Североатлантического альянса, Финляндия стала полноправным членом НАТО. Однако отказ страны от многолетней политики нейтралитета никоим образом не уменьшает значимость ее исторического опыта для других государств и будущих поколений. Особое положение Финляндии в системе отношений сверхдержав сделало этот опыт уникальным явлением эпохи холодной войны. Финская модель позво-

ляла выстраивать взаимовыгодные и конструктивные отношения как с СССР, так и с США, не опасаясь прямого вмешательства извне. Государство относительно небольшого размера, имея общую границу с великой державой – СССР, согласилось учитывать при проведении своего внешнеполитического курса интересы безопасности соседа. Это предопределило неучастие Финляндии в блоке НАТО и ответные гарантии со стороны СССР о невмешательстве в ее внутренние дела. В период существования Ялтинско-Потсдамской системы Финляндия превратилась в политически стабильное и экономически процветающее государство. Периодические «заморозки» и «оттепели» в отношениях сверхдержав причиняли ей гораздо меньше беспокойства и неудобств, чем многим другим странам Европы.

Вместе с тем особый путь Финляндии долгое время вызывал настороженность и негативные отклики на Западе. В условиях биполярности удаленность от одного из полюсов силы часто воспринималось как сближение с другим. Отношение к феномену финляндизации часто имело критическую окраску и сопровождалось размышлениями о росте влияния левых сил и усилении позиций мирового коммунизма. В связи с этим экстраполяция финской модели на другие государства Западной Европы являлась демонстрацией тревоги и страха. Понятие «финляндизация» постепенно распространялось в послевоенном общественно-политическом дискурсе и к концу 1960-х гг. пришло в академическую науку стран Запада. Оно использовалось при анализе международных отношений и внешней политики отдельных государств, оценке возможных последствий и рисков тех или иных событий для стран Запада. На протяжении нескольких десятилетий концепция финляндизации совершенствовалась, обрала новыми кейсами из области практической политики, обрела собственное академическое содержание. На наш взгляд, становление концепции финляндизации наиболее ярко и отчетливо можно наблюдать на примере германских исследований в англо-американской историографии.

Обзор научной литературы

При подготовке статьи были использованы тематические публикации отечественных и зарубежных авторов. Обсуждение феномена финляндизации в политических и общественных кругах зарубежья в 1960-е гг. обусловило появление первых научных работ, посвященных данному вопросу. Формирование новой концепции научного исследования продолжалось до начала 1990-х гг.

Комплексное осмысление феномена финляндизации представили американский историк В. Лакер [Laqueur 1980] и датский политолог Х. Мурицен [Mouritzen 1988]. Детальный обзор эволюции понятия «финляндизация» в западном политическом дискурсе 1960–1980-х гг. нашел отражение в публикации современного исследователя А.В. Голубева [Голубев 2011].

На протяжении холодной войны одним из благоприятных тематических полей для апробации концепции стали германские исследования. Выбор темы обусловил пристальное внимание к публикациям британских и американских авторов. Использование понятия «финляндизация» при изучении, анализе и прогнозировании внешней политики ФРГ стало характерным для многих представителей исторической германистики и международных исследований. Примером могут служить работы М. Бальфура [Balfour 1968], У. Клеменса [Clemens 1970], Э. Кроули [Crawley 1973], М. Макколея [McCauley 1979], которые вышли в свет в конце 1960-х – 1970-е гг. Концепция обрела новую актуальность и обогатилась новыми оттенками содержания на рубеже 1970–1980-х гг. А. Стент [Stent 1981], Л. Эдингер [Edinger 1980–1981], Д. Нельсон [Nelson 1987], У. Гриффит [Griffit 1989], М. Содаро [Sodaro 1990] и некоторые другие авторы переосмыслили феномен финляндизации и попытались его применить при изучении западногерманской внешней политики 1980-х гг.

Современные тенденции и вызовы международных отношений вернули концепцию финляндизации в отечественную и зарубежную историографию. Исследователь С. Минасян использовал ее при изучении внешней политики постсоветских государств европейского региона, Кавказа и Центральной Азии [Минасян 2014]. О потенциальных преимуществах финской модели для бывших социалистических стран Европы писали Дж. Квестер и Р. Беттс [Quester 1990; Betts 2015]. Возможности использования финской модели в качестве внешнеполитической стратегии малых государств проанализированы в статье К.В. Воронова [Воронов 2019]. Н.Ю. Вежливцева представила сравнение различных интерпретаций понятия «финляндизация» и предложила современный взгляд на концепцию [Вежливцева 2020]. Зарубежные авторы Б. Джили и Т. Кивимяки использовали концепцию финляндизации при изучении тайваньского вопроса и взаимоотношений Пекина и Тайбэя [Gilley 2010; Kivimäki 2015]. Возможность использования данной модели при анализе современных международных процессов критически анализируется в работах Х. Мурицена, В. Чанг, Т. Юнтунена, Б. Таллиса [Chang, Mouritzen, Gilley 2010; Juntunen 2017; Tallis 2017; Mouritzen 2017].

Методы

Статья подготовлена с учетом принципов историзма и объективности. Возникновение и развитие финляндизации как исследовательской концепции рассмотрено с учетом исторического контекста. Анализ концепции в рамках германских исследований в англо-американской историографии проведен с учетом изменений в международной обстановке, состоянии германской проблемы и внешнеполитическом курсе Великобритании и США. При проведении исследования использовались как общенаучные, так и специальные исторические методы исследования: анализ и синтез материала, историко-сравнительный, историко-системный и историко-функциональный методы, а также геополитический и ретроспективный подходы. Применение разнообразных методов и широкая источниковая база исследования способствовали достижению относительной научной объективности полученных результатов и выводов.

Результаты анализа

ФРГ в период холодной войны неслучайно оказалась в центре внимания разработчиков концепции финляндизации. Этому во многом способствовало ее географическое расположение на стыке сфер влияния США и СССР. Западная Германия являлась членом НАТО, поэтому вопрос о ее возможной финляндизации имел высокую актуальность для американских и британских исследователей. Первые упоминания термина «финляндизация» в отношении ФРГ можно обнаружить в публикациях конца 1960 – начала 1970-х гг., посвященных изучению Новой восточной политики. На первый взгляд курс Бонна полностью соответствовал общим тенденциям международной разрядки. Вместе с тем особые обстоятельства, в которых оказался немецкий народ после войны, а также исторический опыт германо-российских отношений способствовали нарастанию тревожных оценок в англо-американской историографии. По замечанию дипломата и исследователя Дж.Ф. Кеннана, страх перед возможной финляндизацией ФРГ свидетельствовал о внутренней неуверенности стран Запада в собственной внешнеполитической стратегии [Кеннан 1974, р. 16]. Анализ работ позволил установить три характерные особенности применения концепции финляндизации, которые сформировались в процессе изучения Новой восточной политики ФРГ.

Во-первых, использование понятия представлялось возможным лишь в отношении государства, которое находится в непосредственном соседстве с великой державой либо располагается на границе блоков. В таком случае ее возможное сближение с соперником таило угрозу серьезного геостратегического поражения одной из сторон. Смещение внимания ФРГ на Восток вызывало опасения в связи с возможным отдалением от Запада. СССР располагал ресурсом влияния в германском вопросе и, по мнению западных авторов, мог искушать немцев перспективой национального единства [Balfour 1968, p. 294; Crawley 1973, p. 285]. Ситуация усугублялась «комплексом Рапалло» – историческим страхом Великобритании и США перед союзом Германии и России [Ковяко 2018].

Во-вторых, курс на финляндизацию должен быть добровольно инициирован правительством малого/среднего государства. Это подтверждает периодическое употребление термина «самофинляндизация» в отношении западногерманской политики. Впоследствии, когда концепция наполнится содержанием, потребность в приставке «само-» исчезнет, поскольку данное смысловое значение уже окажется заложенным в понятии. Однако термин «самофинляндизация» может использоваться отдельными авторами, которые не признают добровольный характер действий финского руководства в послевоенный период, полагая, что внешнеполитический курс государства сформировался под внешним давлением. В таком случае использование понятия «самофинляндизация» в историографии призвано подчеркнуть именно добровольный и осознанный характер действий правительства в том или ином случае [Griffit 1989, p. 54].

В-третьих, в определенный исторический момент, связанный с серьезным изменением отношений великих держав, вероятность финляндизации присутствует по обе стороны условной разграничительной линии. Это позволяет говорить о наличии *зоны потенциальной финляндизации (курсив авт.)*, в которую могут входить несколько стран порубежья. Впервые о серьезных последствиях Новой восточной политики ФРГ для социалистических государств Центральной и Восточной Европы упоминал профессор Бостонского университета У. Клеменс. Он писал о возможной финляндизации Польши и Чехословакии, которые при поддержке ФРГ могут сблизиться с Западом и стать более независимыми от Москвы [Clemens 1970, p. 488]. Впоследствии размышления У. Клеменса были подхвачены другими авторами и получили наибольшую популярность в начале 1990-х гг. в связи с распадом социалистической системы в Европе [Armstrong 1993; Fulbrook 1992].

На рубеже 1970–1980-х гг. в англо-американской историографии произошло возрождение интереса к концепции финляндизации. В данный период наблюдался рост противоречий в отношениях ФРГ и США. Новый виток холодной войны, который последовал за вводом советских войск в Афганистан, значительно ослабил взаимопонимание партнеров. ФРГ за годы Новой восточной политики установила широкую сеть взаимовыгодных контактов с социалистическими странами Европы и весьма прохладно отнеслась к механизму предложенных санкций. К началу 1980-х гг. западногерманский потенциал достиг того уровня, который позволял требовать пересмотра взаимоотношений с США [Nelson 1987, p. 3–4]. В перспективе это могло привести к отдалению ФРГ от западных партнеров и интеграционных объединений. В связи с этим в англо-американской историографии стали обсуждаться перспективы расширения полномочий ФРГ внутри НАТО, включая допуск немцев к контролю над ядерным оружием. Подобные реформы в совокупности с сохранением американских вооруженных сил и размещением тактического ядерного оружия НАТО на территории ФРГ рассматривались как стабилизирующие мероприятия, направленные на снижение рисков возможной финляндизации [Edinger 1980–1981, p. 593; Garnham 1985, p. 109].

На данном примере можно наблюдать формирование еще одной характерной особенности концепции: она использовалась при анализе ситуации, которая характеризовалась возрастанием потенциала малого/среднего государства – партнера великой державы. Можно заметить, что в процессе финляндизации происходит пересмотр соотношения союзнических и национальных интересов в пользу последних. Эти изменения необязательно означают кризис или серьезное ухудшение отношений между малой и великой державой. Вместе с тем они неизбежно ассоциируются с отдалением «финляндизирующегося» государства от одного центра силы и его сближением с альтернативным центром. Германский случай демонстрирует, что дальнейшее развитие процесса финляндизации может быть остановлено своевременными уступками партнеру со стороны великой державы (США), которая заинтересована в сохранении союза, при условии невмешательства в ситуацию державы-оппонента (СССР).

Выводы

Формирование исследовательской концепции финляндизации было изначально обусловлено историческим и практическим опытом послевоенной Финляндии. Особое положение государства в

условиях противостояния СССР и США, его нейтральный статус и гарантии безопасности соседней великой державе позволили сохранить независимость внутренней политики и создать основы для успешного социально-экономического развития. Финская модель активно обсуждалась на Западе и в 1960-е гг. привлекла внимание академического сообщества. Становление исследовательской концепции финляндизации может быть наглядно продемонстрировано на примере германских исследований англо-американской историографии холодной войны. Их анализ позволил раскрыть предпосылки и особенности использования концепции при изучении внешней политики государств.

Во-первых, изучаемая малая/средняя страна должна располагаться на границе сфер влияния великих держав (либо в непосредственном географическом соседстве с одной из них).

Во-вторых, актуальность концепции возрастает при наличии качественных изменений в отношениях великих держав (улучшение или ухудшение).

В-третьих, существенный рост потенциала малого/среднего государства и его отдаление от великой державы – традиционного партнера, а также пересмотр соотношения национальных и союзнических интересов также располагает к применению концепции.

В-четвертых, финляндизация подразумевает добровольный характер изменений внешнеполитического курса малого/среднего государства, основанный на стремлении извлечь максимальную выгоду из отношений с более сильным и влиятельным партнером (иногда для акцентирования внимания на доброй воле правительства может использоваться термин «самофинляндизация»).

В-пятых, концепция может использоваться при существовании теоретической возможности провозглашения нейтрального статуса малым/средним государством, которое находится на порубежье и/или является членом военно-политического блока.

В современных условиях концепция финляндизации находит немало последователей, которые пытаются ее использовать при изучении внешней политики малых и средних государств, а также международных отношений в отдельных конфликтогенных регионах, располагающихся на границе сфер влияния и интересов великих держав. Использование концепции финляндизации подразумевает следование принципу политического реализма, который помещает в центр внимания великие державы вместе с их интересами, целями, ресурсами и потенциалом. Исследователи, которые не разделяют положений политического реализма, как правило, критически относятся к возможности применения финской модели для изучения современных международных процессов.

Литература

- Вежливецва 2020 – *Вежливецва Н.Ю.* Современное прочтение термина «финляндизация» // Современная Европа. 2020. № 4. С. 83–90.
- Воронов 2019 – *Воронов К.В.* Стратегии международной адаптации малых стран: сателлитизм vs финляндизация // Международная жизнь. 2019. № 5. С. 44–55. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2185> (дата обращения 30 марта 2023).
- Голубев 2011 – *Голубев А.В.* Эволюция термина «финляндизация» в западных политических дискурсах 1960–1980-х гг. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. Т. 1. № 7. С. 7–12.
- Ковьяко 2018 – *Ковьяко И.И.* «Комплекс Рапалло» в англо-американской историографии германского вопроса 1945–1990 гг. // Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений / Гл. ред. В.А. Космач. Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. С. 163–166.
- Минасян 2014 – *Минасян С.* «Финляндизация» постсоветского пространства // Россия в глобальной политике. 2014. Т. 12. № 2. С. 109–116.
- Armstrong 1993 – *Armstrong T.* Breaking the ice. Rapprochement between East and West Germany, the United States and China, and Israel and Egypt. Washington: United States Institute of Peace Press, 1993. 187 p.
- Gilley 2010 – *Gilley B.* Not so dire straits. How the Finlandization of Taiwan benefits U.S. security // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. No. 1. P. 44–60. URL: <https://omnilogos.com/not-so-dire-straits-how-finlandization-of-taiwan-benefits-us-security/> (дата обращения 30 марта 2023).
- Balfour 1968 – *Balfour M.* West Germany. N.Y.: Praeger, 1968. 344 p.
- Betts 2015 – *Betts R.K.* The realist persuasion // The National Interest. 2015. No. 139. P. 46–55. URL: <http://www.jstor.org/stable/44028493/> (дата обращения 30 марта 2023).
- Chang, Mouritzen, Gilley 2010 – *Chang V., Mouritzen H., Gilley B.* To the Finland station. Is Taiwan selling out to China? // Foreign Affairs. 2010. Vol. 89. No. 3. P. 128–133. URL: <http://www.jstor.org/stable/25680922/> (дата обращения 30 марта 2023).
- Clemens 1970 – *Clemens W.C.* The Soviet world faces West: 1945–1970 // International Affairs. 1970. Vol. 46. No. 3. P. 475–489.
- Crawley 1973 – *Crawley A.* The rise of Western Germany, 1945–1972. L.: Collins, 1973. 315 p.
- Edinger 1980–1981 – *Edinger L.J.* The German-American connection in the 1980s // Political Science Quarterly. 1980–1981. Vol. 95. No. 4. P. 589–606. URL: <https://www.jstor.org/stable/2150606> (дата обращения 2 сентября 2018).
- Garnham 1985 – *Garnham D.* Extending deterrence with German nuclear weapons // International Security. 1985. Vol. 10. No. 1. P. 96–110. URL: <https://www.jstor.org/stable/2538791> (дата обращения 23 сентября 2018).
- Griffith 1989 – *Griffith W.* The American view // Germany between East and West / Ed. by E. Moreton. Cambridge: Cambridge University Press, 1989. P. 49–63.

- Fulbrook 1992 – *Fulbrook M.* The two Germanies, 1945–1990. Problems of interpretation. L.: Macmillan, 1992. 114 p.
- Juntunen 2017 – *Juntunen T.* Helsinki syndrome. The parochronistic Renaissance of Finlandization in international politics // *New Perspectives*. 2017. Vol. 25. No. 1. P. 55–84. URL: <https://www.jstor.org/stable/26470154/> (дата обращения 30 марта 2023).
- Kennan 1974 – *Kennan G.F.* Europe's problems, Europe's choices // *Foreign Policy*. 1974. Vol. 14. P. 3–16. URL: <https://www.jstor.org/stable/1147941> (дата обращения 29 марта 2018).
- Kivimäki 2015 – *Kivimäki T.* Finlandization and the peaceful development of China // *The Chinese Journal of International Politics*. 2015. Vol. 8. No. 2. P. 139–166. URL: <https://www.jstor.org/stable/48615925/> (дата обращения 30 марта 2023).
- Laqueur 1980 – *Laqueur W.* The political psychology of appeasement. Finlandization and other unpopular essays. L.: Routledge, 1980. 282 p.
- McCauley 1979 – *McCauley M.* Marxism-Leninism in the German Democratic Republic. L.: Macmillan, 1979. 267 p.
- Mouritzen 1988 – *Mouritzen H.* Finlandization. Towards a general theory of adaptive politics. Aldershot: Avebury, 1988. 463 p.
- Mouritzen 2017 – *Mouritzen H.* Small states and Finlandisation in the age of Trump // *Survival*. 2017. Vol. 59 (2). P. 67–84.
- Nelson 1987 – *Nelson D.J.* Defenders or intruders? The dilemmas of U.S. forces in Germany. Boulder; London: Westview Press, 1987. 288 p.
- Qeuster 1990 – *Qeuster G.* Finlandization as a problem or an opportunity? // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1990. Vol. 512. P. 33–45.
- Sodaro 1990 – *Sodaro M.J.* Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev. Ithaca; London: Cornell University, 1990. 423 p.
- Stent 1981 – *Stent A.* From embargo to Ostpolitik. The political economy of West German-Soviet relations, 1955–1980. Cambridge: Cambridge University, 1981. 328 p.
- Tallis 2017 – *Tallis B.* Waiting for the dark, waiting for the light // *New Perspectives*. 2017. Vol. 25. No. 1. P. 7–18. URL: <https://www.jstor.org/stable/26470152/> (дата обращения 30 марта 2023).

References

- Armstrong, T. (1993), *Breaking the ice. Rapprochement between East and West Germany, the United States and China, and Israel and Egypt*, United States Institute of Peace Press, Washington, USA.
- Balfour, M. (1968), *West Germany*, Praeger, New York, USA.
- Betts, R.K. (2015), “The realist persuasion”, *The National Interest*, vol. 139, pp. 46–55, available at: <http://www.jstor.org/stable/44028493/> (Accessed 30 March 2023).

- Chang, V., Mouritzen, H. and Gilley, B. (2010), "To the Finland station. Is Taiwan selling out to China?", *Foreign Affairs*, vol. 89, no. 3, pp. 128–33, available at: <http://www.jstor.org/stable/25680922/> (Accessed 30 March 2023).
- Clemens, W.C. (1970), "The Soviet world faces West: 1945–1970", *International Affairs*, vol. 46, no. 3, pp. 475–489.
- Crawley, A. (1973), *The rise of Western Germany, 1945–1972*, Collins, London, UK.
- Edinger, L.J. (1980–1981), "The German-American connection in the 1980s", *Political Science Quarterly*, vol. 95, no. 4, pp. 589–606, available at: <https://www.jstor.org/stable/2150606/> (Accessed 2 Sept. 2018).
- Garnham, D. (1985), "Extending deterrence with German nuclear weapons", *International Security*, vol. 10, no. 1, pp. 96–110, available at: <https://www.jstor.org/stable/2538791/> (Accessed 23 Sept. 2018).
- Gilley, B. (2010), "Not so dire straits. How the Finlandization of Taiwan benefits U.S. security", *Foreign Affairs*, vol. 89, no. 1, pp. 44–60, available at: <https://omnilogos.com/not-so-dire-straits-how-finlandization-of-taiwan-benefits-us-security/> (Accessed 30 March 2023).
- Golubev, A.V. (2011), "Evolution of the Term 'Finlandization' in Western Political Discourses of the 1960s – 1980s", *Proceedings of Petrozavodsk state university. Social sciences & Humanities*, vol. 1, no. 7, pp. 7–12.
- Griffith, W. (1989), "The American view", in Moreton, E., ed., *Germany between East and West*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 49–63.
- Fulbrook, M. (1992), *The two Germanies, 1945–1990. Problems of interpretation*, Macmillan, London, UK.
- Juntunen, T. (2017), "Helsinki syndrome. The parachronistic Renaissance of Finlandization in international politics", *New Perspectives*, vol. 25, no. 1, pp. 55–84, available at: <https://www.jstor.org/stable/26470154/> (Accessed 30 March 2023).
- Kaviaka, I.I. (2018), " 'Rapallo complex' in Anglo-American Historiography of German question, 1945–1990". In Kosmach, V.A. (ed.) *Pervaya mirovaya voyna i stanovlenie Versalsko-Vashingtonskoi sistemy mezhdunarodnykh otnoshenii* [World War I and emergence of Versailles-Washington system of international relations], Vitebskii gosudarstvennyi universitet imeni P.M. Masherova, Vitebsk, Belarus, pp. 163–66.
- Kennan, G.F. (1974), "Europe's problems, Europe's choices", *Foreign Policy*, vol. 14, pp. 3–16, available at: <https://www.jstor.org/stable/1147941> (Accessed 23 Sept. 2018).
- Kivimäki, T. (2015), "Finlandization and the peaceful development of China", *The Chinese Journal of International Politics*, vol. 8, no. 2, pp. 139–166, available at: <https://www.jstor.org/stable/48615925/> (Accessed 30 March 2023).
- Laqueur, W. (1980), *The political psychology of appeasement. Finlandization and other unpopular essays*, Routledge, London, UK.
- McCauley, M. (1979), *Marxism-Leninism in the German Democratic Republic*, Macmillan, London, UK.
- Minasyan, S. (2014), "Finlandization" of the Post-Soviet space", *Rossiya v global'noi politike*, vol. 12, no. 2, pp. 109–116.

- Mouritzen, H. (1988), *Finlandization. Towards a general theory of adaptive politics*, Avebury, Aldershot, UK.
- Mouritzen, H. (2017), "Small states and Finlandisation in the age of Trump", *Survival*, vol. 59, no. 2, pp. 67–84.
- Nelson, D.J. (1987), *Defenders or intruders? The dilemmas of U.S. forces in Germany*, Westview Press, Boulder, USA, London, UK.
- Quester, G.H. (1990) "Finlandization as a problem or an opportunity?", *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 512, pp. 33–45.
- Sodaro, M.J. (1990), *Moscow, Germany and the West from Khrushchev to Gorbachev*, Cornell University, Ithaca, USA, London, UK.
- Stent, A. (1981), *From embargo to Ostpolitik. The political economy of West German-Soviet relations, 1955–1980*, Cambridge University, Cambridge, UK.
- Tallis, B. (2017), "Waiting for the dark, waiting for the light", *New Perspectives*, vol. 25, no. 1, pp. 7–18, available at: <https://www.jstor.org/stable/26470152/> (Accessed 30 March 2023).
- Vezhlytseva, N.Yu. (2020), "The interpretation of 'Finlandization' ", *Sovremennaya Evropa*, no. 4, pp. 83–90.
- Voronov, K.V. (2019), "International adaptation strategies for small countries. Satelliteism vs Finlandization", *Mezhdunarodnaya zhizn'*, no. 5, pp. 44–55, available at: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2185> (Accessed 30 March 2023).

Информация об авторе

Ирина И. Ковяко, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь; 220004, Беларусь, Минск, пр-кт Независимости, д. 4; klq2034@mail.ru

Information about the author

Iryna I. Kaviaka, Cand. of Sci. (History), associate professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus; 4, Nezavisimosti Av., Minsk, Belarus, 220004; klq2034@mail.ru

Основные организационные положения сионистских молодежных движений в Советской России в 1920-х гг.

Ирина Ю. Бережанская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, rina3000@rambler.ru*

Аннотация. Тема истории сионистского движения в России до сих пор остается спорной и недостаточно изученной. В этой связи работа призвана восполнить лакуны, уточнить ряд вопросов по теме и расширить ее историографию. При подготовке публикации были применены историко-генетический и историко-системный методы исследования. Новизна вопроса заключается в том, что, поскольку многие годы в нашей стране термин «сионизм» был негативным и приравнялся к расизму, а работы, содержащие иной взгляд, стали появляться сравнительно недавно: с открытием архивов – каждая публикация дает новую возможность объективного изучения вопроса. В отличие от многих партий в Советской России, признанных контрреволюционными, сионистские организации привлекали в свои ряды значительное число молодежи и даже подростков, что стало уникальной чертой движения, чьей целью было воспитать здоровое поколение, способное строить новое государство. Изучение данных аспектов позволит провести параллели между различными антисоветскими партиями и организациями в России, вычленив основные вехи развития сионистского молодежного движения, прийти к выводам о том, что одной из особенностей юношеских течений было то, что часть создавалась именно молодежью и не зависела от партий старшего поколения, а другие формировались на базе уже существовавших с целью расширения влияния. Статья подготовлена на основе российских и зарубежных архивных документов, чье введение в научный оборот пополнит источниковую базу по истории сионистского движения в Советской России.

Ключевые слова: сионистские молодежные движения, архивные документы, культурная работа, Палестина, Советская Россия, подполье, объединение

Для цитирования: Бережанская И.Ю. Основные организационные положения сионистских молодежных движений в Советской России в 1920-х гг. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 40–57. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-40-57

The main organizational statements of Zionist youth movements in Soviet Russia in the 1920s

Irina Yu. Berezhanskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
rina3000@rambler.ru*

Annotation. The topic of Zionist movement history in Russia is still controversial and has not been sufficiently studied. In this regard, the work is intended to fill in the gaps, clarify a number of issues on the topic and expand its historiography. In preparing the publication, historical-genetic and historical-systemic methods of research were applied. The novelty of the issue lies in the fact that each publication provides a new opportunity for an objective research of the issue, since for many years the term “Zionism” had negative connotations in our country and was equated with racism, and the works containing a different view started appearing relatively recently with the opening of archives. Unlike many parties in Soviet Russia, which were recognized as counter-revolutionary, the Zionist organizations attracted significant numbers of young people including teenagers, and that became a unique feature of the movement, whose goal was to raise a healthy generation capable of building a new state. The study of those aspects will make it possible to draw parallels between various anti-Soviet parties and organizations in Russia, to isolate the main milestones in the development of the Zionist youth movement, to come to the conclusion that one of the peculiarities of youth movements was that some part of them was created by the youth and did not depend on the older generation parties, while others, in order to expand influence, were formed on the basis of those parties that had already existed. The article was prepared on the basis of Russian and foreign archival documents, whose introduction into scientific circulation will replenish the source base on the Zionist movement history in Soviet Russia.

Keywords: Zionist youth movements, archival documents, cultural work, Palestine, Soviet Russia, underground, consolidation

For citation: Berezhanskaya, I.Yu. (2023), “The main organizational statements of Zionist youth movements in Soviet Russia in the 1920s”, *RSUH/RGGU Bulletin “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 40–57, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-40-57

Введение

Сионистскую идею, провозглашенную в 1897 г. Т. Герцлем¹ и принесенную в Россию одним из отечественных пионеров движе-

¹ Герцль Теодор (1860–1904), основатель политического сионизма. 29–31 августа 1897 г. в Базеле состоялся 1-й Сионистский конгресс, при-

ния И. Членовым², разделила часть еврейского населения нашей страны. Стали организовываться кружки и группы приверженцев сионизма, которые изначально занимались культурными вопросами и просвещением. Для вступления в ряды последователей сионистской идеи практически не было ограничений. Так, в Риге в 1898 г. был образован кружок, в который входили достаточно обеспеченные люди: они собирались в ресторанах и на частных квартирах, где за вход брали высокую плату. Московский кружок составляли воспитанники местных высших учебных заведений. Кружок в Гомеле устраивал собрания для простонародья. Киевский кружок активно занимался обучением еврейских детей, в чем принимали участие женщины и студенты, входившие в него³. В дальнейшем от вопросов образования и культуры участники российского сионистского движения стали постепенно переходить к политическим вопросам, что вызвало резкое противодействие властей. До революции в феврале 1917 г. сионистская деятельность пресекалась, проходили аресты руководителей и активистов движения, организации были загнаны в подполье и практически бездействовали. Февраль 1917 г. отменил антиеврейские ограничительные законы и дал возможность легализоваться сионистским организациям в России. Движение начало активную работу, количество членов организаций резко возросло. В 1920-х гг. Советская Россия стала ареной активной сионистской деятельности, которая охватила тысячи молодых людей. Помимо молодежных организаций, возраст участников которых был от 17 до 23, формировались и детские, куда можно было вступить с 10 лет. Все они, наравне со взрослыми участниками, боролись за национальное самоопределение, готовились строить новое еврейское государство в Палестине, провозглашали социалистические идеи и были приравнены к антисоветским контрреволюционным партиям, ликвидация которых была поручена советским органам безопасности.

История сионистского движения в нашей стране остается недостаточно исследованной и спорной темой. Первые публикации о сионистском движении вышли в свет как отклик на проведенный

нявший программу сионистского движения и основавший Всемирную сионистскую организацию, президентом которой был избран Герцль.

² Членов Иехиэль (Ефим Владимирович) (1863–1918), один из организаторов и лидеров палестинофильского движения в России. После Первого сионистского конгресса вступил в Сионистскую организацию и стал одним из главных сионистских лидеров в России.

³ См.: *Лопухин А.А.* Сионизм: Исторический очерк его развития: Записка, составленная в Департамент полиции. СПб., 1903. С. 25–26.

в Базеле Первый сионистский конгресс. Обзор периодической и неперидической литературы на эту тему дал историк А.Е. Локшин в статье «Споры о сионизме в России начала XX века» [Локшин 2010]. Впоследствии, когда сионистское движение оказалось под запретом, материалы по теме публиковались вплоть до октября 1917 г.⁴ В них освещались сионистские конгрессы и всероссийские съезды, приводились доводы в пользу движения и аргументы против, содержались рассуждения о сионизме в контексте истории мирового еврейства. После революции и в советский период термин «сионизм» стал носить негативный оттенок, что отразилось в работах, в которых движение обвинялось в национализме, антикоммунизме и расизме [Иванов 1970; Моджорян 1979; Даддани 1986]. В Израиле в этот период выходили в свет воспоминания лидеров сионистских организаций, которые сумели уехать из Советской России в Палестину в период гонений [Маор 1977], однако отечественные исследователи не имели возможности с ними знакомиться. В частности, книга И. Маора «Сионистское движение в России», в 1973 г. вышедшая в Израиле, в 1977 г. была переведена на русский язык в издательстве «Библиотека-Алия». В 1970–1980-х гг. это израильское издательство доставляло в СССР книги, которые советские власти зачастую изымали. С конца 1980-х гг. они стали основными источниками знаний в области иудаики и о Государстве Израиль для евреев СССР. Таким образом, одна из основополагающих публикаций о сионистском движении в нашей стране дошла до отечественных исследователей спустя годы. То же можно сказать о книгах активиста организаций «Геховер» и ЕВОСМ Л. Ценципера⁵ и члена ЦК Сионистской трудовой партии и нелегального «Гехолуц» Б. Веста⁶. Ценципер в течение 30 лет собирал документы сионистских партий и организаций, которые действовали в России

⁴ См.: *Троцкий И.* О сионизме и современном иудействе // Христианское чтение. 1903. № 5. С. 745; *Глаголев А.А.* Сионистское движение в современном еврействе и отношении этого движения к всемирно-исторической задаче библейского Израиля // Труды Киевской духовной академии. 1905. Т. 1. № 4. С. 562.

⁵ *Ценципер Лев* (Рефаэли Арье) (1900–1977), деятель и историк сионистского движения в России. В июне 1925 г. арестован, приговорен к трем годам ссылки в Сибирь. После полутора лет ареста и ссылки приговор заменен на выезд в Палестину без права возвращения в СССР.

⁶ *Вест Бишнямин* – писатель, журналист. После ареста в 1924 г. выехал в Палестину. Поддерживал через Е.П. Пешкову связь с подпольными сионистскими организациями, оказывал материальную и моральную поддержку арестованным сионистам.

и СССР, и передал их впоследствии Центральному сионистскому архиву. Вест собрал большой фонд, находящийся на хранении в Институте изучения рабочего движения им. Пинхаса Лавона, который включает документы, найденные в процессе подготовки книг о сионистском движении в России, и обширную переписку с сионистами, находившимися в изгнании.

После распада СССР отечественные архивы предоставили возможность знакомиться с рассекреченными документами, посвященными сионистскому движению: стали появляться публикации, лишенные идеологической окраски [Симонова 2002; Галили 2003], в частности посвященные истории отдельных организаций и партий⁷. Тем не менее к настоящему времени изучение истории сионизма в нашей стране все еще остается актуальной темой и широким полем деятельности для исследователей. Информация о ряде партий и течений, особенно немногочисленных, подпольных, разрозненна и зачастую скудна. Кроме того, отдельно о юношеских организациях в источниках содержатся лишь незначительные сведения. При этом необходимо добавить, что именно их участники впоследствии уехали в Палестину, создавали будущее Государство Израиль и в первые десятилетия его существования определили политику страны.

В период активной деятельности в Советской России в 1920-х гг. было несколько организаций молодежной направленности: Организация сионистской учащейся молодежи «Геховер»⁸, Единая всероссийская организация сионистской молодежи (ЕВОСМ), Еврейский союз цофим (скаутов) «Гашомер Гацоир»⁹ (национальный), Союз еврейских скаутов в России «Гашомер Гацоир» (классовый), Сионистско-социалистический союз молодежи (ЦС Югенд Фербанд¹⁰), Еврейский союз социалистической молодежи (ЕССМ). Как отмечает историк З. Галили, «молодежь встретила с энтузиазмом призыв к строительству социалистического общества. Октябрьская революция была идеологическим полюсом, притягивавшим потенциальных сторонников сионистского дела и одновременно оказывавшим значительное влияние на многие группы и персоналии, остававшиеся в орбите сионистской идеологии. Возникло, по сути, противоборство между социализмом и национализмом, между универсальным и партикуляристским решением “еврейского” вопроса; противоборство,

⁷ *Трумфельдор И.В.* Гехолуц: Новый путь: Биография. Воспоминания. Статьи. Симферополь: ИД Коктебель, 2012. 287 с. См. также: [Ермолаева 1993].

⁸ Геховер (иврит) – товарищ.

⁹ Гашомер Гацоир (иврит) – молодой страж.

¹⁰ Югенд Фербанд (идиш) – молодежный союз.

в котором одна из сторон поддерживалась правительственными и партийными организациями и приобретала возрастающее влияние среди организованной городской молодежи» [Галили 2003]. Материалы о юношеских сионистских организациях сохранились в ряде отечественных и зарубежных архивов, в частности, Институте исследования и документации киббуца Яд Табенкин, Институте изучения рабочего движения им. Пинхаса Лавона, Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Центральном архиве (ЦА) ФСБ России. Введение в научный оборот этих документов не только пополнит источниковую базу по теме сионистских молодежных движений в СССР, но и расширит представление исследователей по данному вопросу, а также позволит составить представление о создании, целях, задачах и деятельности молодежных организаций, проанализировать изменение взглядов участников и причины распада. Особый интерес представляют сведения о ключевых направлениях деятельности организаций, закрепленных в программных положениях, платформах и итогах основополагающих конференций.

«Геховер»

Организация сионистской учащейся молодежи «Геховер» (или «Хе-Хавер», как чаще употребляется в настоящее время) была основана в 1911 г. Она пропагандировала сионистскую идею и обучала своих членов ивриту, а также истории евреев и Эрец-Исраэль. Организация всегда особо подчеркивала свою аполитичность и независимость, стараясь отмежеваться от любых существовавших тогда политических сионистских группировок.

В 1917 г. число ячеек организации достигло 100, и в Петрограде состоялась первая открытая конференция «Геховер». После Октябрьской революции организации пришлось уйти в подполье. В марте 1924 г. «Геховер» слился с молодежными организациями «Гистадрут»¹¹ и «Кадима»¹². Новое объединение стало называться Единой всероссийской организацией сионистской молодежи.

¹¹ Гистадрут (иврит; букв. организация) – организация сионистских школьников. Основана в Одессе в 1905 г. Основной, как и в «Геховер», была культурно-образовательная работа. В июне 1917 г. стала принимать в свои ряды не только учащуюся молодежь. В Гражданскую войну многие члены покинули страну. В марте 1924 г. объединилась с организациями «Геховер» и «Кадима» в Единую всероссийскую организацию сионистской молодежи.

¹² Кадима (иврит; вперед) – сионистская молодежная организация. Занималась подготовкой еврейской молодежи к трудовой жизни в Палестине.

С момента образования организации «Геховер» ее члены занимались образовательной деятельностью и во главу угла своей работы ставили культуру и просвещение. Эти основные направления остались неизменными до объединения «Геховер» с «Гистадрут» и «Кадима», что подтверждено в резолюциях IX Всероссийской конференции организации в январе 1924 г. Документ сохранился в фонде архивных уголовных дел ЦА ФСБ России. В нем, в частности, отражены резолюции по вопросам, стоявшим на повестке дня IX Всероссийской конференции «Геховер»: перспективы развития самого «Геховер» и создание единой организации сионистской молодежи, культурная и палестинская работа, внутреннее положение и дальнейшая тактика «Геховер».

Поскольку культура, образование и просвещение стали основными направлениями работы «Геховер», движение стремилось воспитать сионистскую интеллигенцию. Участники подчеркивали необходимость ее подготовки и утверждали, что только она в состоянии выполнить задачи, стоявшие перед сионистским движением. Кроме того, по их мнению, неотъемлемой частью работы молодежного сионистского движения было сплочение всех его форм и объединение лучших идей, которые пропагандировали юношеские союзы. В этой связи просвещение и необходимость единства молодежного сионистского движения обусловили принятие на IX Всероссийской конференции «Геховер» пункт о создании единой организации сионистской молодежи, чей дальнейший путь мог бы стать завершением длительной эволюции, проделанной «Геховер» за время существования.

Воспитать сионистскую интеллигенцию и тем самым выполнить главную задачу деятельности движения, как считали его руководители, можно было только посредством культурной работы. Современные реалии трактовали новые условия для ее проведения: гонения на все проявления духовной жизни еврейства привели к проникновению ассимиляционных тенденций в еврейские массы, в связи с чем культурная работа приобрела национальное значение. Поэтому не только члены «Геховер», но и участники других сионистских движений в Советской России вели активную борьбу за национальное самоопределение. Необходимость знать свои корни, разбираться в истории еврейства, иметь возможность передать знания следующим поколениям стала причиной формирования перечня обязательных предметов, которые изучали участники сионистского течения «Геховер». В них вошли: еврейская литера-

Одно из самых значимых отделений организации было в Белоруссии (Слуцк). В марте 1924 г. объединилась с организациями «Геховер» и «Гистадрут» в Единую всероссийскую организацию сионистской молодежи.

тура, история Палестины, история и теория сионизма, проблемы еврейской и палестинской колонизации, история еврейской ответственности, политэкономия, социология, история общественных движений, тактика и идеология Евсекции, современные дифференциации в сионизме. Особое внимание было уделено изучению иврита в целях его широкого распространения и превращения в язык обиходной жизни – так называемой гебраизации, за которую ратовали и другие участники сионистского движения.

По замыслу руководителей движения образованная еврейская интеллигенция, так же, как и еврейские трудящиеся, должна была принять участие в строительстве Палестины. Однако выполнение данной задачи встречало массу препятствий: слабый темп экономического строительства Палестины, неопределенность политического положения «Геховер», разрушение сионистского движения в России, ассимиляционные тенденции среди масс еврейской молодежи. В этой связи конференция постановила, что сионистская молодежь должна принимать участие в конкретной палестинской работе, профессиональной подготовке эмигрирующих в Палестину, сборе денег для фондов, субсидировавшим сионистские объединения во всем мире, помощи иммиграции в Палестину и проведении широкой идейной кампании в ее поддержку.

Несмотря на нелегальную работу, репрессии административного или судебного характера, организация вновь провозглашала сионистскую идею, пытаясь удержаться в бесконечном потоке гонений и запретов. Следование этой идее стало утвержденной и обязательной тактикой для всех членов¹³.

Таковы были основные организационные положения движения «Геховер». Вопреки усилению гонений со стороны органов советской власти, которые подрывали деятельность организации, в 1924 г. ее участники еще верили в возможность осуществления поставленных задач и рассчитывали на активную деятельность в Советской России. В этот период некоторых членов «Геховер» захватили социалистические идеи, что привело к фракционной борьбе и их немедленному исключению из рядов движения. Оставшиеся участники ревностно защищали идеи «Геховер». Аполитичность, воспитание и подготовка интеллигенции, способной вести активную общественную жизнь, верность собственной провозглашенной идеологии – эти постулаты оставались неизменными до слияния «Геховер», «Кадима» и «Гистадрут» в марте 1924 г. и вошли в программу нового объединения.

¹³ См.: Сионистские партии и организации в СССР: 1920-е гг.: В 2 кн. Кн. 2: Политические партии России: конец XIX – первая треть XX в.: Документальное наследие. М.: РОССПЭН, 2019. С. 24–32.

Единая всероссийская организация сионистской молодежи

Членом вновь созданной Единой всероссийской организации сионистской молодежи мог стать любой человек в возрасте от 16 до 24 лет, который разделял аполитичность юношеского движения, считал для себя обязательными ее цели и задачи, а также подчинялся требованиям организационной дисциплины. В руководстве объединения могли оставаться лица старше 24 лет. Цели, задачи и главные направления предстоявшей работы отражены в «Основных положениях ЕВОСМ, принятых на объединенном заседании ЦК «Геховер» и «Гистадрут» от 9 марта 1924 г. Этот документ был приобщен к архивному уголовному делу в качестве вещественного доказательства антисоветской деятельности ЕВОСМ и хранится в ЦА ФСБ России.

Новые положения были основаны на идеях, которые провозглашали члены объединившихся организаций: национальное воспитание и образование, общественное развитие, профессиональная подготовка и физическое оздоровление, что, по мнению руководителей ЕВОСМ, было необходимо для активного участия в еврейской сионистской общественной жизни и строительстве Палестины. Поскольку все участники новой организации считали аполитичность неотъемлемой частью сионистских движений, в которых они состояли ранее, программа ЕВОСМ также включала в себя и это обязательное условие. Кроме того, основной, как и до создания ЕВОСМ, оставалась культурная работа, которой придавалось большое национальное значение. По аналогии с направлениями работы «Геховер», в обязательные предметы изучения вошли: иврит, литература, национально-общественные, социально-общественные проблемы, современное состояние еврейской национальной общественности и строительство Палестины. Также было уделено пристальное внимание гебраизации ЕВОСМ.

Несмотря на общность взглядов движений, образовавших организацию, существовали некоторые расхождения в их изначальных программах, ряде взглядов, внутреннем устройстве. Тем не менее лидеры нового объединения старались учесть все возможные разногласия и максимально уважительно друг к другу определить новое положение. Поэтому на первых порах сохранялись самостоятельность и внутреннее устройство каждого из движений, но устанавливался тесный рабочий контакт. В культурной работе это выражалось в создании объединенных контактных культкомиссий, взаимном пользовании библиотеками и информационными материалами, обмене взглядами. В сионистско-палестинской – в еди-

ной тактической линии ее проведения и установлении тесного взаимодействия¹⁴.

Деятельность новой молодежной сионистской организации сопровождалась арестами и высылкой ее членов, конфискацией документов. В результате операций органов госбезопасности организация не оправилась от арестов 1924–1926 гг. и к 1927 г. прекратила работу.

Активисты ЕВОСМ в том же, 1924 г., сумели сформировать еще одну молодежную организацию, которая получила название Еврейский союз цофим (скаутов) «Гашомер Гацоир» (национальный).

Национальный и классовый «Гашомер Гацоир»

Здесь необходимо отметить, что на тот момент в Советской России было две юношеские организации «Гашомер Гацоир» (или «Ха-шомер Ха-цаир», как чаще употребляется в настоящее время): в 1923 г., еще до создания национального движения, был образован Союз еврейских скаутов в России «Гашомер Гацоир» (классовый). Он появился в виде скаутской и спортивной организации, в последующем начал разделять социалистические идеи, под влиянием гонений советских властей ушел в подполье и прекратил деятельность в 1928 г.

Обе организации объединяла система скаутинга, на основе которой они функционировали. Одновременно национальный «Гашомер Гацоир» проводил четкую границу между политическими взглядами движений, делая акцент на собственной аполитичности. Именно политический нейтралитет, а также культурная работа стали наследием, принятым от товарищей из ЕВОСМ, и характерными чертами в работе, что было закреплено в 1924 г. в «Платформе (основных принципах) Еврейского союза цофим “Гашомер Гацоир” в СССР». Документ сохранился в ЦА ФСБ России и приобщен к архивному уголовному делу в качестве вещественного доказательства антисоветской деятельности движения.

В частности в нем говорилось, что союз представляет собой организацию, которая занимается воспитанием еврейских детей и подростков путем товарищеского взаимодействия в национальной среде, готовит их к самостоятельной творческой жизни и активному участию в борьбе еврейского народа за его национальные права

¹⁴ Там же. С. 327–330.

и освобождение. Поскольку, как уже отмечалось, союз стоял на аполитичной платформе и был нейтрален по отношению ко всем группировкам и течениям внутри сионизма, воспитанники не могли иметь социально-политических воззрений. Значительное внимание уделялось их физической подготовке, дисциплине, основам гигиены, полезному труду, а также борьбе с беспризорностью и неграмотностью. Принимая во внимание возраст членов союза, их потребность в приключениях, смене впечатлений, выходе энергии, руководители «Гашомер Гацоир» включали в работу физкультуру и игры. Неизменно большое значение придавалось культурной работе и образованию: дети и подростки приобщались к еврейской национальной культуре и языку, изучали историю еврейского национального освободительного движения, еврейской сионистской палестинской жизни. При этом, как и «Геховер», и ЕВОСМ, союз настаивал на гебраизации, считая иврит официальным языком, но одновременно допуская употребление идиша в повседневной работе¹⁵.

В свою очередь организационная структура классового «Гашомер Гацоир» была принята в 1923 г. на 1-м съезде союза в Харькове. Материалы об этой организации, а также еще нескольких социалистических молодежных движений хранятся в Институте исследования и документации кибуца Яд Табенкин в Израиле. Съезд определил, что центральным руководящим и направляющим органом союза был Главный совет. В него, помимо лиц, выбираемых съездом, входили начальники окружных штабов, специалисты, педагоги, спортсмены и врачи. В задачи Главного совета были включены: созыв годичных и чрезвычайных съездов союза, совещаний и конференций, назначение начальников и членов окружных штабов, выработка программ, уставов, положений, инструкций, выдача скаутмастерам дипломов, издательская деятельность, разрешение спорных вопросов, возникавших в организациях и руководящих органах союза. Для ведения текущей работы Главный совет выделял Главный штаб в составе трех человек¹⁶. Таким образом, Главный совет контролировал и координировал всю жизнь участников внутри союза.

Через год были выпущены еще два документа, которые стали основополагающими в дальнейшей деятельности классового «Гашомер Гацоир»: тезисы «Сущность, задачи и формы шомерского движения» и «Вопросы быта шомеров»¹⁷. Необходимо сказать, что документы сионистских организаций сохранились в фондах евсек-

¹⁵ Там же. С. 612–614.

¹⁶ Там же. С. 86–88.

¹⁷ Шомер (иврит) – охранник, страж.

ций и региональных партийных комитетов, которые собирали листовки, любые публикации и документы для компрометации сионистов. В настоящий момент они составляют значительную часть фонда 445 в РГАСПИ. Упомянутые документы также приобщены к этому фонду.

Первый документ включал в себя разделы: «Анализ процесса эволюции наций», «Роль и задачи еврейского юношества в строительстве Палестины», «Необходимость нового движения еврейского трудового юношества», «Задачи движения», «Наша работа», «Формы движения», «Наше место в национально-классовом фронте». В них, в частности, подчеркивалось, что в контексте экономических изменений, происходивших в мире, для еврейских трудящихся существовал единственный путь – строительство Палестины. В этой связи еврейская молодежь как наиболее активная часть класса и носительница будущего должна была стоять в авангарде этого строительства и проходить обязательную предварительную трудовую подготовку. По мнению лидеров движения, только коллективистско-трудовое воспитание детей и подростков в возрасте 8–16 лет могло бы создать крепкий и устойчивый базис для последующей выработки рабочего гражданина с крепкими и осознанными этическими устоями, который в последующем был бы переброшен на строительство Палестины. Работа с молодежью должна была слагаться из трудовой, военной и пионерской подготовки в тесно сплоченном товарищеском коллективе. Особое внимание уделялось дисциплине и самодисциплине внутри движения. Кроме того, в документе также говорилось о необходимости сплочения всех национально-классовых юношеских организаций для контакта в работе¹⁸.

Во второй документ вошли следующие разделы: «Индивидуальность шомера», «Техника жизни», «Шомер и организация», «Шомера и общественная жизнь», «Шомер и коллектив», «Шомера и религия», «Шомера и семья», «Наши взгляды на женщину», «Отношения между боями и герлями», «Семья шомера», «Шомер и младшие ветви». В них достаточно подробно анализировалась жизнь будущих строителей Палестины, и давались строгие правила, согласно которым следовало поступать и жить еврейской молодежи. Так, юноши и девушки должны были быть трудоспособными, ясно понимать интересы национально-классового коллектива, обладать силой воли, выдержанностью и уравновешенностью, смелостью, честностью, физической и нравственной чистотой.

¹⁸ См.: Сионистские партии и организации в СССР: 1920-е гг. Кн. 2. С. 108–113.

Необходимо было целесообразно распределять время, учиться самоконтролю и саморегулированию своей жизни, безупречно выполнять работу и бороться при этом с капиталистической эксплуатацией и капиталистическим строем.

В шомерском коллективе должна была быть стерта грань между своим и чужим. Наряду с этим прививалась деликатность. Так, было нужно, с одной стороны, тесное непрерывное общение и взаимодействие, а с другой – такт и умение считаться с чужой индивидуальностью.

Немаловажным представлялся религиозный вопрос: строителю новой жизни предстояло бороться с пережитками прошлого – религией, как в теоретической плоскости, так и в практической. Так же категорично трактовалось отношение к семье, из которой происходил член движения: дело для шомера считалось выше его личной жизни и выше семьи. Однако делались и оговорки: следовало избегать резких конфликтов в семье, не поступаясь, разумеется, интересами работы и особенностью развития каждого шомера. В тех случаях, когда семья могла оказать разлагающее влияние, было необходимо освободиться от него. При этом лучшим путем такого освобождения считалось создание шомерского общежития.

Отдельно оговаривались взгляды на женщину, которая, по мнению руководителей движения, представляла собой равноправного и равноценного члена коллектива, строительницу новой жизни, товарища в совместной работе. Отношения юношей и девушек должны были складываться из дружбы и приводить к совместному проживанию при условии сложившегося и окрепшего организма (т. е. достижения соответствующего возраста), полного физического и психического здоровья, соответствующей экономической обеспеченности. Одновременно совершенно не допускалось половое общение, основанное на влечении, ничем не одухотворенном и случайном, а потому возбуждалось все, что могло служить привлечением внимания: костюм, завивка волос, маникюр, брелоки и украшения. Брак между шомерами считался предпочтительнее брака шомера или шомерки с кем-нибудь со стороны. Кроме того, вся жизнь шомеров, подчиненная этим правилам, должна была служить примером подрастающему поколению, младшим товарищам по скаутскому движению¹⁹.

На первый взгляд жизнь и работа классового «Гашомер Гацоир» были строго упорядочены и правильно выстроены. Тем не менее со временем взгляды лидеров движения стали постепенно расходиться. Росло недопонимание между теми, кто трудился в Со-

¹⁹ Там же. С. 113–118.

ветской России, и теми, кто уже работал в Палестине. Объединение с другими молодежными организациями, на которое рассчитывало руководство «Гашомер Гацоир», не состоялось. Помимо прочего, органы безопасности всячески пресекали деятельность сионистских движений. Все это привело к прекращению работы классового «Гашомер Гацоир».

Союз сионистско-социалистической молодежи

Одной из молодежных организаций, на объединение с которой рассчитывал классовый «Гашомер Гацоир», был Союз сионистско-социалистической молодежи в Советской России – ЦС «Югенд Фербанд» (ЦСЮФ), образованный в 1923 г. Союз стал движением, вдохновленным и созданным одной из политических сионистских организаций – Сионистско-социалистической партией (ЦСП). Согласно основной идеологии ЦСП, деятельность ЦСЮФ была направлена на проведение культурной работы и противостояние влиянию комсомола. Как и другие молодежные движения, союз оказался под пристальным наблюдением органов безопасности: основные аресты и обыски проходили в 1925–1926 гг.

В течение этого периода работа союза строилась согласно программе, принятой в мае 1923 г. на учредительной конференции в Киеве. Документ хранится в фонде Института изучения рабочего движения им. Пинхаса Лавона в Израиле.

Так, в принятой программе были отмечены принципы, на основании которых ЦСЮФ вел классовую борьбу еврейской рабочей молодежи, организовывал ее в своих рядах и приучал членов союза к общественной и политической работе. Лидеры движения считали, что национально-классовое освобождение приведет к созданию еврейского социалистического общества, а первой предпосылкой к его созданию может стать социалистическое поселение в Палестине. Кроме того, выдвигался тезис о том, что окончательное решение национально-классовой проблемы еврейского рабочего будет достигнуто постоянной классовой борьбой, а целью классовой национальной борьбы еврейских рабочих считалось создание национально-персональной автономии²⁰. Таким образом, деятельность движения была направлена на подготовку юношей и девушек к жизни и работе в Палестине, а также строительству на ее территории нового государства.

²⁰ Там же. С. 497–498.

Работа в подполье, притеснения со стороны советских властей, внутренние расхождения во взглядах, стремление расширить сферу деятельности, привлечь в свои ряды больше новых членов, укрепить позиции союза побудили его лидеров, как и руководителей практически всех остальных юношеских течений, рассматривать возможность объединения с другими молодежными организациями. В этой связи велись переговоры с представителями классового «Гашомер Гацоир», и даже была составлена примерная программа работы возможного нового объединения. В феврале 1926 г. ЦК ЦСЮФ обратился к Главному штабу классового «Гашомер Гацоир» с предложением о немедленном объединении и направил проект разработанной платформы. Документ сохранился в фонде архивных уголовных дел ЦА ФСБ России. В нем содержатся причины, которые привели к необходимости объединения двух движений: тяжелая политическая обстановка, безвыходное материальное положение и культурная деградация трудовой молодежи, жесткий надзор, идеологическая диктатура Компартии и Евсекции. Югендцы настаивали на немедленных переговорах об объединении в интересах сионистско-социалистического движения и социалистической Палестины. Предлагаемая платформа была довольно краткой, базировалась на идеологии ЦСП и на организационной структуре ЦСЮФ, а в ее основу был положен принцип политического воспитания юношества²¹.

Как известно, объединение так и не состоялось, а к 1928 г. деятельность Союза сионистско-социалистической молодежи сошла на нет.

Еврейский союз социалистической молодежи

В результате расхождения во взглядах из рядов организации «Геховер» вышли несколько членов, которые в сентябре 1923 г. создали новое молодежное движение – Еврейский союз социалистической молодежи. Союз признавал центральную роль и практическую политику ЦСП в социалистическом сионизме, но критиковал партию за недостаток революционности.

Основные программные направления деятельности ЕССМ нашли отражение в издании «Наш путь», которое долгое время считалось утраченным, пока не было обнаружено в архивном уголовном деле фонда ЦА ФСБ России. По мнению основателей ЕССМ, основные программные положения и методы работы союза

²¹ Там же. С. 513–515.

базировались на ряде следующих тезисов. Так, утверждалось, что марксизм представляет собой единственное революционно-социалистическое учение, а рабочий класс следует считать единственным носителем и руководителем социалистической борьбы. Широкие трудящиеся массы должны быть объективно заинтересованы в борьбе и объединиться в ней с социалистическим авангардом рабочего класса. Отсюда вытекали главные задачи национально-освободительного движения в еврействе, которые заключались в направлении стихийного процесса еврейской эмиграции на путь концентрации и формирования еврейского центра в Палестине, а также борьбе за создание наиболее подходящих условий для нормализации еврейской жизни в странах диаспоры. Кроме того, подчеркивалось, что еврейский рабочий класс был особо заинтересован в сионизме, поскольку нормализация еврейской жизни в Палестине может дать возможность расширить социальную базу еврейского рабочего класса, упрочить его экономическое положение, создать необходимые условия для классовой борьбы, разрешить национальную проблему и приобщить еврейский рабочий класс к интернациональной борьбе пролетариата и трудящихся масс. Лишенная нормального образования и воспитания еврейская молодежь должна быть приобщена к национальной культуре и творчеству, знанию условий и своеобразия жизни своего национального организма и тенденций его развития в прошлом и будущем²².

В феврале 1924 г. основные программные направления работы ЕССМ были дополнены положениями, опубликованными в газете «Унзере едies»²³. Несколько номеров газеты сохранились в фонде ЦА ФСБ России. Как массовая организация союз должен был бороться за привлечение и включение в свои ряды широких масс еврейской рабочей молодежи. В этой связи его цель заключалась в том, чтобы пробудить молодежь, на своем примере показать необходимость соответствовать реалиям сегодняшнего дня. Нелегальное положение, в котором приходилось работать ЕССМ, заставляло лидеров движения принимать в его ряды меньшее количество членов, руководствуясь принципом «не количество, а качество». Особое внимание уделялось работе на периферии, где требовалось наиболее активно распространять сионистскую идею, агитировать новых членов и распространять прессу²⁴.

²² Там же. С. 582–591.

²³ «Унзере едies» (идиш; наши известия) – рукописная гектографированная газета ЕССМ.

²⁴ См.: Сионистские партии и организации в СССР: 1920-е гг. Кн. 2. С. 592–593.

Заключение

Таким образом, основные программные положения наиболее крупных и активных сионистских молодежных организаций в Советской России в 1920-х гг. дают представление о направлениях их деятельности, взглядах, внутренних противоречиях, причинах формирования, объединения и распада. Одной из особенностей этих организаций было то, что часть из них была создана еврейской молодежью, провозглашала собственные лозунги и не зависела от каких-либо партий старшего поколения, другие формировались на базе уже существовавших партий с целью расширения влияния и вовлечения новых, молодых членов.

Как видно, по сути, все они были нацелены на то, чтобы приобщить еврейских юношей и девушек к национальной культуре, привить знания языка и литературы, обучить навыкам ведения сельского хозяйства, воспитать здоровое, физически развитое поколение, способное плодотворно участвовать в строительстве Палестины.

Гонения и репрессии со стороны советских властей и органов безопасности к концу 1920-х гг. остановили работу всех сионистских движений в нашей стране. Многие лидеры и участники были отправлены в ссылку, архивы конфискованы при обысках и арестах, сионистская идеология приобрела резко отрицательное значение. Целям и задачам сионистов было суждено претвориться в жизнь уже в Палестине, а впоследствии в Государстве Израиль.

Литература

- Галили 2003 – *Галили З.* Советский опыт сионизма: Экспорт советской политической культуры в Палестину // *Ab Imperio*. 2003. № 4. С. 329–376.
- Дадяни 1986 – *Дадяни Л.Я.* Критика идеологии и политики социал-сионизма. М.: Мысль, 1986.
- Ермолаева 1993 – *Ермолаева Л.А.* Организации Полей-Цион (по документам РЦХИДНИ) // *Отечественные архивы*. 1993. № 6. С. 25–31.
- Иванов 1970 – *Иванов Ю.С.* Осторожно: сионизм! М.: Изд-во политической литературы, 1970. 173 с.
- Локшин 2010 – *Локшин А.* Споры о сионизме в России начала XX в. // *Лехаим*. 2010. № 10 (222). Октябрь. URL: <https://lechaim.ru/ARHIV/222/lokshin.htm> (дата обращения 30.03.2023).
- Маор 1977 – *Маор И.* Сионистское движение в России. Иерусалим: Библиотека-Алия, 1977. 450 с.

- Моджорян 1979 – *Моджорян Л.А.* Сионизм как форма расизма и расовой дискриминации. М.: Международные отношения, 1979. 238 с.
- Симонова 2002 – *Симонова А.* Сионистское движение в Советской России в 20-е годы // *Российский сионизм: история и культура*. М., 2002. С. 278–287.

References

- Galili, Z. (2003), “The Soviet experience of Zionism: Exporting Soviet political culture to Palestine”, *Ab Imperio*, no. 4, pp. 329–376.
- Dadiani, L. (1986), *Kritika ideologii i politiki social-sionizma* [Criticism of the ideology and politics of social Zionism], Mysl', Moscow, USSR.
- Ermolaeva, L.A. (1993), “Organization of Poalei Zion (according to the documents of the Russian Center for the Arts and Cultural Studies)”, *Otechestvennye arkhivy*, no. 6. pp. 25–31.
- Ivanov, Yu.S. (1970), *Ostorozhno: sionizm!* [Beware, Zionism!], Izdatel'stvo politicheskoi literatury, Moscow, USSR.
- Lokshin, A. (2010), “Disputes about Zionism in Russia at the beginning of the 20th century”, *Lekhaim*, vol. 222, no. 10, available at <https://lechaim.ru/ARHIV/222/lokshin.htm> (Accessed 30 March 2023).
- Maor, I. (1977), *Sionistskoe dvizhenie v Rossii* [Zionist movement in Russia], Biblioteka-Alija, Jerusalem, Israel.
- Modzhoryan, L. (1979), *Sionizm kak forma rasizma i rasovoi diskriminatsii* [Zionism as a form of racism and racial discrimination], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, USSR
- Simonova, A. (2002), “Sionistskoe dvizhenie v Sovetskoi Rossii v 20-e gody” [Zionist movement in Soviet Russia in the 20s], in *Rossiiskii sionizm: istoriya i kul'tura*, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ирина Ю. Бережанская, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; rina3000@rambler.ru

Information about the author

Irina Yu. Berezhanskaya, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; rina3000@rambler.ru

Страны и регионы мира: динамика развития и модели взаимодействия

УДК 327.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-58-68

Dividing the Arctic. On the issue of the Russian Arctic boundaries

Angelina S. Gomelaury

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
gomelaury@yandex.ru*

Abstract. The reconfiguration of the international arena that is taking place at the moment cannot be characterized other than as a time of crises and sudden changes. It seems quite obvious that in the conditions of international tension, any division of states into “friendly” and “unfriendly”, accompanied by the mutual imposition of sanctions, by the growing desire of countries to realize their national interests, including the military methods, the most vulnerable points of intersection of geopolitical interests are under threat. For Russia, one of them is the Arctic, a region of high resource, industrial and infrastructural potential. Meanwhile, despite the importance of the Arctic for the state and the long history of exploration of the territory, the borders of the Russian Arctic space have not been clearly defined yet, which makes it possible to increase political pressure from unfriendly states and international organizations. Having ratified the UN Convention on the Law of the Sea in 1997, the Russian Federation undertook obligations to act in accordance with the established procedure in case of territorial claims to water and underwater spaces. Consequently, asserting its rights to the Lomonosov Ridge and other objects that are the extensions of the continental shelf, in 2001 the Russian Federation filed an application to the UN Commission on the Limits of the Continental Shelf. Currently, the procedure is still incomplete, although Russia in February 2023 received the recommendations of the Commission, which has recognized a significant part of the state’s territorial claims. However, the contemporary conditions are such that any further efforts to delimit the spaces with the Arctic states, which have overlapping interests with Russia, are fraught with the aggravation of the situation in the international arena and unconstructive co-operation in general.

Keywords: politics, Arctic, Arctic partition, Russian Federation, UN, delimitation

© Gomelaury A.S., 2023

For citation: Gomelaury, A.S. (2023), "Dividing the Arctic. On the issue of the Russian Arctic boundaries", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 58–68, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-58-68

Разделение Арктики: к вопросу российских арктических границ

Ангелина С. Гомелаури

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, gomelaury@yandex.ru*

Аннотация. Переустройство мировой арены, которое происходит в данный момент, нельзя охарактеризовать иначе, чем время кризисов и внезапных перемен. Представляется вполне очевидным, что в условиях международной напряженности, разделения государств на «дружественные» и «недружественные», сопровождаемого взаимным наложением санкций, нарастающим желанием стран реализовать свои национальные интересы, в том числе и военными методами, под угрозой оказываются наиболее уязвимые точки пересечения геополитических интересов. Для России одной из таковых является Арктика, регион с высокой ресурсно-промышленной (добывающие и обрабатывающие производства) и инфраструктурной (многообещающее развитие Северного морского пути) значимостью. Между тем, несмотря на особую значимость Арктики для государства и долгую историю освоения территории, границы российского арктического пространства до сих пор четко не predeterminedены, что обуславливает возможности для усиления политического давления со стороны недружественных государств и международных организаций. Ратифицировав в 1997 г. Конвенцию ООН по морскому праву, Российская Федерация взяла на себя обязательства при возникновении территориальных претензий на водные и подводные пространства действовать в установленном порядке. Соответственно, отстаивая свои права на хребет Ломоносова и другие объекты, являющиеся продолжением континентального шельфа, в 2001 г. Российская Федерация подала заявку в Комиссию по границам континентального шельфа ООН. В настоящее время процедура еще не завершена, хотя в феврале 2023 г. Россия получила рекомендации от комиссии, признавшей значительную долю территориальных претензий государства. Однако современные условия таковы, что дальнейшие усилия по делимитации пространств с арктическими государствами, имеющими пересекающиеся с Россией интересы, затруднены обострением ситуации на международной арене и неконструктивностью взаимодействия в целом.

Ключевые слова: политика, Арктика, разделение Арктики, Российская Федерация, ООН, делимитация

Для цитирования: Gomelauri A.S. Dividing the Arctic. On the issue of the Russian Arctic boundaries // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 58–68. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-58-68

Introduction

The Arctic is a region whose importance is now undeniable. The resource wealth of the Arctic subsoil provides considerable benefits to possessor states that are actively exploiting oil, gas, and other mineral deposits. The potential of the Arctic – not only the resources, but also the other available advantages, including the trade via the developing Northern Sea Route – is of interest to the Arctic states as well as to the non-Arctic states, which need the benefits of the region. Hence, it is possible to talk about the growing competition for the Arctic, which makes it important to analyze the problem: despite the long history of territorial redistribution, the boundaries of the Arctic possessions of states are still being clarified.

The goal of this study is to assess the current status of the Arctic boundaries secured as a result of the partition of the Arctic under the United Nations Convention on the Law of the Sea signed in 1982. The key objectives include studying the experience of agreements on the delimitation of the Arctic and specifying the possibility of revising the boundaries, as well as determining the likelihood of change in the crisis conditions of the present, when the world's leading powers are facing a remarkable cooling in relations comparable to the Cold War period.

The analysis is based on the scientific papers of Russian and foreign researchers. These are the studies of A.N. Vylegzhanin and I.P. Dudykina [Вылегжанин, Дудькина 2017], A.V. Makagon [Макагон 2019], D.A. Volodin [Володин 2023] touching upon the issues of geopolitical claims in general and international legal relations around the Arctic in particular, and D. Auerswald [Auerswald 2020], C. Schofield and A. Østhagen [Schofield, Østhagen 2020], which reflect the point of view of foreign scientists on the Arctic region as an area of border disputes. In addition, the study draws on the legal instruments adopted by the Arctic states and international organizations to fix boundaries.

*Arctic boundary formation:
yesterday, today, tomorrow*

The Arctic is a large-scale region with an area of 40.3 million km² [Кочемасова, Журавель, Седова 2019, с. 159]. The territories are characterized by geographical remoteness and extremely harsh climatic conditions, which has predetermined for centuries the relatively low interest of explorers and merchants, who traditionally developed new lands, in much of the Arctic. Until the beginning of the 18th century, expeditions to the North had two main goals: to find new sea and trade routes (in particular, the famous voyages of S. Cabot, M. Frobisher, H. Hudson, W. Baffin and other navigators in search of the Northwest Passage), as well as campaigns to explore and capture new territories that could provide income from tribute and trade development (this category includes the northern campaigns of Novgorod's vigilantes, when merchants who had heard about the precious fur, one of the main values of the time, followed the warriors).

A certain comprehensiveness of Arctic development became inherent already in the 18th century with the beginning of the Great Northern Expedition, the task of which was a sea voyage from the Pechora River along the coast of the Arctic Ocean in search of a way to the lands of North America for mapping, geological, zoological and other types of research of new territories. In the footsteps of the explorers followed merchants and industrialists who ensured the development of economic activity in the region. The achievements associated with the names of V. Bering and A. Chirikov were extended in the next decades: in the 19th century F. Wrangel, F. Lütke, A. Bunge, E. Toll, and in the early 20th century, B. Vilkitzky and I. Sergeyev did much to define the specifics of the Arctic and the potential of the northern lands.

It is important to emphasize that the Russian Empire faced considerable competition in the exploration and development of the Arctic from other states, including Sweden, Norway, the USA, and Great Britain, which predetermined attempts to regulate activities in the Arctic territories and access to them by representatives of foreign countries. Thus, for example, in 1821, under Emperor Alexander I, there was adopted the Decree no. 28 747, defining “the rules establishing the limits of navigation <...> and the order of maritime relations along the coasts of Eastern Siberia, North-Western America and the Aleutian, Kuril and other islands”¹,

¹ Указ № 28 747 «О приведении в исполнение постановления о пределах плавания и о порядке приморских сношений вдоль берегов Восточной Сибири, Северо-Западной Америки и островов Алеутских, Курильских и проч.». 1821 г. URL: https://nlr.ru/e-res/law_r/search.php (Accessed 12 Jul. 2023).

which specified the particularities of interaction with foreigners arriving to the Russian coasts with commercial and other purposes. In general, the security of Arctic possessions was of some concern to the state. In 1853, N. Muravyov-Amursky reported to Emperor Nicholas I that with “the development of railways <...> the North American states <...> will spread throughout North America <...> and <...> they will have to cede our North American possessions” [История Русской Америки 1999, с. 370–371]. Indeed, the diplomat was right in his predictions. In 1867 the Emperor Alexander II decided to sell Alaska. The likely expansion of the US and the prevailing external threats from the Western powers had a significant impact on such a crucial decision [История Русской Америки 1999, с. 441].

The preservation of the territorial integrity of the northern possessions that remained at the disposal of the Russian Empire required an active presence in these lands. In the second half of the 1890s, the Minister of Finance S. Witte paid attention to the industrial and commercial development of the territories and proposed a variant of economic, infrastructural and military progress of the Arctic with the construction of a network of railways and the building of a naval base and port on Murman². It is quite remarkable that the 1890s are associated not only with Russia’s large-scale plans for the development of the Arctic and sub-Arctic territories. By that time, the minds of travelers and explorers had been captured by the idea of conquering the North Pole. The F. Nansen’s attempt failed (1893–1896), and it took more than a decade for F. Cook (1908) and R. Peary (1909), two American polar explorers, to claim to have reached the Pole. R. Peary noted that he was giving to the state the territories “occupied” by him: “I have today hoisted the national ensign of the United States of America at this place, <...> and have formally taken possession of the entire region, and adjacent, for and in the name of the President of the United States”³. This statement may have worried other states, but in the 20th century, the planting of a flag by pioneers was no longer enough to assert ownership of lands. Nevertheless, it was during this period that a debate about how to divide the Arctic territory up to the North Pole broke out.

The first step in the heated controversy has been taken by Canada. In the days when the expeditions of F. Cook and R. Peary were being

² *Чуракова О.В.* Комитет для помощи поморам Русского Севера (1894–1908). URL: <https://goarctic.ru/society/komitet-dlya-pomoshchi-pomoram-russkogo-severa-1894-1908/> (Accessed 14 Jul. 2023).

³ *Stafford E.P.* Peary and the North Pole. Not the shadow of a doubt. URL: <https://www.usni.org/magazines/proceedings/1971/december/peary-and-north-pole-not-shadow-doubt> (Accessed 14 Jul. 2023).

prepared, Canadian Senator P. Poirier made a statement proposing a sectoral approach to the division of the Arctic: “A country whose possession today goes up to the Arctic regions will have a right <...> to all the lands that are to be found in the waters between a line extending from its eastern extremity north, and another line extending from the western extremity north. All the lands between the two lines up to the North Pole should belong <...> to the country whose territory abuts up there” [Pharand 1988, p. 10]. In 1925, this position – the pie-sharing of the Arctic – was reflected in Canada’s legal and regulatory space [Timtchenko 1997, p. 29].

Canada’s position on Arctic delineation has forced other Arctic states to act. And next up was the Soviet Union, which was beginning to recover from the difficult war and revolutionary times that had thwarted the Russian Empire’s ambitious plans for Arctic territories. In 1926, the Presidium of the Central Executive Committee of the USSR adopted a resolution that defined the state’s Arctic possessions for a long time to the future. Thus, the USSR declared all lands and islands located in the Arctic Ocean between the meridians running along the eastern and western borders of the state to be its own⁴, thus supporting the idea of a sectoral division of the Arctic.

It should be noted that this mode of division did not seem successful, in particular for those states that were not among the sub-Arctic states and therefore could not claim access to Arctic resources, which led to a discussion about the possibility of universalizing the Arctic. [Макагон 2019, с. 6] It is probable that these intentions were reflected in a consensus international legal act that significantly changed the pre-existing Arctic agreements, although some researchers believe that the case of this region was “delicately excluded” [Вылегжанин Дудыкина 2017, с. 292–293] from the discussion. In 1982, states agreed on the provisions of the United Nations Convention on the Law of the Sea, which went into effect in 1994. The document asserted the right of states to a 200-mile exclusive economic zone (Art. 57), with the possibility of extending it to include the continental shelf beyond the specified 200 nautical mile limit (Art. 76)⁵. Thus, the area of “the seabed and ocean floor” outside of states territories has been given the status of “common heritage of mankind”⁶.

⁴ Постановление Президиума Центрального исполнительного комитета Союза ССР от 15.04.1926 г. «Об объявлении территорией Союза ССР земель и островов, расположенных в Северном Ледовитом океане». URL: <https://docs.cntd.ru/document/901761796> (Accessed 15 Jul. 2023).

⁵ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747> (Accessed 16 Jul. 2023).

⁶ Ibid.

Russia's ratification of the Convention in 1997 predetermined the state's procedure for establishing the right to the Arctic continental shelf. In 2001, the Russian Federation appealed to the UN Commission on the Limits of the Continental Shelf due to a conflict of interest over the Lomonosov Ridge, located in the central Arctic Ocean from the continental shelf of Siberia (Russian side) to the Lincoln Sea, which separates the territories of Canada (Nunavut) and Denmark (Greenland). However, the evidence provided by Russia was deemed insufficient: the Commission requested additional data supporting the state's claims to the territories⁷. It took a long period of research, conducted, in particular, as part of the multidimensional activities of the Arktika-2007 expedition and other projects, that the Russian Federation reapplied to the Commission in 2015, submitting an application with modified scientific arguments⁸. According to the new data, Russia claimed 1.2 million kilometres² of the Arctic sea shelf, extending more than 350 nautical miles offshore, and further expanded its claim to the Lomonosov, Gakkel, Mendeleev ridges and other territories, adding these areas to a 2021 application⁹.

On 6 February 2023, the Russian Federation received recommendations from the Commission recognizing a significant portion of the state's territorial claims¹⁰, and a week later, on 14 February 2023, Russia submitted new information to the Commission.

It should be noted that, according to the Commission's conclusion, the establishment of the final outer limits of the continental shelf of the Russian Federation in the Arctic Ocean was made dependent on the delimitation of the continental shelf with other Arctic States (Denmark, Canada, etc.)¹¹. Indeed, the Commission's recommendations, although

⁷ Report of the Secretary-General: Recommendations of the Commission in regard to the submission made by the Russian Federation. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N02/629/28/PDF/N0262928.pdf?OpenElement> (Accessed 16 Jul. 2023).

⁸ Частичное пересмотренное представление Российской Федерации в Комиссию по границам континентального шельфа в отношении континентального шельфа Российской Федерации в Северном Ледовитом океане: Резюме. 2015. 35 с.

⁹ Recommendations of the Commission on the limits of the continental shelf in regard to the partial revised submission made by the Russian Federation in respect of the Arctic Ocean on 3 August 2015 with agenda submitted on 31 March 2021. URL: https://www.un.org/depts/los/clcs_new/submissions_files/rus01_rev15/2023RusRev1RecSum.pdf (Accessed 16 Jul. 2023).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

having legal significance, are not obligatory and, as a consequence, do not guarantee the recognition of Russia's rights by states that have declared their own claims to the same areas. Thus, in the scenario that the Commission confirms the validity of the Russian Federation's claim, the state should initiate a process of border delimitation with countries that have "overlapping interests" in the Arctic territory. It is worth noting that Russia has already had negotiating experience on the issue of the Arctic division: in 1990, the USSR and the United States concluded an interim agreement that delimited their possessions in the Chukchi and Bering Seas, as well as the Arctic and the Pacific Ocean, and in 2010 Russia and Norway signed a treaty on the division of maritime space in the Barents Sea and Arctic Ocean. However, it is very indicative that in both the first and the second case Russia made concessions by giving up part of the disputed areas¹² [Повал 2012, с. 23–25], which may have been due to state weakness at the time the agreements were concluded (the 1990s were not easy for the USSR, which was on the verge of collapse), and the concern to strengthen the good neighborhood relations (a trend that was quite evident in the 2000s, when Russia declared a course of openness and rapprochement with Europe). In addition, some scholars suggest that the likely risks of creating or maintaining hotbeds of tension on the northern border, at least in the case of Norway, may have pushed Russia to take such a publicly unprofitable step [Кривоотов 2011, с. 85].

As a result of the longstanding crisis in Russian-Ukrainian relations, which began in 2014 and significantly escalated in 2022, the Russian Federation has been confronted with unconstructive behavior by unfriendly Western and North American states, including member states of the Arctic club, which has had a negative impact on cooperation on Arctic issues. The cooperation within the framework of the Arctic Council and the Barents/Euro-Arctic Council (from the last one Russia has announced its withdrawal in September 2023) has been suspended, as well as the other programs that previously provided joint action for the prosperity of the Arctic region (Kolarctic, etc.) have been frozen. The aggravation of the situation in the international space, coupled with the imposition of mutual sanctions, led Russia to announce in mid-2022 that it wanted to renegotiate its treaty with Norway¹³. Although the

¹² *Вылежанин А.Н.* Соглашение между СССР и США о линии разграничения морских пространств 1990 г.: разные оценки «временного применения». URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/124210/> (Accessed 20 Jul. 2023).

¹³ Раздел шельфа с Норвегией изучат заново. URL: <http://www.energystate.ru/news/25357.html> (Accessed 20 Jul. 2023).

representative of the Norwegian Ministry of Foreign Affairs A. Haavardsdatter announced the impossibility of denouncing this treaty¹⁴ and Russia has not taken any decisive steps in this direction to date, the likelihood of further tension on this issue remains.

A significant deterioration of relations both in the international sphere (including within the UN) and in the sphere of bilateral interaction between Russia and selected Arctic states (the United States, Denmark, Norway, and others) may also provoke a geopolitical crisis in the Arctic zone, when decisions taken by the sides may be driven not by objective factors but by political preferences.

Conclusion

The formation of Russian borders in the Arctic region has a long history. Following the warriors who were counting on booty, to the northern lands came the merchants. Then navigators and explorers became interested in finding routes to new or already discovered lands. However, the days when territories could be assigned to a state by planting a flag and establishing a colony were a thing of the past by the 20th century. All land areas had already been developed, their boundaries defined and fixed. Now is the time to explore the Arctic waters, which seem very promising due to the large-scale resource potential. Nevertheless, an obstacle to the broad prospects open to the Russian Federation, if its territorial rights are secured internationally, is the high level of conflict at the international level, which makes it difficult to realize the necessary procedures. Although the UN Commission on the Limits of the Continental Shelf, which is involved in the procedure of defining the Arctic boundaries of states, obviously, despite the crisis in the external space, maintains objectivity, some states, including the Arctic ones, are not ready to pursue a constructive dialogue. Moreover, the previous format of interaction, when it was Russia that made concessions out of “weakness” or as a measure to strengthen good neighborhood relations, is impossible now. The active militarization of the Arctic, accompanied by the intensification of military exercises, undoubtedly affects the complex geopolitical situation and Russia’s position in the region, provoking tension: however, the obvious impracticability of using “soft” methods, which could be perceived as a new demonstration of “weakness”, necessitates the use of an arsenal of “hard power” means.

¹⁴ МИД Норвегии: денонсация договора о передаче части Баренцева моря Норвегии невозможна. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5447306> (Accessed 20 Jul. 2023).

Литература

- Володин 2023 – *Володин Д.А.* Претензии Канады на континентальный шельф в Арктике // США и Канада: экономика, политика, культура. 2023. № 9. С. 46–60.
- Вылегжанин, Дудыкина 2017 – *Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П.* Конвенция ООН по морскому праву и правовой режим арктического шельфа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 1 (28). С. 284–302.
- История Русской Америки 1999 – История Русской Америки (1732–1867): В 3 т. Т. 3: Русская Америка: от зенита к закату, 1825–1867. М.: Международные отношения, 1999. 558 с.
- Кочемасова, Журавель, Седова 2019 – *Кочемасова Е.Ю., Журавель В.П., Седова Н.Б.* О некоторых научных подходах к определению границ Арктики // Арктика и Север. 2019. № 35. С. 158–169. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotoryh-nauchnyh-podhodah-k-opredeleniyu-granits-arktiki/viewer> (Accessed 16 Jul. 2023).
- Криворотов 2011 – *Криворотов А.К.* Неравный раздел пополам: к подписанию российско-норвежского договора о разграничении в Арктике // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 2. С. 62–91.
- Макагон 2019 – *Макагон А.В.* Основные концепции, коллизии и правовые основания международного режима Арктики // Океанский менеджмент. 2019. № 1 (4). С. 4–10.
- Повал 2012 – *Повал Л.М.* Российско-норвежские соглашения о разделе арктических пространств // Арктика и Север. 2012. № 6. С. 1–26.
- Auerswald 2020 – *Auerswald D.P.* Arctic narratives and geopolitical competition // Handbook on geopolitics and security in the Arctic. Frontiers in international relations. Cham: Springer, 2020. P. 251–271.
- Pharand 1988 – *Pharand D.* Canada's Arctic waters in international law. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 288 p.
- Schofield, Østhagen 2020 – *Schofield C., Østhagen A.* A divided Arctic. Maritime boundary agreements and disputes in the Arctic ocean // Handbook on geopolitics and security in the Arctic. Frontiers in international relations. Cham: Springer, 2020. P. 171–191.
- Timtchenko 1997 – *Timtchenko L.* The Russian Arctic sectoral concept. Past and present // Arctic. 1997. Vol. 50. No. 1. P. 29–35.

References

- Auerswald, D.P. (2020), “Arctic narratives and geopolitical competition”, in *Handbook on geopolitics and security in the Arctic. Frontiers in international relations*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 251–271.

- Istoriya Russkoi Ameriki (1732–1867). T. 3: Russkaya Amerika: ot zenita k zakatu, 1825–1867* [History of Russian America (1732–1867), vol. 3: Russian America: from zenith to decline, 1825–1867], (1999), Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Kochemasova, E.Yu., Zhuravel, V.P. and Sedova, N.B. (2019), “About some scientific approaches to the definition of the Arctic borders”, *Arktika i Sever*, no. 35, pp. 158–169, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-nekotoryh-nauchnyh-podhodakh-opredeleniyu-granits-arktiki/viewer> (Accessed 16 Jul. 2023).
- Krivorotov, A.K. (2011), “Unequal division in half. Towards the signing of the Russian-Norwegian treaty on delimitation in the Arctic”, *Moscow University bulletin of World politics*, no. 2, pp. 62–91.
- Makagon, A.V. (2019), “Main concepts, conflicts and legal grounds of the international regime of the Arctic”, *Okeanskii menedzhment*, vol. 4, no. 1, pp. 4–10.
- Pharand, D. (1988), *Canada's Arctic waters in international law*, Cambridge University Press, Cambridge, UK.
- Poval, L.M. (2012), “Russian-Norwegian agreements on the division of Arctic space”, *Arktika i Sever*, no. 6, pp. 1–26.
- Schofield, C. and Østhagen, A. (2020), “A divided Arctic. Maritime boundary agreements and disputes in the Arctic ocean”, in *Handbook on geopolitics and security in the Arctic. Frontiers in international relations*, Springer, Cham, Switzerland, pp. 171–191.
- Timtchenko, L. (1997), “The Russian Arctic sectoral concept. Past and present”, *Arctic*, vol. 50, no. 1, pp. 29–35.
- Volodin, D.A. (2023), “Canada's claim to the continental shelf in the Arctic”, *USA and Canada: economics, politics, culture, 2023*, no. 9, pp. 46–60.
- Vylegzhanin, A.N. and Dudykina, I.P. (2017), “UN Convention on the Law of the Sea and the legal regime of the Arctic shelf”, *Proceedings of Voronezh State University. Series Law*. vol. 28, no. 1, pp. 284–302.

Information about the author

Angelina S. Gomelauri, applicant, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 7–9, Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, Russia, 199034; gomelauri@yandex.ru

Информация об авторе

Ангелина С. Гомелаури, соискатель, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9; gomelauri@yandex.ru

Концептуальные основы неоосманизма:
особенности мягкой и жесткой силы
во внешней политике Турции на примере Сирии

Сеймур М. Агамалиев

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, seymuraga@mail.ru*

Аннотация. С приходом к власти «Партии справедливости и развития» с 2002 г. в международной повестке стал активно использоваться термин «неоосманизм» для характеристики внешнеполитической деятельности президента Турции Р.Т. Эрдогана. Концептуальные идеи экс-премьер-министра А. Давутоглу, по праву являющегося идеологом современного неоосманского внешнеполитического вектора, рассматриваются как стратегия расширения турецкого фактора в «постосманских государствах», где наблюдается связь современной внешней политики Анкары с богатым историческим наследием Османской империи. В результате Турецкая Республика проводит реверсию былой значимости страны на международной арене с учетом современных геополитических реалий.

В статье делается акцент на том, что неоосманизм – это не проведение агрессивной политики за счет аннексии стран, входивших ранее в состав Османской империи. С позиции Турецкой Республики неоосманизм – это внешнеполитическая стратегия, направленная на защиту своих национальных интересов за счет сочетания мягкой и жесткой силы, культурного экспорта, поддержки интеграции тюркских народов и в первую очередь соблюдения концепции «ноль проблем с соседями». Так, президент Р.Т. Эрдоган фокусируется на необходимости защиты своих национальных интересов, предлагая роль посредника в урегулировании международных конфликтов, военном решении проблемы курдского сепаратизма, пропаганде положительного имиджа Османской империи, участии в интеграционных организациях с тюркоязычными странами.

Ключевые слова: неоосманизм, постосманское пространство, кемализм, тюркоязычные страны, Османская империя, национальные интересы, мягкая сила, жесткая сила

Для цитирования: Агамалиев С.М. Концептуальные основы неоосманизма: особенности мягкой и жесткой силы во внешней политике Турции на примере Сирии // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 69–85. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-69-85

Conceptual foundations of neo-Ottomanism. Features of soft and hard power in Turkey's foreign policy on the example of Syria

Seymur M. Agamaliyev

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
seymuraga@mail.ru*

Abstract. The term “neo-Ottomanism” was actively used when the Justice and Development Party, headed by R.T. Erdogan, came to power in Turkey. The conceptual ideas of former Prime Minister A. Davutoglu, who is the ideologist of modern neo-Ottomanism, are regarded as a strategy for expanding the Turkish factor in the “post-Ottoman states”. It shows the connection of Ankara's modern foreign policy with the rich historical heritage of the Ottoman Empire. As a result, Turkey conducts a reversal of the country's former importance in the international arena, taking into account modern geopolitical realities. The article focuses on the fact that neo-Ottomanism is not an aggressive policy through the annexation of the countries that were previously part of the Ottoman Empire. From the position of the Republic of Turkey, neo-Ottomanism is a foreign policy strategy aimed at protecting its national interests through a combination of soft and hard power, cultural exports, support for the integration of the Turkic peoples and, first of all, compliance with the concept of “zero problems with neighbors”. Therefore, president R.T. Erdogan focuses on the need to protect the country's national interests, proposing the role of a mediator in the settlement of international conflicts, concentrates on the military solution to the problem of Kurdish separatism, promotion of a positive image of the Ottoman Empire, participation in integration organizations with Turkic-speaking countries.

Keywords: neo-Ottomanism, post-Ottoman space, Kemalism, Turkic-speaking countries, Ottoman Empire, national interests, soft power, hard power

For citation: Agamaliyev, S.M. (2023), “Conceptual foundations of neo-Ottomanism. Features of soft and hard power in Turkey's foreign policy on the example of Syria”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 69–85, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-69-85

Введение

Единого мнения о зарождении турецкого неоосманизма на данный момент не существует. Одни эксперты относят его возникновение к Кипрскому кризису 1974 г., другие берут за точку отсчета

распад СССР. Впервые термин «неосманизм» был употреблен греческими СМИ после успешно проведенной турецкой стороной военной операции под названием «Атилла» [Kagrat 2002, p. 524]. По ее итогам Анкаре удалось оккупировать северные границы острова и поддержать создание ТРСК¹. Апеллируя к международному праву, международное сообщество (за исключением Турции) не признает независимость Северного Кипра. В итоге оккупация острова Анкарой в политической повестке Афин рассматривается как символ возрождения Османской империи. С другой стороны, принято считать, что Турция неформально трансформировала свою внешнеполитическую риторику от кемализма к неосманизму после распада СССР. По оценкам тюрколога Э.Т. Мехдиева, Турецкая Республика стремилась заполнить «геополитический вакуум», который был образован в Центральной Азии, где проживают тюркоязычные народы, а также в Азербайджане [Мехдиев 2016, с. 36].

В настоящее время турецкий лидер Р.Т. Эрдоган заявляет, что Анкара должна перейти на новый уровень геополитической значимости, где ее влияние будет распространяться на Ближний Восток, Закавказье, Балканы, Центральную Азию. Например, в 2019 г. президент Р.Т. Эрдоган заявил: «Наши физические границы отличаются от границ в нашем сердце. Разве можно отличить Ризе от Батуми? Множество историков считает, что в границы Турции должны входить Кипр, Алеппо, Мосул, Салоники, Батуми. Лишь утратив независимость, мы потеряем интерес к этим территориям»². Политика Анкары демонстрирует имперский характер и направлена на расширение своего влияния в постосманском пространстве. При этом страна является членом НАТО и официально выбрала курс вестернизации. В связи с этим тематика неосманизма является весьма актуальной в нынешнее время, так как внешнеполитический курс Анкары демонстрирует двойственность ее подходов и требует дополнительного изучения.

¹ Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК) – частично признанное государство, расположенное на острове Кипр в результате греко-турецкого вооруженного конфликта в 1974 г. Официально признана только Турцией.

² Неоднозначные заявления президента Турции прозвучали на ГА ООН за неделю до визита в Россию // Первый канал. 22 сентября 2021. URL: https://www.1tv.ru/news/2021-09-22/413483-neodnoznachnye_zayavleniya_prezidenta_turtsii_prozvuchali_na_ga_oon_za_nedelyu_do_vizita_v_rossiyu (дата обращения 1 января 2023).

Для достижения цели исследования, а именно анализа динамики внешней политики Турции, были поставлены следующие задачи: 1) изучить историю формирования неосманизма; 2) исследовать основные принципы неосманизма; 3) рассмотреть особенности «мягкой» и жесткой» силы на примере Сирийского кризиса.

В качестве методологической основы в проводимой работе используются: 1) *историко-хронологический метод*, который позволяет автору исследования рассмотреть явления кемализма и неосманизма, а также ключевые исторические события сквозь призму временных изменений; 2) *историко-компаративный метод* для выявления общих и дифференцированных аспектов в доктринах кемализма и неосманизма; 3) *историко-динамический метод* для изучения трансформации и эволюции турецкого внешнеполитического подхода в отношении Сирии в период кемалистской Турции и президентства Р.Т. Эрдогана.

Формирование неосманизма как неофициальной внешнеполитической доктрины Турецкой Республики

До начала XXI в. в политической повестке Анкары доминировала кемалистская идеология³, базирующаяся на принципе «шести стрел кемализма», выдвинутых основателем, национальным героем и первым президентом Турции Мустафой Кемалем Ататюрком. Своей политической миссией он видел трансформацию Турции из «больного человека Европы» в современное демократическое, светское и европеизированное государство. Для достижения этой цели своей политической волей и авторитетом Ататюрком был устранен султанат и провозглашена республика, а Великое национальное собрание⁴ Турции стало официальным парламентом, осуществляющим свою деятельность по сей день. Также кемалистами предпринимались антиосманские меры, такие как перенос столицы из Стамбула в Анкару, упразднение халифата, закрытие ключевой для мусульман мечети Айя-Софии, латинизация алфавита. Вся эта

³ Кемализм (ататюркизм) – официальная политическая идеология Турецкой Республики, придерживающаяся принципа сплоченности турецкой нации, выдвинутая Мустафой Кемалем Ататюрком. В основу входят «шесть турецких стрел Ататюрка»: республиканизм, национализм, народность, лаицизм, государственное регулирование, революционность.

⁴ Великое национальное собрание Турции – законодательный орган (парламент) Турецкой Республики.

деятельность была направлена на разрыв с османским прошлым и являлась стремлением новой власти создать национальное государство без опоры на имперские принципы. Вышеперечисленные факторы сформировали новое государство кемалистского толка, где османское прошлое критиковалось турецкими политологами. Главным лозунгом страны стали слова Ататюрка: «Мир в стране – мир во всем мире»⁵, означающие невмешательство Анкары во внешнеполитические процессы стран постосманского мира. Таким образом, кемалистская Турция не заявляла о расширении своего внешнеполитического влияния. Подобный подход активно критикуется экс-премьер министром и идеологом современного неосманизма А. Давутоглу, который оценивает данный внутриполитический порядок как «деисторизацию» [Davutoğlu 2001, pp. 57–59].

В действительности период лидерства «Партии справедливости и развития» (ПСР)⁶ с 2002 г. оценивается как становление и развитие неосманской стратегии. А. Давутоглу в своей работе «Стратегическая глубина» выделил идею «ноль проблем с соседями» [Davutoğlu 2001, p. 504], подразумевавшую дипломатическую активизацию Турции с «проблемными» странами, входившими ранее в состав Османской империи. В первую очередь можно выделить приграничных соседей, например Грецию и Армению. В случае с Афинами подразумевалось дипломатическое решение Кипрского кризиса посредством взаимных уступок с участием независимых иностранных экспертов. Касательно Армении – это решение Нагорно-Карабахского конфликта на принципе территориальной целостности и совместное изучение вопроса депортации армян 1915 г. в Османской империи. Помимо этого, автор считает, что Турция должна уверенно заявлять о своих национальных интересах и защищать их в других регионах, особенно в странах Ближнего Востока, где ключевой опасностью представляет создание независимого государства курдов (Курдистана).

А. Давутоглу критикует кемалистский прозападный вектор страны, отмечая крайнюю экономическую и политическую зависимость Турции от европейских стран и США. Мы разделяем мнение политолога, так как Анкара с 1999 г. пытается вступить в ЕС,

⁵ Yurtta Sulh Cihanda Sulh İlkesinin Anlamı – Açıklaması [Значение и объяснение принципа «мир дома – мир в мире»] // Atatürk İnkılapları. URL: <https://www.ataturkinkilaplari.com/am/173/yurtta-sulh-cihanda-sulh-ilkesinin-anlami---aciklamasi.html> (дата обращения 28 февраля 2023).

⁶ Партия справедливости и развития – действующая правящая политическая партия во главе с Р.Т. Эрдоганом.

однако окончательное решение принимается странами-членами, ссылающимися на проблему Северного Кипра, оправдывая отказ в членстве. С другой стороны, США вводят ряд экономических санкций в отношении Турции за невыгодные политические решения, принятые Анкарой, например, закупка российских систем С-400, ввод турецкого контингента в Сирию. Этими действиями западные страны пытаются ограничить Турцию в политической маневренности и навязать свои условия.

Безусловно, лицом, олицетворяющим современный неоосманнизм, является действующий президент Турецкой Республики – Р.Т. Эрдоган. Согласно мнению российского тюрколога В. Аваткова, текущая неоосманская политика – это неофициальная внешнеполитическая доктрина Турции, целью которой является расширение влияния Анкары посредством «мягкой силы», а также интеграции за счет религиозной, культурной или языковой идентичности [Аватков 2014, с. 74]. Разделяя позицию исследователя, нам хотелось бы подчеркнуть, что турецкий лидер неоднократно обращался в своих выступлениях к величию Османской империи, авторитету ислама, исторической несправедливости в отношении Турции, превосходству ее национальных интересов и братству среди тюркоязычных народов.

Претендуя на роль влиятельной державы, Анкара остро реагирует на вопросы исторической справедливости и попытки дипломатического давления со стороны других государств. В частности, это касается вопроса о депортации армянского населения в Османской империи 1915 г. В качестве примера можно привести заявление Р.Т. Эрдогана в 2011 г., адресованное экс-президенту Франции Николя Саркози в период кризиса турецко-французских отношений, связанное с принятием закона в парламенте о признании геноцида армян. Турецкий лидер заявлял: «В 1945 г. население Алжира было подвержено насилию французской армии. По некоторым данным, было уничтожено 15% населения Алжира. Эта трагедия по праву считается геноцидом алжирцев французами. Алжирцы были безжалостным образом сожжены в печах. Если президент Франции, уважаемый Саркози, не знает этого, пусть спросит у своего отца Поля Саркози. Отец Николя Саркози – Поль Саркози в 1940-х гг. проходил военную службу во французском легионе в Алжире»⁷. После этого заявления Р.Т. Эрдоган зачитал оригинал письма османского Султана Сулеймана Великолепного французскому королю Фран-

⁷ Эрдоган: если Саркози не знает о геноциде алжирского народа со стороны Франции, пусть спросит своего отца // Aze.az. URL: https://aze.az/news_erdogan_esli_sarkozi_70812.html (дата обращения 10 января 2023).

циску I, где второй просил политического убежища в Османской империи, намекая на истинную политическую роль Франции в таких вопросах⁸. Таким образом, подобные обвинения рассматриваются турецкой стороной как «историческая несправедливость» и лицемерие со стороны государств, придающих огласку событиями столетней давности, но осуществлявших схожую политику.

П.В. Шлыков характеризует текущий внешнеполитический период как «поворот на Восток» и «евразийство» [Шлыков 2017, с. 58–76]. Высокая геополитическая активность Турции в рамках неосманизма обусловлена отказом во вступлении в ЕС при активном росте ее населения и экономики за последние два десятилетия. Отчасти можно согласиться с автором, так как с 2007 по 2023 г. население страны выросло с 70 586 256 чел.⁹ до 88 196 552 чел.¹⁰ ВВП страны с 2002 по 2022 г. вырос с 241 млрд долл.¹¹ до 941 млрд долл.¹² Однако, на наш взгляд, более значимой причиной смены вектора является проблема курдского сепаратизма. Цель Турции – создание буферной зоны на севере Сирии и Ирака для защиты своих международно-признанных границ от РПК¹³.

Как результат, Р.Т. Эрдоган осознает современные геополитические реалии, где роль Турции в многополярном мире заключается в стремлении стать развитой региональной державой, способной защищать свои национальные интересы дипломатическими и военными способами. Приоритеты внешней политики Анкары с течением времени изменились: стали четко определены ее национальные интересы. В этом ключе обосновано высказывание президента

⁸ См.: Erdoğan, Kanuni'nin o mektubunu okudu [Эрдоган зачитал письмо Сулеймана Кануни] // *Dunya Bulteni*. 23.12.2011. URL: <https://www.dunyabulteni.net/dis-politika/erdogan-kanuninin-o-mektubunu-okudu-video-h189247.html> (дата обращения 10 января 2023).

⁹ См.: Счетчик населения Турции // *Countrymeters*. URL: <https://www.dunyabulteni.net/dis-politika/erdogan-kanuninin-o-mektubunu-okudu-video-h189247.html> (дата обращения 10 декабря 2022).

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Экономика Турции в 2023 г.: важный этап в истории // *Property Turkey*. 2023. 13 Jan. URL: <https://www.propertyturkey.com/ru/blog-turkey/turkeys-economy-in-2023-an-important-juncture-in-history> (дата обращения 10 декабря 2023).

¹² Там же.

¹³ Рабочая партия Курдистана (РПК) – политическая организация, борющаяся за права курдов в Турции, Ираке, Иране и Сирии. Цель РПК – создание независимого Курдистана. Признана террористической в Турецкой Республике, ЕС и США.

о «мире больше пяти» [Ирхин, Москаленко 2021, с. 91–107], т. е. о несправедливости системы, сложившейся после Второй мировой войны, где решающее право голоса отводится пяти державам-победительницам. Помимо высоких темпов экономического и демографического роста, повышается также научный потенциал и уровень ВПК Турции, что позволяет ей говорить о необходимости ее участия в трансформации международной системы. Так, с окончанием войны в Карабахе 2020 г. Анкара стала популярным экспортером военной техники после успешной демонстрации Азербайджаном эффективности турецкого вооружения.

Основные принципы неоосманизма

Как было заявлено в статье, под концепцией неоосманизма понимается связь исторического наследия Османской империи с текущим внешнеполитическим курсом Турции, официально являющейся ее правопреемницей. Современный неоосманизм – это не попытка расширения границ республики за счет аннексии чужих территорий, а учет современных геополитических реалий. Согласно Э.Т. Мехдиеву, данная концепция базируется на четырех принципах: крови, османском мышлении, почве и языке [Мехдиев 2016, с. 33]. Иными словами, современная неоосманская стратегия расширения турецкого влияния не ограничивается постосманским миром, она также ориентируется на тюркский мир, где Анкара является центром притяжения как самое экономически развитое государство, включая успешный ВПК. Анализируя теоретические и практические аспекты турецкой политики, мы можем выделить следующие ее принципы:

1. *Турция – правопреемница Османской империи.* Действительно, текущая власть в стране одобряет культурную пропаганду величия Порты¹⁴. Для формирования «оттоментальности»¹⁵ Министерство культуры Турции официально одобрило создание таких сериалов, как «Основание: Осман», «Завоевание 1453», «Великолепный век», «Права на престол: Султан Абдулхамид» [Erdem 2017, pp. 710–728], получивших грандиозную популярность. Несмотря на официальную доктрину кемализма, эти экранизации эксплицируют и идеализируют образы османских правителей и

¹⁴ Порты – наименование Османской империи, принятое в истории дипломатии.

¹⁵ Оттоментальность – термин, обозначающий культурное измерение концепции неоосманизма, обозначенное экспертом Дж. Эрдемом.

империи, а также акцентируют внимание на идеологии панисламизма и пантюркизма. Более того, посредством данной политики осуществляется культурный экспорт за пределы страны, формируя положительный имидж в массовой культуре. Таким образом, Анкара пытается развить идейно-ценностную базу через историю и культуру.

2. *Турция – покровитель ислама.* В текущее время Анкара под руководством «ПСР» позиционирует себя как демократическое и светское государство с элементами умеренного ислама. Такое положение дел позволяет стране выстроить сбалансированную политику со странами исламского мира и Западом. Эксперт Э.Т. Мехдиев выделяет исламский мир, где Анкара оказывает помощь и упрочивает отношения с мусульманскими странами, подтверждая и укрепляя свой международный престиж [Мехдиев 2016, с. 35–36]. Турецкая Республика имеет военные базы в мусульманских странах: Катаре, Азербайджане, Сирии, Ливии, Сомали. Особенностью политики, проводимой турецким лидером, является нейтралитет по отношению к суннизму и шиизму. 14 апреля 2016 г. Р.Т. Эрдоган на открытии саммита Организации исламского сотрудничества заявил: «Моя религия – это не суннизм и не шиизм, моя религия – это ислам»¹⁶.

3. *Пантюркизм.* А. Давутоглу утверждает, что Турция должна активизироваться в Закавказье и Центральной Азии с целью интеграции тюркоязычных народов [Davutoğlu 2001, р. 584]. Следовательно, цель Турции – стать «большим братом» и лидером тюркского мира, что было продемонстрировано в период армяно-азербайджанского конфликта 2020 г., где Турция и Россия являлись ключевыми арбитрами. Страна активно поддерживала Азербайджан, который является частью тюркского мира на военном и дипломатическом уровнях, опираясь на концепцию «один народ – два государства». Экс-депутат Государственной Думы РФ и тюрколог В. Жириновский негативно расценивал пантюркизм, утверждая: «Они же сомнут Армению. Вместе с Ираном ворвутся в Среднюю Азию и создадут великое турецкое государство – Туран»¹⁷. Мы не до

¹⁶ Erdoğan'ın 'Benim dinim İslam'dır!' dediği o güzel konuşması [Блестящее выступление Эрдогана: «Моя религия – ислам!»] // Yeni akit. 11.11.2016. URL: <https://www.yeniakit.com.tr/haber/erdoganin-benim-dinim-islamdir-dedigi-o-guzel-konusmasi-233230.html> (дата обращения 31 декабря 2022).

¹⁷ Жириновский про Великий Туран и Ислам // Budrooo news. 2022. 6 Apr. URL: <https://budrooo.news/zhirinovskij-pro-velikij-turan-i-islam/> (дата обращения 1 января 2023).

конца согласны с его мнением. Во-первых, Анкара во всех аспектах поддержала братский для нее Азербайджан, однако в первую очередь Турция придерживалась принципа территориальной целостности государства, гарантируемого международным правом. Во-вторых, Анкара акцентирует свою внешнеполитическую повестку в отношении тюркских стран на культурном уровне и языковой идентичности. Турция является страной-основателем Организации тюркских государств, содействующей всестороннему сотрудничеству между тюркскими народами.

Стоит отметить также членство страны в ТЮРКСОЙ – организации, целью которой является сохранение культурного наследия тюркоязычных народов. Более того, между странами тюркского мира не существует военного союза, обязывающего защищать друг друга в случае агрессии третьих стран, и единой экономической валюты. Помимо этого, тюркские Казахстан и Киргизия являются членами ОДКБ, что делает невозможным включение этих стран в альтернативный военный альянс в текущих геополитических реалиях.

4. *Турция – весомый актор международной политики.* Посредством “smart power” турецкая сторона выстраивает гибкую политику, сочетая дипломатические и военные методы. Мягкая сила в контексте неоосманизма проявляется в активном посредничестве Турции в урегулировании конфликтов. Ключевой дипломатической победой страны является подписанная 24 апреля 2010 г. Стамбульская декларация по вопросам мира и стабильности на Балканах [Глазова 2013, с. 22–34]. В результате проводились регулярные встречи дипломатических представителей Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговины.

Таким образом, исходя из вышеперечисленных принципов следует, что неоосманская стратегия Турции обоснована ее культурной, исторической, религиозной и территориальной особенностью. Она старается вести независимую политику, выстраивая позитивные дипломатические отношения с ведущими странами, подходящими под эти критерии. В ее цели не входит военная аннексия с целью удержания территорий постосманского пространства или тюркского мира.

Мягкая и жесткая сила во внешней политике Турции на примере Сирийского кризиса

Дж. Най в своем труде “Soft Power: The means to success in world politics” утверждает: «Мягкая сила» – это не просто искусство убеждать или менять поведение людей в силу приведенных

неоспоримых аргументов. Ресурсы “мягкой силы” — это такие активы, которые производят эффект притяжения» [Nye 2004, p. 192]. Исходя из этого тезиса, следует отметить, что турецкая мягкая сила в отношении Сирии проявляется в следующих аспектах:

1. *Туркоманы (сирийские туркмены)*. В настоящее время Турецкая Республика активно влияет на геополитическую обстановку в Сирии посредством комплексной поддержки этого тюркского народа. Например, было создано «Сирийское демократическое туркменское движение» со штаб-квартирой в Стамбуле, целью которой, на наш взгляд, не является раскол САР, так как туркмены проживают сепаратно в различных городах Сирии. Их цели следующие: признание турецкого языка в стране на официальном уровне в регионах с преобладающим туркменским меньшинством, создание многопартийной системы с возможностью избрания представителя турецкой национальности, признание туркменского населения как основного компонента Сирии.

2. *Суннизм*. Как было указано нами ранее, в повседневной повестке Анкара активно внедряется в исламский мир, в частности, суннитский мир, где старается стать одним из центров притяжения исламских стран. Данное положение дел позволяет ей оказывать поддержку и сотрудничать с сирийской оппозицией, которая в основном состоит из арабов-суннитов. В свою очередь, арабская оппозиция — это основная сила в Сирии, противостоящая режиму Б. Асада на севере страны.

3. *Гуманитарная миссия*. В подконтрольных турецкой армии северных регионах САР активно развернута гуманитарная деятельность, которая проводится турецкими благотворительными фондами. Например, турецкая некоммерческая организация ИНН (Фонд защиты прав и свобод человека и гуманитарной помощи) обеспечивает школьников питанием, производит одежду и спальные комплекты для сирийских беженцев. Также турецкая армия регулярно участвует в гуманитарных операциях, разворачивая полевые кухни, лагеря, медицинские пункты для социально-уязвимых категорий лиц (инвалиды, дети, старики).

Используя мягкую силу, турецкий кемализм и неоосманизм применяют и военные рычаги воздействия на оппонентов при решении вопросов национальной безопасности. Однако, на наш взгляд, неоосманизм — это не политика прямой аннексии стран-соседей, а сочетание элементов “soft power” и “hard power”. Например, текущий Сирийский кризис, в котором Анкара без мандата ООН ввела свой военный контингент на сирийскую территорию с целью создания буферной зоны на своих южных границах, характеризуется сочетанием дипломатии и военной силы.

Для понимания проблематики турецко-сирийских отношений следует отметить ряд исторических и геополитических аспектов, оказавших непосредственное влияние на обе стороны. В первую очередь, территориальный спор в отношении Александреттского санджака¹⁸. Дело в том, что Сирия была завоевана Османской империей в XVI в. и находилась в ее владении до событий Первой мировой войны, обернувшейся для страны распадом. Франция как страна-победительница, взявшая протекторат над Сирией, приняла результаты референдума 29 июня 1939 г. за присоединение санджака в состав Турецкой Республики [Глазунов, Давыдова 2020, с. 37]. Это спровоцировало массовые протесты и переселение нетурецкого населения из г. Хатай, что привело к первому территориальному спору между молодыми государствами. В этом споре Турция придерживалась дипломатического инструмента решения внешнеполитической задачи, так как в Хатае турки составляли большинство населения. Данный факт и позволил 5 июля 1938 г. ввести турецких военных в город.

Во-вторых, как было неоднократно нами подчеркнуто, главной геополитической проблемой Анкары является создание независимого курдского государства на территории Сирии, Ирака, Ирана и самой Турции. С приходом к власти Б. Асада и ПСР¹⁹ страны не затрагивали проблему территориальных споров, так как оба лидера старались укрепить свое политическое влияние [Рудницкий, Аватков, Сбитнева 2020, с. 26–32]. Связано это с тем, что Турция рассматривает Сирию не только как страну постосманского пространства, но и как неотъемлемый элемент исламского мира, где большинство населения исповедуют близкий для них суннизм. С одной стороны, как было указано выше, Р.Т. Эрдоган предъявлял территориальные претензии в отношении Сирии, с другой стороны, Анкара делит с Дамаском общую границу протяженностью более 822 км²⁰, что требует взаимной координации стран в политической, военной и дипломатической сферах для борьбы с курдами. Осложнение внешнеполитических процессов на тот момент считалось нецелесообразным, наоборот, можно отметить положительную динамику сирийско-турецких отношений в 1998 г., связанную с выдачей лидера РПК А. Оджалана турецкой стороне. Страны под-

¹⁸ Александреттский санджак – административная единица французской империи в Сирии. В настоящее время входит в состав в Турции как г. Хатай.

¹⁹ ПСР – Партия справедливости и развития.

²⁰ См.: География Турции // Wikipedia.org. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/География_Турции (дата обращения 11 января 2023).

писали Аданское соглашение, в котором Дамаск подтвердил свою готовность бороться с курдским сепаратизмом во всех его проявлениях [Balci 2017, p. 400].

События обрели переломный характер в период арабской весны, когда Анкара поддержала оппозицию Сирии, руководствуясь тем, что суннитское население притесняется алавитской²¹ властью. По версии турецкой стороны, страна была вынуждена развернуть свои военные подразделения на границе с Сирией из-за артиллерийского обстрела со стороны Дамаска, в результате которого погибло пять человек в турецком городе Акчакале²². В.А. Аватков выделяет дополнительный негативный фактор, а именно теракт в 2016 г. в турецком городе Газиантеп, в результате чего Анкара заявила о единоличной борьбе с террористической угрозой, исходящей из Сирии, в первую очередь от ИГИЛ*. Эскалация конфликта привела к турецкому вторжению на территорию Сирии и проведению ряда военных операций («Щит Евфрата», «Оливковая ветвь», «Источник мира», «Весенний щит»), целью которых была ликвидация террористических и курдских отрядов. Экс-министр обороны Фикри Ышик заявил: «Цель турецкой операции в Сирии – это безопасность турецко-сирийской границы, курдов не должно быть там»²³. Отчасти мы согласны с его мнением касательно безопасности границ стран, однако апеллируя к международному праву, можно говорить о том, что проведение Турцией военных операций является юридически неправомерным. С другой стороны, введение турецких военных обусловлено защитой южных границ государства посредством создания буферной зоны между курдскими вооруженными отрядами на севере Сирии, а об оккупации всей территории страны не может быть и речи.

Таким образом, на примере Сирийского кризиса можно проследить динамику перехода турецкой мягкой силы в отношении Дамаска в жесткую силу. Поначалу Б. Асад и Р.Т. Эрдоган пытались

²¹ Алавизм (или нусайризм) – течение в исламе, близкое к шиитскому исмаилизму, которое исповедует сирийский лидер Б. Асад. Сунниты считают, что алавиты отошли от исламских канонов и не могут по праву считаться истинными мусульманами.

* Запрещенная в России террористическая организация.

²² См.: Turkey hits targets inside Syria after border deaths // BBC News. 2021. 15 Apr. URL: <https://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-19822253> (дата обращения 11 января 2023).

²³ Turkey warns Syrian Kurds to withdraw East of Euphrates // Sign of the last years. 26 August 2016. URL: <https://signsofthelastdays.org/turkey-warns-syrian-kurds-withdraw-east-euphrates/> (дата обращения 13 января 2023).

найти точки соприкосновения, не ссылаясь на факторы, которые могли негативно повлиять на переговорные процессы и подписание вышеупомянутого Аданского соглашения. Тем не менее с развитием конфликта исторические противоречия между странами обострились, а вооруженное столкновение из ряда локальных операций перешло в разряд полномасштабного контртеррористического наступления Турции на севере Сирии. Итак, основные противоречия между Турцией и Сирией сводятся к следующему.

1. Взаимные территориальные претензии (с турецкой стороны – это заявление Эрдогана о вхождении Алеппо в состав Турецкой Республики, с позиции Сирии – это историческая несправедливость в отношении г. Хагай).

2. Нелегитимный характер военной деятельности Турции, проводимой на севере Сирии, с точки зрения международного права («Щит Евфрата» в 2016 г., «Оливковая ветвь» в 2018 г., «Источник мира» в 2019 г., «Весенний щит» в 2020 г.).

Заключение

Как показало исследование, точной даты возникновения идеологии неоосманизма не существует, так как эксперты не имеют общего мнения на этот счет. Одни относят его к конфликту на Кипре, где Турция завоевала треть острова, создав ТРСК, другие к периоду распада СССР, где Анкара активизировалась в Закавказье и Центральной Азии. Турецкая Республика, обладающая статусом правопреемницы Османской империи, старается быть весомым международным актором. Официально она позиционирует себя как кемалистская страна, т. е. придерживается светскости, европейскости, дипломатического урегулирования конфликтов, единства турецкой нации, практики «шести стрел Ататюрка», а также принципа «мир в стране – мир во всем мире». С другой стороны, наблюдается применение Анкарой основных принципов неоосманизма. Идеология неоосманизма сочетает в себе “soft power” и “hard power”. Посредством мягкой силы Турция создает положительный образ Османской империи, проводя культурную экспансию через СМИ и экранизацию исторических событий. Анкара старается стать «центром притяжения» исламского мира, балансируя между суннизмом и шиизмом. Помимо этого, страна активно сотрудничает со странами тюркского мира, опираясь на языковую, религиозную и культурную идентичность.

Жесткая сила Турецкой Республики применяется в Сирии для борьбы с РПК. Как показала история, кемалистская Турция сумела

решить территориальный вопрос Александреттского санджака в свою пользу мирным путем. Однако исторические противоречия Сирии и Дамаска обострились в период арабской весны. Анкара, согласно международному праву, нелегитимно ввела военный контингент на территорию Дамаска. Юридически это расценивается как «оккупация». Однако в цели Р.Т. Эрдогана не входит аннексия чужих территорий, он настроен на борьбу с сепаратизмом и терроризмом посредством создания буферной зоны по всей границе для безопасности своих границ. При этом нами не отрицается двойственность риторики турецкой стороны, где с одной стороны Р.Т. Эрдоган предъявил территориальные претензии ряду стран, включая и саму Сирию. С другой стороны, заявления экс-министра обороны свидетельствуют о борьбе с курдами, защите национальных интересов и турецко-сирийской границы, а не оккупации территории Дамаска.

Таким образом, учитывая современную тенденцию к расширению противоречий в сирийско-турецких отношениях, можно утверждать, что с наибольшей вероятностью конфликт останется нерешенным. На сегодня турецкая армия не имеет полного контроля на севере Сирии, что создает для нее потенциальную угрозу проникновения террористов РПК в страну. Однако Анкара проводит ряд контртеррористических военных операций для решения данной проблемы.

Литература

- Аватков 2014 – *Аватков В.А.* Неосманизм: базовая идеология и геостратегия Турции // Свободная мысль. 2014. № 3. С. 71–78.
- Глазова 2013 – *Глазова А.В.* Политика Турции на Западных Балканах // Проблемы национальной стратегии. 2013. № 2 (17). С. 22–34.
- Глазунов, Давыдова 2020 – *Глазунов О.Н., Давыдова Ю.А.* Особенности и приоритеты внешней политики Турции в странах Ближнего Востока и Северной Африки // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 12 (89). С. 35–39.
- Ирхин, Москаленко 2021 – *Ирхин А.А., Москаленко О.А.* «Мир больше пяти»: становление Турции в качестве глобального актора мировой политики: перспективы и вызовы для России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Международные отношения». 2021. Т. 21. № 1. С. 91–107.
- Мехдиев 2016 – *Мехдиев Э.Т.* Неосманизм в региональной политике Турции // Вестник МГИМО-Университета. 2016. № 2. С. 32–39.
- Рудницкий, Аватков, Сбитнева 2020 – *Рудницкий А.Ю., Аватков В.А., Сбитнева А.И.* Конфликтное взаимодействие Турции и Сирии: история и современность // Конфликтология / Nota bene. 2020. № 2. С. 26–31.

- Шлыкков 2017 – *Шлыкков П.В.* Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. 2017. Т. 8. № 1. С. 58–76.
- Balci 2017 – *Balci A.* Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar [Внешняя политика Турции: принципы, акторы и практика]. İstanbul: Alfa, 2017. 400 s.
- Davutoğlu 2001 – *Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin uluslararası. İstanbul [Стратегическая глубина: международные отношения Турции]. İstanbul: Küre Yayınları, 2001. 584 s.
- Erdem 2017 – *Erdem C.Y.* Ottomentalityю Teoliberal governance of culture and neo-ottoman management of diversity // Turkish Studies. 2017. Vol. 18 (4). P. 710–728.
- Karpat 2002 – *Karpat H.K.* Studies on Ottoman social and political history. Selected articles and essays. N.Y.: Brill, 2002. 856 s.
- Nye 2004 – *Nye J.S., Jr.* Soft power. The means to success in world politics. N.Y.: Public Affairs, 2004. 191 p.

References

- Avatkov, V.A. (2014), “Neo-Ottomanism. The basic ideologeme and geostrategy of Turkey”, *Сvobodnaya mysl'*, no. 3, pp. 71–78.
- Balci, A. (2017), *Türkiye Dış Politikası: İlkeler, Aktörler ve Uygulamalar* [Turkish foreign policy. Principles, actors and practices], Alfa, İstanbul, Türkiye.
- Davutoğlu, A. (2001), *Stratejik Derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu* [Strategic Depth. Turkey's international position], Küre Yayınları, İstanbul, Türkiye.
- Erdem, C.Y. (2017), “Ottomentality. Neoliberal governance of culture and neo-ottoman management of diversity”, *Turkish Studies*, vol. 18 (4), pp. 710–728.
- Glazova, A.V. (2013), “Turkey's policy in the Western Balkans”, *Problems of national strategy*, vol. 17, no. 2, pp. 22–34.
- Glazunov, O.N. and Davydova, Yu.A. (2020), “Features and priorities of Turkey's foreign policy in the Middle East and North Africa”, *Society: Politics, Economics, Law*, vol. 89, no. 12, pp. 35–39.
- Irkhin, A.A. and Moskalenko, O.A. (2021), “ ‘The world is bigger than five’. Turkey's emergence as a global actor in world politics. Prospects and challenges for Russia”, *Bulletin of Peoples' friendship university of Russia. Series, International relations*, vol. 21, no. 1, pp. 91–107.
- Karpat, H.K. (2002), *Studies on Ottoman social and political history. Selected articles and essays*, Brill, New York, USA.
- Mekhdiev, E.T. (2016), “Neo-Ottomanism in the regional policy of Turkey”, *MGIMO: Review of International relations*, no. 2, pp. 32–39.
- Nye, J.S., Jr. (2004), *Soft power. The means to success in world politics*, Public Affairs, New York, USA.

- Rudnitskii, A.Yu., Avatkov, V.A. and Sbitneva, A.I. (2020), "Conflict interaction between Turkey and Syria. History and modernity", *Konfliktologiya / nota bene*, no. 2, pp. 26–31.
- Shlykov, P.V. (2017), "Eurasianism and Eurasian integration in the political ideology and practice of Turkey", *Comparative Politics Russia*, vol. 8, no. 1, pp. 58–76.

Информация об авторе

Сеймур М. Агамалиев, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; seymuraga@mail.ru

Information about the author

Seymur M. Agamaliyev, postgraduate student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miuskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; seymuraga@mail.ru

УДК 327.3(581)

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-86-96

Феномен пуштунского национализма во внутренней политике движения «Талибан»

Екатерина Р. Арруе

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, katearrue@gmail.com*

Аннотация. В данной статье рассматривается роль национального фактора, а именно пуштунского, в формировании внутренней политики «Талибана». Так как Афганистан является государством, на территории которого проживает большое количество этносов, важно рассмотреть, каким образом политические силы выстраивают свою программу, насколько полно представлены все этносы в структуре власти. Движение «Талибан» находилось у власти два периода, один из которых продолжается до сих пор. Таким образом, можно проследить эволюцию пуштунского фактора и определить, насколько такой феномен, как национализм, в целом актуален для крайне религиозного общества. Большое количество работ посвящено религиозной составляющей в идеологии движения, что объясняется доминирующей ролью ислама на территории Афганистана. Однако в истории страны была попытка секуляризации в период правления Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). В ретроспективе видно, что данный подход вызвал отторжение со стороны общества в силу многих причин. Отход от религии в традиционном мусульманском обществе воспринимается как вызов и становится причиной недовольства со стороны граждан. Принадлежность к Умме является приматом над национальной идентичностью. Что касается Афганистана, то страна разделяется на зону влияния, где проживают те или иные этносы. Пуштуны насчитывают примерно 50% от афганского населения, что обуславливает важность учета интересов данного народа в формировании политического курса.

Ключевые слова: пуштунский национализм, Афганистан, этнический фактор во внутренней политике, движение «Талибан»

Для цитирования: Арруе Е.Р. Феномен пуштунского национализма во внутренней политике движения «Талибан» // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 86–96. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-86-96

© Арруе Е.Р., 2023

Phenomenon of Pashtun nationalism in the domestic policy of the Taliban movement

Ekaterina R. Arrue

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,

katearrue@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the role of the national factor, specifically the Pashtun nationality, in the process of shaping the policy of the “Taliban”. Since there are a lot of ethnic groups living on the territory of Afghanistan, it is worth studying how various political forces manage their agenda and how fully each ethnic group is represented in the structure of government. The “Taliban” movement has been in power for two terms, one of which is still going on. Thus, it is possible to trace back the evolution of the Pashtun factor and determine the influence of nationalism on the political discourse of the extremely conservative society. There are a lot of research papers that are devoted to the religious component in the ideology of the movement, and that can be explained by the prevailing role of Islam on the Afghan territory. However, under the rule of the National Democratic Party of Afghanistan (NDPA), an effort was made to secularize the Afghan society. In hindsight, it can be seen that such approach has led to social rejection due to many reasons. The efforts of neglecting or minimizing the role of religious institutions in the traditional Muslim society are perceived as a challenge and cause discontent among citizens. The affiliation with the whole Umma prevails over national identity. As for Afghanistan, the country is split into the zones of influence, and they can be governed by other forces, different from the official “Taliban” government in Kabul. The Pashtun community amounts to approximately 50% of the whole Afghan population which makes it important to take into account their role in the political process.

Keywords: Pashtun nationalism, Afghanistan, ethnic factor in domestic politics, Taliban movement

For citation: Arrue, E.R. (2023), “Phenomenon of Pashtun nationalism in the domestic policy of the Taliban movement”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 86–96, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-86-96

Введение

Любой региональный конфликт, как правило, имеет несколько измерений: политическое, экономическое, идеологическое, культурное, национальное и остальные сферы, в которых могут

столкнуться интересы разных социальных групп. Однако конфликты на Большом Ближнем Востоке имеют общую основу – религиозную, которая не всегда играет преваляющую роль, но так или иначе лежит в базисе, на котором надстраиваются остальные мотивы. Религиозные институты играют роль посредника между государством и обществом: политические режимы обретают уверенность и поддержку общества путем кооптирования, умиротворения или даже прямого принуждения следованию текущей общественной идее по средствам деятельности исламских институтов¹. Важность религиозного аспекта не вызывает сомнения, однако, по мнению востоковеда Саида Гафурова, слова «исламский» или «мусульманский» в названиях ближневосточных политических организаций стали пропагандистским, электоральным приемом [Гафуров 2019]. С данным тезисом можно согласиться лишь отчасти, так как общество на Ближнем Востоке в большинстве своем остается крайне консервативным и традиционным, поэтому роль ислама все еще преваляющая и пронизывает все сферы жизни. Однако нельзя не отметить, что трансформация сознания, в том числе и политического, постепенно происходит. Исходя из этого, стоит обратить внимание, какие мотивы и факторы используются организациями на Ближнем Востоке и Центральной Азии, чтобы добиться власти. Вопрос о месте национальности или даже национализма в сознании мусульманина также трактуется по-разному. Например, Аравийский полуостров достаточно условно разделен на национальные государства: самосознание саудовца лет 50 назад не слишком отличалась от сознания катарца, так как общая религия (даже ее течение: обе монархии исповедуют ислам суннитского толка), общий язык, не делящийся на диалекты, – все это вкупе с принадлежностью к общей мусульманской Умме стирало понятие «национализм» из политического дискурса. Но даже в столь условно гомогенном регионе в последние десятилетия вопрос о национальном самосознании начинает активно обсуждаться и осмысляться на различных уровнях.

Говоря об Афганистане, стоит отметить, что фактор национализма имеет более агрессивную, активную наступательную природу: на территории страны живут пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, белуджи, пашаи, арабы и некоторые другие этнические группы. На территории Исламского Эмирата Афгани-

¹ См.: *Wehrey F.* Islamic institutions in Arab States: mapping the dynamics of control, co-option, and contention. URL: <https://carnegieendowment.org/2021/06/07/islamic-institutions-in-arab-states-mapping-dynamics-of-control-co-option-and-contention-pub-84647> (дата обращения 5 июля 2023).

стан² два государственных языка: пушту и дари, которые относятся к иранской группе индоевропейской семьи. Носителями пушту являются, как несложно догадаться, пуштуны, которые достигают примерно 50% населения. В этом случае легко выделить основную целевую группу для политических организаций. Естественным образом будут предприняты попытки учета интересов большинства, которое впоследствии должно стать электоратом той или иной силы. Поэтому автор видит релевантным рассмотреть не только религиозные мотивы в политической программе движения «Талибан», но и такой фактор, как пуштунский национализм. Путем использования ретроспективного метода и сравнительного анализа можно изучить два политических подхода: пребывание у власти талибов в период 1996–2001 гг. и с 2021 г. по нынешний момент, какую роль играет национализм, в каких формах он присутствует, и предположить возможный вектор развития данного явления в политическом дискурсе Афганистана.

Историография движения «Талибан» пока еще небогата, и она ограничивается несколькими изданиями, заслуживающими внимания исследователей: М.К. Арчаков «Природа и корни идеологических установок движения “Талибан”», В.Г. Коргун «Талибы и Центральная Азия: на авансцене – терроризм», Е.В. Крыжко, С.С. Щевелев «Из истории движения «Талибан» в Афганистане», Е.А. Степанова «Фактор ИГИЛ и движение Талибан в политике России по Афганистану и в более широком регионе», И. Сафранчук, В. Жорнист «Казус “Талибана” и особенности полицентричного мира», Е.С. Васецова «Движение “Талибан” и его роль в региональных политических процессах», Р.Р. Сикоева «Талибы: религиозно-политический портрет», В.Я. Белокреницкий и Р.Р. Сикоева «Движение Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана». Помимо российских авторов, в историографии данного вопроса есть зарубежные исследователи, которые также внесли вклад в изучение различных аспектов движения «Талибан»: П. Марсден «Талибан. Война и религия в Афганистане», Р. Bergen “Talibanistan: Negotiating the Borders Between Terror, Politics, and Religion”, А. Rashid “Taliban: Militant Islam, Oil and Fundamentalism in Central Asia”. Очевидно, что с каждым годом количество исследований на тему Афганистана и роли «Талибана» в его политической жизни будет только увеличиваться, так как, несмотря на измененный дискурс мировой повестки, «афганский вопрос» все еще остро стоит для Центральной Азии и требует совместных и скоординированных усилий всего мирового сообщества.

² Официальное название Афганистана, принятое «Талибаном» после захвата Кабула в августе 2021 г.

Помимо численного преобладания пуштунов на территории Афганистана, важным фактором их специфики и самодостаточности является пуштунское самосознание, которое лежит в основе пуштунского национализма. Для более четкого осознания менталитета пуштунов следует обратиться к «Пуштунвали» («Кодекс чести пуштунов»), который включает в себя следующие черты народности: преобладание трайбализма и тесных семейных отношений; воинственность за честь и независимость; неприятие управления извне и национальная гордость [Оришев 2015]. Эти принципы объясняют тот факт, что Афганистан так и не был покорен: ни Великобритания, ни СССР, ни США не смогли установить власть, которая была бы по душе титульному народу Афганистана.

Однако советские войска не потерпели военного поражения в Афганистане, они в 1989 г. были выведены из страны на основании Женевских соглашений, в связи с невозможностью решить афганские проблемы военным путем [Христофоров 2008, с. 23–47; Христофоров 2019].

Исследователи отмечают, что даже во времена распространения ислама пуштуны приняли его, но в форме «пуштунство есть ислам, а ислам есть пуштунство». Такая местами надменная риторика объясняется принадлежностью к «детям Израилевым» (Бани Исраил). Именно с потомками «детей Израилевых» Всевышний заключил «союз» еще до появления пророка Мохаммеда [Хамгаев 2004, с. 142].

Выделение пуштунов во внутренней политике афганских властей стало особо заметно в 30-е годы прошлого столетия. Становление пуштунов в качестве титульной нации взращивало националистические настроения среди этого народа и не могло не повлиять на взаимоотношения с хазарейцами, таджиками, узбеками и другими народностями, населявшими Афганистан. Это недовольство проявилось в выступлениях таджикского населения в Кухистане и Кухдомане, которые были подавлены властями. Закономерным результатом пуштунализации, зачастую проходившей достаточно жестким образом, стало возведение пушту в ранг государственного языка в 1936 г. [Абдуллоев 2013].

Проведя краткий исторический экскурс и очертя ключевые составляющие пуштунского национализма в целом, можно рассмотреть, какое место данное явление занимает во внутренней политике «Талибана». Трудно обозначить точную датировку появления движения «Талибан» на политической карте Афганистана, так как оно стало результатом длительного процесса, начавшегося в 1978 г. с Апрельской (Саурской) революции, когда власть в руки взяла Народно-Демократическая партия Афганистана (НДПА).

А с момента введения ограниченного военного контингента СССР в декабре 1979 г. Афганистан стал настоящим плацдармом для противостояния двух великих держав – СССР и США. Вашингтон, через Исламабад, финансировал моджахедов, то есть борцов за веру, но главное, что они были против официального правительства, поддерживаемого Советским Союзом. Не стоит скрывать тот факт, что у вооруженных формирований порой были совершенно разные цели и задачи. Так на территории Пакистана зародилось движение «Талибан», которое в дальнейшем переместилось на территорию Афганистана. Изначально движение состояло из афганских и пакистанских пуштунов, как правило, выходцев из бедных слоев населения. В руководстве были представлены выходцы из дуррани. Идеология движения базировалась больше на пуштунвали, чем на толковании Корана. Однако мы обозначили выше связь между «Кодексом чести пуштунов» и исламом, поэтому лидеры движения выступали за консерватизм и возвращение к истокам ислама. Талибы не были однородны в своих взглядах, и со временем эта неоднородность проявилась в расколе на условные два течения: радикальное и умеренное. Приверженцы первого направления больше тяготели к взглядам ваххабизма и высказывали радикальные идеи. Что касается «умеренных» исламистов, то их толкование ислама не базировалось на фундаменталистских воззрениях. «Талибан» нашел поддержку не только среди южных пуштунов, но и среди других стран, таких как Пакистан, Саудовская Аравия. Финансирование со стороны Пакистана объясняется тем, что еще во времена сопротивления моджахедов режиму НДПА на территории Пакистана организовывались лагеря для подготовки боевиков, шло активное снабжение оружием. Таким образом, из Пакистана шли потоки вооруженной оппозиции³ [Кортунов 2021].

Особую поддержку талибы получали от Саудовской Аравии, оказавшей влияние на идеологию «Талибана». Ваххабиты, а впоследствии и талибы, называя себя «обществом единственно правоверных последователей ислама», взялись за тех, кто считал себя мусульманами, но чей образ жизни, по их понятиям, шел вразрез с законами ислама [Марсден 2022; Христофоров 2022].

Саудовцы спонсировали строительство мечетей в Афганистане и Пакистане, создание таких группировок, как Сипах-е-Сахаба Пакистан (SSP), Лашкар-е-Джангви, целью которых было отращивание наступления шиитов в суннитском регионе. Также они

³ Кортунов А. Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия: доклад Российского совета по международным делам // РСМД. 2021. № 76. М.: НП РСМД, 2021.

покровительствовали профессору Абдул Расулу Сайяфу, который придерживался взглядов ваххабизма. Основными идеологическими мотивами могут считаться: определение «неверных» («кафиров»), т. е. тех людей, которые не исповедуют ислам и против которых необходимо вести «джихад» (священную борьбу за веру); государство может быть исключительно теократическим, светская власть не допускается, только воссоздание халифата⁴; готовность защищать веру вооруженными мерами (в этом аспекте движение перекликается с «Пуштунвали»); борьба с неверными происходит не только по принципу принадлежности к той или иной религии, но даже к идеологическому движению, например, коммунизму, что проявилось в антагонизме к НДПА.

Таким образом, можно определить, каким образом движение аккумулировало в своих руках денежные потоки и тем самым укреплялось на территории Афганистана. Основной целью движения был разгром вооруженных группировок, еще функционировавших в период гражданской войны после свержения власти НДПА. Результатом политической борьбы должно было быть теократическое государство, в котором нет этнических меньшинств на ключевых позициях. Для достижения данной цели был выбран путь «исламского национализма», представляющего собой объединение религиозного фундаментализма и пуштунского национализма [Шах 2014].

Политическим оппонентом «Талибана» было объединение «Северный Альянс», в который входили различные непуштунские народности, которые проживали, что хорошо видно из названия, на севере страны. Оппозиция пыталась сопротивляться талибам, однако безуспешно, и последние взяли под контроль большую часть Афганистана в 1996 г., а к 2001 г. под контролем движения было уже почти 95% страны. Было бы преувеличением сказать, что успех талибов заключается исключительно в ставке на «пуштунизм», однако данный фактор действительно играет серьезную роль. В данном контексте возникает закономерный вопрос: как сформировался дискурс пуштунского национализма во внутренней политике «Талибана»? На этот вопрос трудно ответить однозначно: с одной стороны, пуштуны действительно являются подавляющим большинством, но с другой – нельзя опустить тот факт, что талибы были «взращены» в пакистанских лагерях моджахедов. Вышеуказанный фактор должен был сыграть отрицательную роль в использовании пуштунской риторики «Талибаном», так как националистическое пуштунское

⁴ Халифат является идеальным политическим устройством государства, по мнению талибов. Управляться данное государство должно исключительно согласно законам шариата.

государство по соседству вызвало было озабоченность со стороны правительства Пакистана из-за линии Дюранда.

Есть мнение, что корни данного явления восходят к коалиции НДПА под названием «Хальк». Правящая партия НДПА сформировалась 1 января 1965 г. К этому времени афганское общество переживало мощную волну политизации [Христофоров 2009]. В политической жизни общества принимали активное участие следующие слои: интеллигенция, студенты, офицеры армии и даже малочисленный рабочий класс. Большинство желало не просто слепо подчиняться режиму, а хотело что-то менять, угнетенные слои больше не могли молчать.

Итак, представители двух левых группировок под руководством Нур Мохаммада Тараки («Хальк») и Бабрака Кармаля («Парчам») объединились в партию (НДПА) для общей цели – политической борьбы и смены режима. Однако два названных лидера имели разные взгляды на продолжение революции, что вносило раскол в единство НДПА. «Халькисты» были политическим меньшинством, но они поддерживали антипакистанский курс партии. По мнению М. Шаха, с подачи «халькистов» движение «Талибан» переняло курс на пуштунский национализм [Шах 2014]. Такое предположение имеет место, хотя нельзя утверждать со всей уверенностью, что именно «халькисты» стали катализатором использования пуштунского фактора «Талибаном». Стоит отметить, что современный курс «Талибана» не столь жестко сконцентрирован на пуштунском национализме. Естественно, пуштуны все еще играют заметную роль внутри движения, но в то же время ряды талибов пополняются таджиками и хазарейцами, последние являются шиитами. Данный фактор может говорить о последовательном смягчении жесткого националистического курса и дальнейшей трансформации этнической политики движения «Талибан».

Заключение

Талибы захватывали власть в Афганистане дважды. В ходе ожесточенной гражданской войны после свержения НДПА в 1992 г. между различными группировками моджахедов на военно-политической арене появилось движение «Талибан», которое пришло к власти в Кабуле и на большей части Афганистана в 1996 г. В первый период нахождения у власти талибов с 1996 по 2001 г. их политика была ярко окрашена фундаменталистскими идеями: запрет на прослушивание музыки и на изображение людей; полный контроль над высказыванием мнения в средствах массовой информации;

принудительная пуштунизация. Последний фактор определяется массовым внедрением пушту во все официальные учреждения, ведение всей документации на пушту, что вызвало ожесточенное сопротивление остальных народностей. Нынешний период начался 15 августа 2021 г., когда лидеры движения второй раз установили контроль над столицей и всей территорией Афганистана. Можно отметить трансформацию в рамках внутренней политики талибов. Все-таки есть определенные основания осторожно говорить о том, что талибы «выучили уроки» прошлого пребывания у власти и выбрали курс на смягчение своей политики. Некоторые исследователи даже называют «Талибан 2.0», уповая на корректировки политического курса. Однако, на наш взгляд, данное утверждение омрачается двумя фундаментальными недостатками: дискриминация женщин, недопущение девочек старше шестого класса к обучению в школе и в высших учебных заведениях; продолжение пуштунского национализма, что вылилось в отказ от формирования инклюзивного правительства и ущемление прав этнических меньшинств на территории Афганистана. Подтверждением данного тезиса является плачевное событие теракта в образовательном центре Каадж в Кабуле, в результате которого было убито более 50 человек, большая часть которых были девушки-старшеклассницы⁵. В основном обучение в центре получали хазарейцы, что стало еще одним поводом для совершения атаки, так как данная этническая группа также подвергалась гонениям со стороны «Талибана».

Подводя итоги, стоит отметить, что ситуация в Афганистане остается непростой во всех отношениях. Продолжаются вооруженные столкновения с оппозицией, Фронт народного сопротивления Афганистана, на который делает ставку Вашингтон⁶, вносит дестабилизацию во внутренний расклад сил. Возможно, именно исходя из нарастающего недовольства и диффузии вооруженных отрядов, лидеры «Талибана» приняли решение взять курс на тотальный контроль и устранение какого-либо инакомыслия. Но, как известно, у каждого действия есть равное ему противодействие, поэтому репрессивные действия со стороны талибов и ставка на пуштунский национализм не могут способствовать «умиротворению» общественного недовольства.

⁵ The world is ignoring ethnic cleansing in Afghanistan – again. URL: <https://thehill.com/> (дата обращения 7 июля 2023).

⁶ См.: Wasielewski P. The Afghan National Resistance Front outlines its strategy: Implications for US Foreign Policy <https://www.fpri.org/article/2022/11/the-afghan-national-resistance-front-outlines-its-strategy-implications-for-us-foreign-policy/> (дата обращения 5 июля 2023).

Литература

- Абдуллоев 2013 – *Абдуллоев Р.* Пуштуны в политической жизни Афганистана // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. Вып. 3. С. 85–95.
- Гафуров 2019 – *Гафуров С.З.* Крест, полумесяц и арабская нация: идейные течения на Ближнем Востоке. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2019. 246 с.
- Марсен 2022 – *Марсен П.* Талибан: Война и религия в Афганистане / Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: ИД «Городец», 2022. 171 с.
- Оришев 2015 – *Оришев А.Б.* «Пуштунвали» – история жизни и философия пуштунов // Вестник экспериментального образования. 2015. № 2 (22). С. 22–32.
- Хамгаев 2004 – *Хамгаев А.* Этнополитический портрет Афганистана: единство или федерализм? // Россия и мусульманский мир. 2004. № 4 (142). С. 141–153.
- Христофоров 2008 – *Христофоров В.С.* Трудный путь к Женевским соглашениям 1988 г. по Афганистану // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 23–47.
- Христофоров 2009 – *Христофоров В.С.* Афганистан: Правящая партия и армия (1978–1989). М.: Граница, 2009. 318 с.
- Христофоров 2019 – *Христофоров В.С.* Афганские события 1979–1989 гг.: от познания к осмыслению и признанию // Российская история. 2019. № 6. С. 3–21.
- Христофоров 2022 – *Христофоров В.С.* Талибы между религией и традициями племен. [Рец.]: *Марсен П.* Талибан: Война и религия в Афганистане / Пер. с англ. Е. Егоровой, Е. Клиновой. М.: ИД «Городец», 2022. 320 с. // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2022. № 4. С. 96–107.
- Шах 2014 – *Шах М.* Пуштунский национализм в Афганистане и Пакистане // Россия и мусульманский мир. 2014. № 11 (269). С. 114–124.

References

- Abdulloev, R. (2013), “Pushtuny v politicheskoi zhizni Afganistana” [The Pashtuns in the political life of Afghanistan], *Central Asia and the Caucasus*, vol. 16, no. 3, pp. 85–95.
- Gafurov, S. (2019), *Krest, polumesyats i arabskaya natsiya: ideinye techeniya na Blizhnem Vostoke* [The Cross, the Crescent and the Arab Nation: Ideological currents in the Middle East], Directmedia Publishing, Moscow, Russia, Berlin, Germany.
- Khangaev, A. (2004), “Etnopoliticheskii portret Afganistana: edinstva ili federalizm?” [Ethnopolitical portrait of Afghanistan: unity or federalism?], *Rossiya i musul'manskii mir*, vol. 142, no. 4, pp. 141–153.
- Khristoforov, V.S. (2008), “The Hard Path to the 1988 Geneva Accords on Afghanistan”, *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 23–47.
- Khristoforov, V.S. (2009), *Afganistan: Pravyashchaya partiya i armiya (1978–1989)* [Afghanistan. Ruling party and army (1978–1989)], Granitsa, Moscow, Russia.
- Khristoforov, V.S. (2019), “Afghan events of 1979–1989: from knowledge to understanding and recognition”, *Rossiiskaya istoriya*, no. 6, pp. 3–21.

- Khristoforov, V.S. (2022), “[Book review]: Marsden P. The Taliban. War and religion in Afghanistan. M.: Publishing House “Gorodets”, 2022. 320 p.”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science. History. International Relations” Series*, no. 4, pp. 96–107.
- Marsden, P. (2022), *Taliban: Voina i religiya v Afganistane* [Taliban. War and religion in Afghanistan], Gorodets Publishing, Moscow, Russia.
- Orishev, A. (2015), “‘Pushtunvali’ – istorija zhizni i filosofija pushtunov [‘Pashtunwali’ – the history of life and philosophy of the Pashtuns]”, *Vestnik eksperimental’nogo obrazovaniya*, no. 2, pp. 22–32.
- Shakh, M. (2014), “Pashtun nationalism in Afghanistan and Pakistan”, *Rossiya i musul’manskii mir*, vol. 269, no. 11, pp. 114–124.

Информация об авторе

Ekaterina P. Arrue, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; katearrue@gmail.com

Information about the author

Ekaterina R. Arrue, master’s student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; katearrue@gmail.com

Процесс принятия решений в сфере целевых убийств
во внешней политике США:
на примере ликвидации Касема Сулеймани

Демокрит М. Заманпулов

*Институт США и Канады имени Г.А. Арбатова РАН,
Москва, Россия, dz750@mail.ru*

Аннотация. Резонансное убийство командующего службы «Аль-Кудс» Ирана Касема Сулеймани в аэропорту Багдада 3 января 2020 г. стало событием, подвергшим испытанию всю систему глобальной безопасности. Впервые с момента окончания холодной войны США приняли решение и осуществили ликвидацию лица, занимающего официальную должность во властной иерархии другого государства. Данному событию был посвящен ряд статей как в отечественной, так и зарубежной научной доктрине, однако, по мнению автора, обошли стороной вопросы, связанные с освещением самого инструмента целевых убийств в системе обеспечения безопасности США и процесса принятия решений об их проведении. Сообщения мировых СМИ дают картину спонтанного решения об убийстве К. Сулеймани, которое было принято Д. Трампом под влиянием момента, однако американская практика программ по целевым убийствам свидетельствует о наличии в силовом инструментарии США сложного процесса принятия решений в данной сфере, которая опирается на систему сбора и анализа разведывательных данных и оценки существующих угроз. Таким образом, цели настоящего исследования заключаются в анализе феномена целевых убийств в силовом инструментарии США, рассмотрении механизма принятия решений в данной сфере и исследовании роли БПЛА в операциях по целевым убийствам.

Ключевые слова: США, Иран, БПЛА, дроны, целевое убийство, безопасность

Для цитирования: Заманпулов Д.М. Процесс принятия решений в сфере целевых убийств во внешней политике США: на примере ликвидации Касема Сулеймани // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 97–111. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-97-111

The decision-making process
in the field of targeted killings in US foreign policy.
On the example of the elimination of Qasem Suleimani

Demokrit M. Zamanapulov

*Institute for US and Canadian Studies, Moscow, Russia,
dz750@mail.ru*

Abstract. The resonant murder of the commander of the Al-Quds service of Iran, Qasem Suleimani, at the Baghdad airport on January 3, 2020, was an event that put the entire global security system to the test. For the first time since the end of the Cold War, the United States made a decision and carried out the liquidation of a person holding an official position in the power hierarchy of another state. A number of articles in both domestic and foreign scientific doctrine were devoted to that event. However, according to the author, the issues related to the coverage of the instrument of targeted killings in the US security system and the decision-making process concerning their implementation were bypassed. World media reports give a picture of a spontaneous decision on the murder of K. Suleimani, which was made by D. Trump on the spur of a moment. Nevertheless, the American practice of targeted killing programs indicates the presence in the US of the power tools of a complex decision-making process in that area, which is based on a system for collecting and analyzing intelligence data and assessing existing threats. Thus, the objectives of this study are to analyze the phenomenon of targeted killings in the US power tools, to consider the decision-making mechanism in that area and to study the role of UAVs in targeted killing operations.

Keywords: USA, Iran, UAVs, drones, targeted killing, security

For citation: Zamanapulov, D.M. (2023), "The decision-making process in the field of targeted killings in US foreign policy. On the example of the elimination of Qasem Suleimani", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 97–111, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-97-111

Введение

Ликвидация 3 января 2020 г. командующего «Аль-Кудс» КСИР Ирана генерал-майора К. Сулеймани американским беспилотником в аэропорту Багдада стала фактором, едва не приведшим к большой региональной войне. За последние два десятилетия Вашингтон не предпринимал подобных шагов в отношении столь высокопоставленного лица, являвшегося вторым человеком во власт-

ной иерархии Ирана и персоной десятилетия по степени влияния на развитие стратегических тенденций на пространстве Ближнего Востока. Возможность повторения таких акций со стороны США в отношении должностных лиц конкурирующих стран в будущем обуславливает актуальность настоящего исследования. Учитывая вышеизложенное, на основе анализа американской практики по ликвидации иностранных лидеров в период холодной войны и руководствуясь теоретико-методологическими подходами, существующими в современной теории принятия решений, автор ставит перед собой цель изучить устранение К. Сулеймани, для того чтобы осветить механизм принятия решений в сфере целевых убийств в высших властных структурах США.

История вопроса

Практика применения инструмента целевых убийств в новейшей истории США получила свое развитие в ходе войны во Вьетнаме, когда ЦРУ разработало широкомасштабную программу по ликвидации лидеров коммунистических ячеек¹. В указанный период времени Конгресс США имел слабое представление о деятельности спецслужб, что создавало благоприятные условия для злоупотребления своими полномочиями со стороны американского разведывательного сообщества, это в конце концов привело к кризису доверия между законодательной и исполнительной ветвями власти, который пришелся на период правления администрации Р. Никсона.

В 1973 г. разразился Уотергейтский скандал, в СМИ стали поступать материалы о том, что американские специальные службы в ходе своей деятельности нарушали действующее законодательство, что стало основой для создания Конгрессом комиссий по изучению секретных операций ЦРУ. Как правильно отмечает отечественный исследователь М.Ю. Дундуков, первой из подобных органов стала комиссия Рокфеллера, созданная 4 января 1975 г. для расследования противоправной деятельности сотрудников ЦРУ как на территории США, так и за границей [Дундуков 2014, с. 94]. Примечательным является тот факт, что администрация Дж. Форда значительно изменила окончательную редакцию отчета комиссии Рокфеллера, исключив из него 86-страничный

¹ См.: Documents from the Phoenix Program. URL: <https://web.archive.org/web/20071031075259/http://www.thememoryhole.org/phoenix/> (дата обращения 3 мая 2023).

раздел, посвященный программе ЦРУ по целевым убийствам иностранных лидеров². Большая часть данного документа относилась к плану ЦРУ по ликвидации премьер-министра Конго П. Лумумбы, руководителя Индонезии А. Сукарно, кубинского лидера Ф. Кастро и президента Доминиканской Республики Р. Трухильо. Наряду с этим материалы расследования комиссии Рокфеллера дают некоторое представление и о системе принятия решений в сфере целевых убийств. Так, в одном из опубликованных документов содержится допрос главного юрисконсульта ЦРУ Дж. Уорнера³, который на вопрос: имело ли ЦРУ какие-либо полномочия для ликвидаций иностранных лидеров в мирное время, ответил, что таких полномочий у ЦРУ не было, однако уточнил, что подобного рода полномочия может дать президент⁴. Последнее высказывание бросало тень на Белый дом.

Нужно сказать, что вскоре после завершения расследования комиссии Рокфеллера сенат США решил учредить орган под руководством сенатора Ф. Чёрча по рассмотрению операций правительства в сфере разведывательной деятельности, который также выявил факты существования в ЦРУ программы по целевым убийствам⁵.

Результатом деятельности вышеуказанных комиссий стало принятие законодательных актов, которые ограничивали деятельность ЦРУ в сфере целевых убийств. Так, президент Дж. Форд запретил убийства иностранных лидеров⁶, данная линия была поддержана и президентом Дж. Картером в исполнительном указе 12036 от 24 января 1978 г.⁷, и президентом Р. Рейганом в исполни-

² См.: Gerald Ford White House altered Rockefeller Commission report in 1975; removed section on CIA assassination plots. URL: <https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/intelligence/2016-02-29/gerald-ford-white-house-altered-rockefeller-commission-report> (дата обращения 3 мая 2023).

³ См.: Final report of the Select Committee to Study Governmental Operations with Respect to Intelligence Activities, United States Senate: together with additional, supplemental, and separate views. URL: <https://archive.org/details/finalreportofsel01unit/mode/2up> (дата обращения 3 мая 2023).

⁴ Ibid.

⁵ См.: President Gerald R. Ford's executive order 11905: United States Foreign Intelligence Activities. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/eo11905.htm> (дата обращения 3 мая 2023).

⁶ См.: Executive order № 12036, Jan. 24, 1978, 43 Fed. Reg. 3674. URL: <https://irp.fas.org/offdocs/eo/eo-12036.htm> (дата обращения 3 мая 2023).

⁷ Ibid.

тельном указе 12333 от 4 декабря 1981 г.⁸, который действует и по настоящее время и в части 2.11 указывает, что «ни одно лицо, нанятое правительством Соединенных Штатов или действующее от его имени, не должно участвовать в убийстве или вступать в сговор с целью его реализации»⁹.

Окончание холодной войны было воспринято американской и мировой общественностью как доказательство эффективной работы военно-политических структур США, при этом нарушение прав человека (внесудебные убийства) в период холодной войны воспринимались как «необходимое зло» в борьбе с угрозой в лице СССР. Предполагалось, что подобных «перегибов» в эпоху «конца истории» не будет. Однако после падения Советского Союза перед США встал новый противник в лице международного терроризма. В этот период целевые убийства перешли на более высокий технологический этап развития, что было связано с применением БПЛА, способных вести практически непрерывное наблюдение и сбор данных в отношении лидеров террористического подполья. В частности, данные технологии позволили эффективно противостоять террористам после завершения активной фазы боевых действий в Афганистане и Ираке. Так, согласно исследованию Дж. Уорика, благодаря системе целеуказания, расположенной на одном из разведывательных БПЛА, в 2006 г. в Багдаде был ликвидирован руководитель Аль-Каиды в Ираке Абу Мусаб аз-Заркави [Warrick 2016, p. 20]. Эти системы играли большую роль и в операции по ликвидации лидера «Аль-Каиды» Усамы бен Ладена, который был убит 2 мая 2011 г. отрядом Сил специальных операций США «DEVGRU».

В целом программа по ликвидации лидеров террористов занимала ключевое место в период правления администраций Дж. Буша мл. и Б. Обамы. С приходом в Белый дом Д. Трампа и началом украинских событий Вашингтон объявил, что основную угрозу для США стали представлять так называемые ревизионистские государства, куда американские доктринальные документы относили: Россию, Иран, Китай и КНДР¹⁰. Последнее предполагало, что США вернуться к практике разработки программ по ликвидации официальных лиц конкурирующих или нелояльных

⁸ См.: Executive order № 12333, Dec. 4, 1981, 46 Fed. Reg. 59941. URL: <https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/12333.html> (дата обращения 3 мая 2023).

⁹ Ibid.

¹⁰ См.: США назвали Россию «ревизионистской державой» // РИА. 2017. 18 дек. URL: <https://ria.ru/20171218/1511173258.html> (дата обращения 3 мая 2023).

стран, как это было в период холодной войны, при этом данные программы будут реализовываться с учетом опыта, полученного США в период борьбы с международным терроризмом, что и было реализовано в операции по ликвидации К. Сулеймани.

Столкновение с Ираном

История противостояния между США и Ираном берет свое начало в конце 1970-х гг., когда после событий Исламской революции доминированию США в Иране пришел конец. Вашингтон был вынужден свернуть свое присутствие в стране и начать политику санкций в отношении режима аятоллы Хомейни. Однако важное стратегическое положение, богатые запасы нефти делали Иран предметом постоянного внимания Вашингтона. Вместе с этим режим аятолл в Тегеране, руководствуясь революционной логикой, стремился распространить свое влияние на соседние страны, что в конце концов привело к кровавой ирано-иракской войне 1980–1988 гг. В указанный период большие потери не позволили Тегерану распространить свою власть на населенные шиитами пространства Ближнего Востока, однако такая возможность представилась после американского вторжения в Ирак в 2003 г. когда жесткий, но эффективный с точки зрения сдерживания амбиций Ирана режим С. Хусейна был уничтожен. Нужно сказать, что именно Ирак с преобладающим шиитским населением стал отправной точкой формирования наиболее амбициозного и успешного иранского геополитического проекта современности, получившего название «Шиитская дуга». Архитектором указанного проекта стратегического развертывания влияния Ирана в регионе и стал генерал-майор КСИР Ирана К. Сулеймани, военно-политическая карьера которого требует отдельного исследования. Достаточно будет сказать, что стараниями К. Сулеймани американцы, проводившие свой проект глобального доминирования, вдруг столкнулись с эффективной региональной стратегией Ирана, основанной на лояльности шиитского населения Ирака, рациональном использовании ограниченных ресурсов и умении обратить локальные конфликты и возникшие угрозы в возможность для укрепления своего могущества.

Достаточно скоро два указанных центра силы столкнулись на фоне скатывания Ирака в гражданскую войну между шиитами и суннитами. Стратегия Ирана в борьбе с американским контингентом, расположенным в Ираке, заключалась в асимметричном противостоянии, выражавшемся в поставке шиитским отрядам особых бронебойных снарядов для СВУ. Так, по оценкам Государственного

департамента, более 600 американских солдат после вторжения в Ирак в 2003 г. были убиты шиитскими боевыми формированиями¹¹, несмотря на это, США были вынуждены налаживать диалог с Тегераном как необходимый элемент сдерживания процесса получения Ираном ядерного оружия, что имело место в годы президентства Б. Обамы. Эскалация конфликта между США и Ираном произошла после прихода в Белый дом администрации Д. Трампа, который подверг резкой критике ядерную сделку с Ираном и инициировал выход США из указанного соглашения 8 мая 2018 г. Это привело к жесткому военно-политическому и дипломатическому противостоянию между Вашингтоном и Тегераном.

Думается, что именно динамика «Иранского кризиса», выражавшаяся в развертывании в регионе военного потенциала США, направленного против Тегерана, нападениях Ирана на американские танкеры и нефтяную инфраструктуру Саудовской Аравии, а также осуществленном, видимо, при поддержке сил «Аль-Кудс» КСИР нападении на американское посольство в Багдаде 31 декабря 2019 г., в конце концов привела к ликвидации К. Сулеймани. При этом мотив США в устранении К. Сулеймани предельно ясен, стратегические таланты иранского генерала позволили ему определить наиболее слабые места Вашингтона. Нарушение стабильности глобальных нефтяных перевозок могло спровоцировать мировой энергетический коллапс наподобие нефтяного кризиса 1973 г., а захват посольства США в Багдаде с последующим удержанием в качестве заложников американских дипломатов, в свою очередь, мог привести к ситуации, аналогичной событиям 1979 г., когда неспособность администрации Дж. Картера освободить заложников, захваченных в американском посольстве в Тегеране, не позволило ему баллотироваться на второй срок. Желая исключить перечисленные риски, Д. Трамп отдал приказ ликвидировать К. Сулеймани, что и было сделано 3 января 2020 г.

Механизм принятия решения

В целом теория принятия внешнеполитических решений достаточно подробно разработана в отечественной научной доктрине такими исследователями, как В.В. Кочетков, Е.В. Егорова,

¹¹ См.: The strike that killed Iran's top general was so secret even U.S. spy satellites were kept in the dark. URL: <https://www.defenddemocracy.press/the-strike-that-killed-irans-top-general-was-so-secret-even-u-s-spy-satellites-were-kept-in-the-dark/> (дата обращения 3 мая 2023).

И.Г. Скотникова, О.А. Колобов, А.А. Корнилов, А.С. Макарычев и др. В частности, В.В. Кочетков, опираясь на солидный теоретический, эмпирический и математический базис, выделяет три подхода:

- 1) нормативный подход;
- 2) дескриптивный подход;
- 3) модели принятия решения с риском.

Указанные подходы и модели определяют современную теорию принятия внешнеполитических решений. В.В. Кочетков указывает, что эти подходы не исключают, а «взаимодополняют и взаимообогащают» друг друга [Кочетков 2008, с. 103], однако все же представляется, что в рамках рассматриваемой темы наиболее подходящим из них является дескриптивный подход, согласно которому лицо, принимающее решения, руководствуется психологическими мотивами «одобрения или наказания/поощрения или осуждения». Модель поведения Д. Трампа в процессе принятия решения о ликвидации К. Сулеймани достаточно полно отвечает дескриптивной концепции. Так, со ссылками на авторитетные источники в Белом доме «Вашингтон пост» пишет, что во время одного из неофициальных совещаний касательно иранской политики США летом 2019 г., высокопоставленные сотрудники администрации напомнили Д. Трампу, что после того, как иранцы сбили американский беспилотник и атаковали саудовскую нефтяную инфраструктуру, он не отреагировал, что, по их словам, могло подорвать его рейтинг и стимулировать дальнейшие агрессивные шаги Ирана¹². Согласно свидетельствам официальных лиц, Д. Трамп также мотивировало действовать то, что, по его мнению, было негативным освещением в СМИ последствий его решения в 2019 г. отменить авиаудар после того, как Иран сбил американский беспилотник-разведчик. Вместе с тем очевидцы совещания свидетельствовали, что Д. Трамп был разочарован тем, что в СМИ просочились подробности его внутренних обсуждений, и чувствовал, что выглядит слабым¹³. Также Д. Трамп думал и об истории. Президент долгое время заикливался на нападениях 2012 г. на американское посольство в Ливии и на ответе администрации Б. Обамы, он определенно хотел выглядеть сильнее по сравнению с его предшественником¹⁴. Тем самым мы видим в действиях Д. Трампа бихевиористскую модель поведения в рамках дескриптивного

¹² См.: How Trump decided to kill a top Iranian general. URL: https://www.washingtonpost.com/national-security/how-trump-decided-to-kill-a-top-iranian-general/2020/01/03/77ce3cc4-2e62-11ea-bcd4-24597950008f_story.html (дата обращения 3 мая 2023).

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

подхода при принятии решения о ликвидации К. Сулеймани. Действия Д. Трампа подталкивались ключевыми лицами его администрации и соответствовали его видению своего образа как сильного президента, готового на проведение жесткой политики для защиты национальных интересов США.

Несмотря на тот факт, что содержание первых официальных брифингов [Бубнова 2020, с. 254] на тему убийства К. Сулеймани рисует нам картину быстрого принятия Д. Трампом этого решения в целях оперативного устранения угрозы для национальной безопасности США, будет логичным предположить, что данный процесс был более длительным. Политические последствия убийства К. Сулеймани, вылившиеся в дестабилизацию обстановки на Ближнем Востоке с тенденцией к усилению возможности применения насилия в отношении американцев по всему миру, безусловно говорит нам о том, что данное решение было сложным и руководство США отдавало себе отчет о последствиях убийства иранского генерала. По всей видимости, убийству К. Сулеймани предшествовал долгий процесс согласования и координации между различными ведомствами (Белый дом, Совет национальной безопасности, Государственный департамент, ЦРУ, Министерство обороны), ответственными за принятие внешнеполитических решений в США. Однако главная роль в принятии такого рода решений, безусловно, принадлежит президенту США. Так, А.С. Игнатенко справедливо отмечает, что «президенту США принадлежит главенствующая роль в формировании и осуществлении внешнеполитического курса страны» [Игнатенко 2016, с. 278], именно его персоне принадлежит определение «расстановки сил» между различными ведомствами, участвующими в выработке и реализации внешней политики США. Здесь традиционно на первый план выходят две структуры: Совет национальной безопасности и Государственный департамент. Одной из проблем американского внешнеполитического механизма является то, что ни одно из перечисленных ведомств не является главенствующим в вопросе определения внешнеполитических решений. Президент США, обладая многоканальной системой поступления информации, лично принимает решения, какому ведомству отдать предпочтение в деле реализации того или иного шага на международной арене, и здесь главное значение имеет вопрос личных взаимоотношений президента с советником по национальной безопасности или государственным секретарем. Политическая практика США в этом вопросе богата примерами. Так, Ф.Д. Рузвельт, минуя Госдепартамент, наиболее важные внешнеполитические вопросы решал при помощи своего ближайшего помощника Г. Гопкинса, Р. Никсон отдавал предпочтение советнику по национальной безопасности Г. Киссинджеру перед госсекретарем

У.П. Роджерсом, а президент Р. Рейган, в свою очередь, изолировал от процесса принятия внешнеполитических решений госсекретаря Дж. Шульца, поскольку тот не разделял его подхода к Никарагуа и Ирану и также опирался на руководителей СНБ.

Анализ сообщений СМИ¹⁵ и официальных брифингов¹⁶ позволяет сделать вывод, что вопрос убийства К. Сулеймани в администрации Д. Трампа курировался госсекретарем М. Помпео и председателем комитета начальников штабов М. Милли.

С высокой степенью вероятности можно утверждать, что разведывательные мероприятия по отслеживанию передвижений К. Сулеймани с целью его дальнейшего устранения начались с момента начала так называемой танкерной войны между США и Ираном в рамках более широкого «Иранского кризиса», вызванного выходом США из ядерной сделки. В рамках указанного противостояния Иран захватил два американских нефтяных танкера, нанес удар по нефтяной инфраструктуре Саудовской Аравии и сбил американский беспилотник. По всей видимости, окончательное решение о ликвидации К. Сулеймани было принято 31 декабря 2019 г., когда подконтрольные КСИР Ирана иракские шиитские организации «Катаиб Хезболла» и «Силы народной мобилизации» осуществили нападение на посольство США в Багдаде. В частности, в одном из своих интервью М. Помпео сообщил, что США постоянно «наблюдали за тем, что замышляли силы Кудс»¹⁷. По его словам, это был постоянный проект, и на определенном этапе, чтобы остановить очередную атаку Ирана, президент Д. Трамп принял решение о ликвидации К. Сулеймани.

Правовое регулирование

Убийство К. Сулеймани внесло сумятицу не только в политическую сферу, но и имело последствия для правового поля. В целом негативные последствия и правовая обоснованность

¹⁵ См.: The strike that killed Iran's top general was so secret even U.S. spy satellites were kept in the dark...

¹⁶ См.: *Mohammed A., Psaledakis D.* Pompeo tiptoes away from talk of 'imminent' attack planned by Iran's Soleimani // Reuters. 2020. 7 Jan. URL: <https://www.reuters.com/article/us-iraq-security-usa-idUSKBN1Z61TE> (дата обращения 3 мая 2023).

¹⁷ См.: *Dönmez B.* Iran's Qasem Soleimani killed to stop plot against 500 Americans: Pompeo // Anadolu Agency. URL: <https://www.aa.com.tr/en/americas/iran-s-qasem-soleimani-killed-to-stop-plot-against-500-americans-pompeo/2616707> (дата обращения 3 мая 2023).

убийства вне зоны боевых действий давно является предметом дискуссий (здесь следует выделить работу «Удар дрона – анализ последствий целенаправленного убийства» американского исследователя М. Ригана [Regan 2022]). Однако ликвидация официального представителя вооруженных сил иностранного государства на территории третьей страны делает этот случай совершенно особенным и выделяет его из обычной практики устранения лиц, обвиненных в терроризме из негосударственных организаций. Это стимулировало научную дискуссию как среди отечественных, так и зарубежных правоведов на тему, была ли операция по ликвидации К. Сулеймани законной с точки зрения международного права [Фоминых 2021, с. 560].

В частности, экспертное сообщество подвергло пересмотру сферу применения исполнительного указа № 12333¹⁸, который запрещает служащим правительства Соединенных Штатов совершать убийства. Однако администрация Д. Трампа изначально утверждала, что операция была законной, поскольку являлась актом самообороны от действий Ирана¹⁹, и назвала К. Сулеймани террористом. В связи с этим примечателен тот факт, что спецподразделение «Аль-Кудс» КСИР Ирана, которым командовал К. Сулеймани, было признано в США террористической организацией. Это позволяет сделать вывод, что в вопросе ликвидации К. Сулеймани администрация Д. Трампа руководствовалась анти-террористическим законодательством, принятым после событий 11 сентября 2001 г.

Первое из них – это «Разрешение на использование военной силы»²⁰ (англ. AUMF – Authorization for USE of Military Force of 2001), принятое Конгрессом США 18 сентября 2001 г., которое разрешало президенту США использовать вооруженные силы для операций против «Аль-Каиды» и против тех, кто, по определению президента, «планировал, санкционировал, совершал или помогал» терактам 11 сентября или укрывал лиц или группы, имеющие отношение к нападениям. Примечательно, что сегодня полный список действующих лиц и организаций, с которыми в

¹⁸ См.: Executive order № 12333, Dec. 4, 1981, 46 Fed. Reg. 59941. URL: <https://www.archives.gov/federal-register/codification/executive-order/12333.html> (дата обращения 3 мая 2023).

¹⁹ См.: Заявление Трампа по Ирану. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=s3cCb-OiY5M> (дата обращения 3 мая 2023).

²⁰ См.: Authorization for USE of Military Force of 2001. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ40/pdf/PLAW-107publ40.pdf> (дата обращения 3 мая 2023).

соответствии с АУМФ воюют американские военные, засекречены, следовательно, неизвестны американской общественности. Это теоретически позволяло администрации Д. Трампа использовать данный закон как правовую базу для убийства К. Сулеймани как лица, по мнению США, поддерживающего террористические организации. Данный тезис о связях «Аль-Каиды» с Ираном был использован в речи М. Помпео, произнесенной им 12 января 2021 г.²¹ В частности, М. Помпео заявил, что «Иран решил разрешить “Аль-Каиде” создать новую оперативную штаб-квартиру. При условии, что боевики “Аль-Каиды” будут соблюдать законодательство, регулирующее пребывание группировки внутри страны»²². Также М. Помпео сообщил, что КСИР Ирана оказывают техническую поддержку сети «Аль-Каиды» путем изготовления для нее поддельных документов, что, по мнению М. Помпео, позволило «Аль-Каиде» сгруппировать свое руководство на территории Ирана.

Еще одним законодательным актом, позволяющим санкционировать целевое убийство К. Сулеймани, является «Разрешение на использование военной силы против Ирака»²³ (англ. Authorization for U.S. of Military Force Against Iraq Resolution of 2002), принятое Конгрессом США в октябре 2002 г., которое санкционировало применение силы для устранения «постоянной угрозы», исходящей от Ирака. При этом данный документ не давал дополнительных разъяснений о характере этой угрозы и того, от кого она должна исходить. Теоретически широкое толкование данного закона позволяло администрации Д. Трампа считать, что К. Сулеймани как лицо, контролирующее иракские прокси-силы, представляющие угрозу для личного состава армии США на территории Ирака, подпадает под действие данного закона, что дает правовую основу для его ликвидации. Таким образом, правовая база, существующая в США, позволяет очень гибко трактовать закон применительно к инструменту целевых убийств.

²¹ См.: Secretary of state Pompeo remarks at national press club. URL: <https://www.c-span.org/video/?507909-1/secretary-state-pompeo-remarks-national-press-club> (дата обращения 3 мая 2023).

²² Ibid.

²³ См.: Authorization for USE of Military Force Against Iraq Resolution of 2002. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/PLAW-107publ243/html/PLAW-107publ243.htm> (дата обращения 3 мая 2023).

Заключение

Инструмент целевых убийств, активно практиковавшийся США в период холодной войны для того, чтобы бороться с лидерами нелояльных стран, впервые стал достоянием американской общественности в ходе расследований сенатских комиссий Рокфеллера и Чёрча, последствиями работы которых стало принятие со стороны американских законодателей ряда ограничительных поправок, призванных исключить перегибы в данной сфере. Казалось, что падение Советского Союза делает данный инструмент ненужным, однако он получил свое дальнейшее развитие в ходе начавшейся после событий 11 сентября 2001 г. борьбы США с международным терроризмом. Появление боевых дронов, как и появление любого нового вида перспективного вооружения, оказало непосредственное влияние на глобальную стабильность. Возможность дистанционного вмешательства без риска для жизни личного состава армии США позволила Вашингтону преодолеть «синдром Вьетнама» и более активно применять военную силу в решении политических проблем, что в эпоху, когда во главу угла снова встала проблема соперничества между великими державами, может привести к риску крупномасштабных боевых действий. Примером этого может служить целевое убийство с использованием БПЛА командующего службы «Аль-Кудс» КСИР Ирана генерала К. Сулеймани. Данная акция дестабилизировала не только региональную безопасность, но и имела потенциал к нарушению глобальной безопасности. Анализ решения о ликвидации К. Сулеймани позволяет прийти к выводу, что данный механизм не имеет четкого алгоритма, слабо регулируется американским законодательством, что теоретически позволяет президенту США обходить существующие ограничения (необходимость заблаговременного уведомления комитетов Конгресса по вооруженным силам и разведывательной деятельности обо всех значимых специальных операциях, предпринимаемых исполнительной властью) и, прикрываясь соображениями обеспечения национальной безопасности, предпринимать действия, которые теоретически могут привести к большому региональному конфликту. В этой связи можно сделать заключение о том, что интересы как США, так и мирового сообщества состоят в том, чтобы был инициирован процесс жесткой правовой регламентации в сфере принятия решений по целевым ликвидациям. Безусловно, убийство официальных лиц иностранных государств является преступлением и требует выработки надлежащей юридической оценки и санкции, что позволит укрепить глобальную стабильность, которая в последнее время и без того находится в кризисе.

Литература

- Бубнова 2020 – *Бубнова Н.И.* Устранение Сулеймани: безрассудное убийство или опасный просчет Трампа? // *Россия и современный мир.* 2020. № 2 (107). С. 251–275.
- Дундуков 2014 – *Дундуков М.Ю.* Разведка США в 70-е годы XX в.: эпоха скандалов и реформ // *Право и государство: теория и практика.* 2014. № 9 (117). С. 94–96.
- Игнатенко 2016 – *Игнатенко А.С.* Процесс принятия внешнеполитических решений США в реализации стратегии национальной безопасности // *Актуальные проблемы судебной, правоохранительной, правозащитной, уголовно-процессуальной деятельности и национальной безопасности: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Сб. научных трудов / Отв. ред. О.В. Гладышева.* Краснодар, 2016. С. 278–283.
- Кочетков 2008 – *Кочетков В.В.* Концептуальные подходы и теоретические модели процессов принятия внешнеполитических решений: критический анализ // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология.* 2008. № 3. С. 100–113.
- Фоминых 2021 – *Фоминых В.Ю.* Убийство генерала Касема Сулеймани: казус нарушения международного права // *Трансформация реальности: стратегии и практики: материалы международной конференции / Отв. ред. М.Т. Накишова.* Екатеринбург, 2021. С. 560–562.
- Regan 2022 – *Regan M.* Drone strike – analyzing the impacts of targeted killing. N.Y.: Palgrave Pivot, 2022. 412 p.
- Warrick 2016 – *Warrick J.* Black flags. The rise of ISIS. N.Y.: Anchor, 2016. 353 p.

References

- Bubnova, N.I. (2020), “Elimination of Suleimani. Reckless murder or dangerous miscalculation of Trump?”, *Rossiya i sovremenniy mir*, vol. 107, no. 2, pp. 251–275.
- Dundukov, M.Yu. (2014), “US intelligence in the 70s of the 20th century. The era of scandals and reforms”, *Law and State. The theory and practice*, vol. 117, no. 9, pp. 94–96.
- Fominykh, V.Yu. (2021), “The murder of General Kasem Suleimani. A case of violation”, in *Transformatsiya real'nosti: strategii i praktiki: materialy mezhdunarodnoi konferentsii* [Transformation of reality. Strategies and practices. Proceedings of the International Conference], Yekaterinburg, Russia, pp. 560–562.
- Ignatenko, A.S. (2016), “The process of making US foreign policy decisions in the implementation of the national security strategy”, in *Aktual'nye problemy sudebnoi, pravookhranitel'noi, pravozashchitnoi, ugolovno-protsessual'noi deyatel'nosti i natsional'noi bezopasnosti: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem: Sb. nauchnykh trudov* [Actual problems of judicial, law enforcement, human rights, criminal procedure and national security. Procee-

- dings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation: Sat. scientific works], Krasnodar, pp. 278–283.
- Kochetkov, V.V. (2008), “Conceptual approaches and theoretical models of foreign policy decision-making processes. Critical analysis], *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, no. 3. pp. 100–113.
- Regan, M. (2022), *Drone strike – analyzing the impacts of targeted killing*, Palgrave Pivot, New York, USA.
- Warrick, J. (2016), *Black flags. The rise of ISIS*, Anchor, New York, USA.

Информация об авторе

Демокрит М. Заманпулов, кандидат исторических наук, Институт США и Канады имени Г.А. Арбатова РАН, Москва, Россия; Россия, 123995, Москва, Хлебный пер., д. 2/3. dz750@mail.ru

Information about the author

*Demokrit M. Zamanpulo*v, Cand. of Sci. (History), Institute for US and Canadian Studies, Moscow, Russia; 2/3, Khlebnyi Lane, Moscow, Russia, 123995; dz750@mail.ru

Общественно-политические процессы в прошлом и настоящем

УДК 329(450)КП

DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-112-127

Per aspera ad astra:

тернистый путь Итальянской компартии к власти
в «блокированной демократии» Первой республики

Светлана Е. Князева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, lanaknyazeva@yahoo.it*

Аннотация. Со времен Карибского кризиса аналитики обращались к исследованию его влияния на европейскую политику на поворотном этапе холодной войны. Италия как крупное европейское государство оказалось в ее эпицентре – планетарный конфликт интересов оставил в стране разрушительный след. Но в научной литературе не нашли достаточного отражения проблемы преодоления Итальянской коммунистической партией «итальянской аномалии» и «несовершенной двухпартийности», ставшие прямым итогом холодной войны.

Автор предпринимает исследование процесса преодоления ИКП изоляции и ее путь к власти в контексте влияния Карибского кризиса на трансформации партийно-политической системы Италии. Делается вывод о том, что левоцентристский эксперимент стал итогом переосмысления элитами Центра форматов взаимодействия с левым спектром политических сил, включая коммунистов, для преодоления ситуации, оцениваемой как «политический паралич». Анализируя процесс дрейфа ИКП в направлении так называемой «комнаты с кнопками», автор приходит к выводу о том, что в условиях холодной войны и диктата КПСС в отношении международного коммунистического движения эта цель никак не могла быть достигнута. Был сделан вывод об укреплении европейской либеральной демократии и постепенном преодолении бинарной логики холодной войны в Италии и Европе.

Значительное внимание уделено анализу трансформации итальянских коммунистов, совершивших под влиянием Карибского кризиса и левоцентристского эксперимента транзит к еврокоммунизму как новой версии социал-демократии. И, наконец, на снижение остроты конфликта идеологий в *католической* Италии повлияли роль Ватикана в преодолении

© Князева С.Е., 2023

Кубинского ракетного кризиса и переход к позитивному нейтралитету во время Второго Ватиканского собора, открывшего заседания на самом пике мирового конфликта.

Ключевые слова: холодная война, Карибский кризис, «итальянская аномалия», левоцентризм, католики Италии, Итальянская компартия, исторический компромисс, П. Тольятти, Э. Берлингуэр, еврокоммунизм, позитивный нейтралитет Ватикана

Для цитирования: Князева С.Е. *Per aspera ad astra*: тернистый путь Итальянской компартии к власти в «блокированной демократии» Первой республики // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 112–127. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-112-127

Per aspera ad astra:
the thorny path of the Italian Communist Party to power
in the “blocked democracy” of the First Republic

Svetlana E. Knyazeva

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
lanaknyazeva@yahoo.it*

Abstract. Since the Cuban Missile Crisis, analysts have turned to examine its impact on European politics at the turning point of the Cold War. As a large European state, Italy found itself at the epicenter of the Cold War – this conflict of interests reached *planetary* proportions and left a devastating mark on Italy. Even so, the scientific literature has not sufficiently reflected such global issues as the overcoming by the Italian Communist Party of the “Italian anomaly” and the “imperfect bipartisanship” which turned out to be a direct result of the Cold War.

The starting point of this research is to analyze the processes of overcoming the isolation of the *PCI* and its path to power in the context of the Caribbean Crisis influence on the transformations of the Italian political system. The author takes a closer look at the Center-Left experiment as the impact of the Cuban Crisis and the main result of the rethinking by the élites of the Center, including the communists, of the new formats of their interaction with the left political spectrum in order to overcome the situation assessed by analysts as a “political paralysis”. Carrying out research on the *PCI* drifting towards the so-called “room with buttons”, the author comes to the conclusion that in the conditions of the Cold War and the dictatorship of the Communist Party of the USSR in relation to the international communist movement, that goal could

never have succeeded. Besides, the author draws a conclusion about a consistent contribution of the Center-Left to the reinforcement of liberal democracy and to the gradual overcoming of the Cold War binary logic in Italy and also in Europe.

Considerable attention is paid to the transformation of Italian communists. The Caribbean Crisis and the Center-Left experiment influenced greatly the communist's transit to Eurocommunism as a revised design of social democracy. Finally, Vatican's role in overcoming the Missile Crisis as well as its transition to positive neutrality at Vatican II at the very peak of the world conflict had a huge impact on the reduction of the ideological conflict severity in *Catholic Italy*.

Keywords: Cold War, Cuban Missile Crisis, "Italian anomaly", Italian Centre-Left, Catholics of Italy, Italian Communist Party, historical compromise, P. Togliatti, E. Berlinguer, Eurocommunism, Vatican positive neutrality

For citation: Knyazeva, S.E. (2023), "*Per aspera ad astra: the thorny path of the Italian Communist Party to power in the 'blocked democracy' of the First Republic*", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 112–127, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-112-127

Введение

В философско-мировоззренческой оптике сингулярности Карибский кризис можно квалифицировать как *leverage point* холодной войны: обусловив взаимосвязи с последующими событиями, он выявил новые репертуары смыслов.

Европа стала ареной глобального конфликта геополитических интересов сверхдержав. И этот конфликт оставил разрушительный след в стране, где находится резиденция Святого Престола. Ватикан внес большой вклад в блокирование Карибского кризиса на его пике. С другой стороны, по нашему мнению, именно Кубинский ракетный кризис усилил конфронтацию политического центра и левого спектра – конфликт политических субкультур и их элит. В рамках великого противостояния христианских демократов и коммунистов произошла кристаллизация политической реальности, обозначенной рядом итальянских политиков как *итальянская аномалия* и *блокированная демократия*.

Объем статьи не позволяет привести даже простой перечень имен российских и итальянских историков, посвятивших свои труды Левому центру 60-х годов или борьбе партий Первой респуб-

лики – ХДП, ИКП, социалистов и социал-демократов. Различные аспекты указанных проблем освещены в отечественной историографии весьма основательно¹.

Исследовательскую новизну статьи обусловили существенные лакуны (особенно в российской научной литературе) в изучении методов конкурентной борьбы за электорат, а по сути за власть двух противостоящих политических субкультур Италии – ИКП и ХДП, обострившейся после Карибского кризиса, с помощью ретроспективного метода и метода дискурса. В своем стремлении к независимости от СССР и КПСС Итальянская компартия противопоставила себя не только политическому Центру. Планируя проникнуть «в комнату с кнопками», ее лидеры все сильнее конкурировали с главными соперниками в левом политическом блоке – социалистами за расширение влияния именно широких масс католиков сначала на уровне риторических пассажей, затем прямым действием. Соперничество ИКП с указанными движениями уступило место солидарности исторических сил Италии лишь после слияния еврокоммунизма с левым политическим сегментом, но он завершил историю Первой республики. С другой стороны, проблема конвергенции ИКП с итальянской и европейской социал-демократией также не нашла достойного места в российской исторической литературе сначала в силу чрезмерной идеологической *заостренности*, а позднее просто оказалась в числе незаслуженно «забытых» тем.

Кубинский кризис и формирование «позитивного нейтралитета» Ватикана

Второй Ватиканский собор (октябрь 1962 – декабрь 1965 гг.), открывшийся на пике Карибского кризиса, спровоцированного геополитическим конфликтом сверхдержав, приложил максимальные усилия к блокированию катастрофы². Формирование «соборного сознания» [Язькова 2021; Chèlini 1986, p. 19] привело Иоанна XXIII к осуждению «ложных идеологий» и провоцирую-

¹ К.Г. Холодковский, И.В. Григорьева, Т.В. Зонина, В.П. Любин. Н.Н. Поташинская, О.Н. Барабанов и другие известные историки-итальянисты.

² См.: Документы II Ватиканского собора. М.: Paoline, 2004. С. 537–545. Первым итогом позитивного нейтралитета стало подписание договора 5 августа 1963 г. и 12 июня 1968 г.

щих мировые конфликты тиранических экспериментов³. Было основано право народов на сопротивление автократии, в том числе догмам ортодоксального коммунизма: «достоинство человека формирует достоинство любого государства»⁴ [Князева 2018, с. 61].

Кубинский кризис (так его именуют в Италии) способствовал уточнению универсальной миссии католической церкви: аджорнаменто⁵, социальной доктрины [Язькова 2021, с. 64, 165; Riccardi 1991], перехода Святого Престола к *позитивному* нейтралитету, т. е. транзита церкви от «равноудаленности» от конфликтующих сторон к «равноприближенности... с позиций активного гуманитарного вмешательства»⁶ для блокирования *горячих точек* холодной войны [Язькова 2022, с. 165–173; Riccardi 1991]. Позитивный нейтралитет отражен и в принятой собором политике экуменизма⁷ – межкультурном диалоге католиков с иными конфессиями христианства, исламом, иудаизмом и даже с атеистами [Язькова 2022, с. 44–45; Riccardi 1991, р. 24].

Эти уроки Кубинского кризиса были безусловно восприняты верующими католиками Италии и отразились на их политических предпочтениях вне зависимости от того, какие убеждения они разделяли.

«Итальянская аномалия» в контексте внутривнутриполитического конфликта интересов политических сил

По версии многих итальянских историков, именно Кубинский кризис стал точкой бифуркации, и холодная война как планетарный конфликт интересов в его первоначальном виде была завершена. Итальянский эксперт Л. Гримальди отмечает, что «после Ракетного кризиса... был запущен транзит к разрядке» [Grimaldi 2008, pp. 3–5].

³ См.: Mater et Et Magistra. Lettera Enciclica del Sommo Pontefice Giovanni PP. XXIII. 1961. URL: https://www.vatican.va/content/john-xxiii/it/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_15051961_mater.html (Accessed 8 Dec. 2022); Pacem in terris. Lettera Enciclica del Sommo Pontefice Giovanni XXIII. 1963. URL: https://www.vatican.va/content/john-xxiii/it/encyclicals/documents/hf_j-xxiii_enc_11041963_pacem.html (Accessed 12 Dec. 2022).

⁴ Mater et Magistra...; Pacem in terris...

⁵ См.: Mater et Magistra... Курс обновления маркирован в русской транслитерации итальянским термином *аджорнаменто* [Riccardi 1991].

⁶ Pacem in terris...

⁷ См.: Документы II Ватиканского собора. С. 170–177, 277–279.

Холодная война наложила особый отпечаток на ситуацию в Италии начала 60-х годов. Спровоцированный центризмом первых послевоенных лет «политический паралич»⁸ не мог быть излечен и после отмены «мошеннического закона» 1953 г. [Восса 1982, pp. 97–99; Galli 1985, p. 151]. Выборы 1958 г. сохранили почти неизменным баланс левых сил и центра, и ХДП осталась, как маркировал партию еще создавший ее А. де Гаспери, «народной, национальной партией» [Мюллер 2014, с. 231]. Однако значительный сегмент ХДП склонялся к диалогу массовой партии католиков с верующими из ИСДП, а с начала 60-х годов и социалистической партии с возможным включением их в правительство [Восса 1982, pp. 89, 100]. Но вопрос о какой-либо возможности диалога с коммунистами не ставился с 1947 г., хотя до того два амбициозных лидера крупнейших партий – А. де Гаспери и П. Тольятти – успешно сотрудничали в первых правительствах послевоенной Италии более двух лет⁹.

У части руководства ХДП ощущалась потребность отхода от централизма – сложившейся к концу 40-х годов политической модели Первой республики. По мнению историка Дж. Галли, ее *аномалия* заключалась в «несовершенной двухпартийности» [Galli 1985, pp. 15, 105–109], а политик Дж. Наполитано квалифицировал ее как *итальянскую аномалию*¹⁰.

В 50-е гг. монополия ХДП на власть автоматически вывела ИКП за скобки большой политики: за 40 лет (с 1945 г. до середины 80-х) в стране сменилось 45 правительств. ХДП была *обречена* на создание однопартийных кабинетов или так называемую четырех-

⁸ Идеологический конфликт привел к исключению коммунистов и социалистов из правительства в начале лета 1947 г. после резкого политического «похолодания» в Восточной Европе, обусловленного провозглашением плана Маршалла (июнь 1947 г), с одной стороны, и интенциями КПСС контролировать «коммунистический пояс» через Коминформбюро – с другой. В результате итальянские коммунисты остались в изоляции до конца Первой республики; однако после изгнания коммунистов и затем социалистов из правительства пошатнулись и позиции признанного лидера ХДП [Восса 1982, p. 82; Galli 1985].

⁹ См.: *Togliatti P. Il partito comunista e il nuovo Stato. Relazione // Fascismo, antifascismo (1936–1948). Lezioni e testimonianze. Milano: Feltrinelli, 1962. P. 636, 640–645.*

¹⁰ См.: *Napolitano G. Dal Pci al socialismo europeo. Un'autobiografia politica. Roma; Bari: Laterza, 2008. 362 p.* Член Руководства ИКП Дж. Наполитано занимался организационной работой в массах. Во Второй республике стал Президентом страны от Демократической партии (2006–2015).

партийность (ХДП, ИСДП, Республиканской и Либеральной партии) [Салаконе 2015; Салаконе 2018; Scorpoла 1979, pp. 167–171]. А Итальянская компартия, занимавшая второе место по влиянию на электорат, была *обречена* оставаться в оппозиции: «коммунистический пояс “Тольятти-Торез”» был объектом особого интереса СССР в идеологическом конфликте Востока и Запада [Салаконе 2015; Grimaldi 2008, pp. 4–5], а *рекомендации*, поступающие от *товарищей* из международного коммунистического центра, регламентировали итальянских коммунистов.

Изоляция ИКП стала нарушением Конституции Итальянской Республики в силу недопустимости любых ограничений депутатских и иных полномочий вследствие политических убеждений¹¹.

Итальянская аномалия не излечилась после Кубинского кризиса, а возможно, ее течение обострилось в так называемые эластичные годы¹². Но кризис повлиял на систему ее координат – детище холодной войны: череда итераций в формировании коалиций привела к выходу из изоляции партии социалистов. Однако большинство в руководстве ХДП было убеждено, (как Дж. Ла Пира), что «даже иллюзия... сотрудничества с коммунистами опасна», а их идеология чужда либеральной демократии – ИКП не имела шансов войти в правительство [Восса 1982, p. 87].

К середине 60-х гг. позиции коммунистов окрепли прежде всего вследствие эволюции политического курса и дискурса лидеров [Князева 2018, с. 60–62; Салаконе 2018]. ИКП стала заполнять пространство, занятое в странах Западной Европы социал-демократией, и поставила цель интегрироваться в политическую систему Первой республики в противовес партиям Центра путем диалога с ИСП и ХДП (скорее конкурентной борьбы с ними).

Скольжение ХДП к диалогу с левым сегментом страны намечилось за несколько лет до Кубинского кризиса в стремлении элит уточнить курс на атлантизм с учетом *усталости* политикума от чрезмерного контроля США [Салаконе 2015; Ferrari-Aggradi 1972, p. 93]. 25 марта 1957 г. в Риме был подписан договор, инициировавший европейский интеграционный проект и ставший серьезной заявкой на роль единой Европы как третьей силы в биполярном антагонизме холодной войны [Zampaglione 1979, pp. 35–47, 73]. По авторитетным свидетельствам адептов европеизма (А. Спинелли),

¹¹ См.: La Costituzione della Repubblica Italiana, approvata il 22 dicembre del 1947. Titolo 1, art. 21; titolo 4, art. 66, 67 // Caocci A. Conoscere per capire la storia. Milano: Murgìa editore. 1989. P. 376–392.

¹² Так ряд итальянских аналитиков называют годы скольжения от централизма к левоцентризму (Дж. Бокка, И. Монтанелли и др.).

итальянцы восприняли его с воодушевлением, ведь он осуществил их мечту жить в едином европейском Доме [Ferrari-Aggradi 1972, p. 215; Zampaglione 1979, pp. 23–28].

*Борьба ИКП за преодоление
«несовершенной двухпартийности»
в условиях левоцентристского эксперимента*

К середине 60-х годов в Италии произошли глубокие изменения – *чудо* экономического бума, социальное государство, транзит центра от конфронтации к диалогу с левой политической субкультурой. Значимая часть христианских демократов отслеживала дискурс левых партий после XX съезда КПСС, событий в Венгрии (ноябрь 1956 г.) и VIII съезда ИКП (декабрь 1956 г.) [Салаконе 2015; Салаконе 2018, с. 4–7; Brancati 1990, p. 675]. Автор концепции вхождения «в комнату “с кнопками”» социалист П. Ненни осудил политику Советского Союза и, усомнившись в перспективе соглашений с итальянскими коммунистами после 1956 г., сохранял дистанцию в отношении ИКП. Увлеченный логикой министерализма амбициозный коммунистический лидер П. Тольятти, «несгибаемый Двудликий Янус»¹³, мечтавший о власти, подверг отточенной, но аккуратной критике реликты советского авторитаризма¹⁴ [Князева 2018, с. 59–60; Салаконе 2018, с. 4–7].

После антиконституционных акций неофашистов при поддержке кабинета Ф. Тамброни (1960 г.), большая часть левого спектра страны, включая коммунистов, выступила за союз с ХДП¹⁵ [Салаконе 2018, с. 15–17; Galli 1985], чтобы заблокировать смещение политической оси Италии вправо. А. Фанфани и особенно А. Моро стремились сделать свою партию более открытой для избирателей с учетом ее миссии *католической* партии; но за влияние в массах верующих боролся и весь левый спектр страны [Scoppola 1979, pp. 189–195]. Миротворческая деятельность Иоанна XXIII и Второго Ватиканского

¹³ Еще с довоенных времен Тольятти имел партийное имя *Лучший* и славу «Великого бюрократа Третьего Интернационала» [Князева 2015, с. 75].

¹⁴ См.: *Тольятти П.* За демократическое обновление итальянского общества, за продвижение к социализму: Доклад на IX съезде ИКП 30 января 1960 г. М.: Государственное изд-во политической лит-ры, 1960. С. 34, 52–58.

¹⁵ См.: *La Relazione di P. Togliatti all'VIII Congresso del PCI. Per una via italiana al socialismo // L'Unità.* 1956. 8 Dic. P. 2. URL: <https://www.dellarepubblica.it/congressi-pci/viii-congresso-roma-palazzo-dell-eur-8-14-dicembre-1956> (Accessed 20 Dec. 2022).

собора на пике Кубинского кризиса повлияли на политику Центра [Mammarella 2000, p. 333], а определенный сегмент ХДП стремился минимизировать неизбежные последствия партократии, клиентелизма, клановости, коррупции в сочетании с первыми проявлениями меритократии¹⁶ [Allen 2011, pp. 367–382; Восса 1982, pp. 161–162].

Так в этом сегменте политического центра складывались новые форматы взаимодействия с левой оппозицией. Диалог католиков и социал-демократов привел к созданию правительства «демократической конвергенции» (1960–1963 г.), поддержанного ИСП на парламентском уровне [Brancati 1990, pp. 677–679]. А после поражения ХДП на выборах (апрель 1963 г.), точно совпавшего по времени с обнародованием энциклики “*Pacem in terris*”, А. Моро сформировал «органический» левоцентристский кабинет – коалиционное правительство с республиканцами, социал-демократами и социалистами (декабрь 1963 г.), и был наведен мост сотрудничества исторически значимых движений, кроме коммунистов [Салаконе, 2018; Grimaldi 2008, p. 9]. Так, по выражению Дж. Бокка, произошла историческая встреча «*антиклерикалов в цветах красной гвоздики и благочестивых сынов Церкви*»¹⁷ [Восса 1982, p. 129].

Левый центр приступил к осуществлению структурных реформ Welfare State, социального государства и либеральной демократии [Galli 1985]. Историк А. Бранкати так оценивает итоги *брачного союза* христианских демократов с социалистами: «“Соединительная ткань” левоцентристской коалиции способствовала... переходу рабочих от неприятия системы к интеграции в нее и изоляции коммунистов» [Brancati 1990, p. 683]. Но с начала второй половины 60-х годов изоляция ИКП становилась все более неестественной с учетом роста ее численности, влияния¹⁸, политической ангажиро-

¹⁶ В тот период начались процессы кристаллизации части политикума путем блокирования реальных социальных лифтов через каналы отсева не соответствующих стереотипам в тестировании заслуг (M.D. Young, D. Bell). Первые шаги в этом направлении сделали А. Печчеи и А. Кинг, основав в апреле 1968 г. Римский клуб и опубликовав в 1972 г. отчет *The Limits of Growth*.

¹⁷ Символом социалистов была красная гвоздика. В глазах христианских демократов многие социалисты выглядели антиклерикалами (даже *tangiarreti* – «*насмешниками-антиклерикалами*»), хотя и верующими католиками.

¹⁸ ИКП была единственной коммунистической партией Запада, где рост численности и влияния не снизился после событий в Венгрии (1956 г.) и Чехословакии (1968 г.), несмотря на некоторый отток ее членов после этих кризисов [Князева 2018, с. 59; Салаконе 2018, с. 4–9].

ванности и стремления оспорить право лишь социалистов находиться в «комнате с кнопками» [Князева 2018, с. 60; Салаконе 2018; Brancati 1990, pp. 678–679].

Политика «органического» левоцентристского кабинета провоцировала процессы кливажа (раскол ИСП), а отказ ХДП включения ИКП в правительство [Салаконе 2018; Mammarella 2000, pp. 336–337] усилил политическую турбулентность в стране. Силы реакции стали раскачивать лодку либеральной демократии: в 1964 г. они предприняли попытку государственного переворота с целью прекращения левоцентристского эксперимента¹⁹ [Grimaldi 2008, pp. 3, 12–17], а в конце 60-х годов осуществляли «стратегию напряженности»²⁰ [Мюллер 2014, р. 321; Grimaldi 2008, pp. 37–39].

Отступление ИКП от коммунистической идеологии и рождение действенной солидарности

Левый центр наметил новый вектор в развитии либеральной демократии, направленной на преодоление манихейской логики *кьяроскуро* в конфликте идеологий²¹. Но коммунисты внесли в этот процесс не меньший вклад. «Ялтинская Памятная Записка» – *Promemoria di Yalta* – П. Тольятти (август 1964 г.) как итог переосмысления угроз на внутреннем и внешнем контуре к лету 1964 г. определила *итальянский путь* к социализму как *путь* к либеральной демократии²² [Князева 2015, с. 74–75; Князева 2018, с. 58; Рубби 1995, с. 38]. Этот путь легко встраивался в стратегию Левого центра: участие коммунистов в политике реформ могло блокировать влияние коррумпированных капитанов индустрии, крупных политиков и представителей спецслужб. В *Promemoria* Тольятти развил идею толерантности в политике и дипломатии не только для

¹⁹ Дело СИФАР (июнь–июль 1964 г.), куда были вовлечены представители итальянских спецслужб [Grimaldi 2008, pp. 19–23].

²⁰ Новая попытка государственного переворота произошла в декабре 1970 г. В декабре 1969 г. террористические акты, осуществленные экстремистами из ИСД и левых группировок, привели к многочисленным жертвам [Brancati 1990, р. 698].

²¹ См.: *Berlinguer E.* La Relazione di Berlinguer al Comitato Centrale di gennaio 1982: Ruolo e iniziative del PCI per una nuova fase di lotta per il socialismo in Italia e in Europa // L'Unità. 1982. 12 Gen. P. 8.

²² См.: *Тольятти П.* 1964: Памятная записка // Правда. 1964. 10 сент. С. 3; *Togliatti P.* Il Promemoria di Yalta // L'Unità. 1964. 5 Set. P. 1–2.

смягчения остроты конфликта сверхдержав, идеологических и геополитических претензий Китая на мировое лидерство²³ [Салаконе 2018, с. 14–18; Врансати 1990, р. 655], но в целях конструктивного диалога с партнерами по коалиции.

ИКП отвергала идею монополии одной партии на власть и нелегитимных форм пути к ней, продвигая в своей риторике социал-демократические лозунги²⁴ [Попов 2008, с. 136; Рубби 1995, с. 17]. В так называемые свинцовые годы стремление значительной части руководства ИКП (Э. Берлингуэр, Дж. Амэндола, А. Натта, Дж. Наполитано) к осуществлению тактики *министериализма* с целью «проникновения в “комнату с кнопками”» привело к их соперничеству с ИСП. Стремясь заблокировать главного политического конкурента – социалистов – в борьбе за власть и смонтировать разведенные в конце 40-х годов мосты сотрудничества, коммунисты отнюдь не всегда следовали заветам политической толерантности, преподанным их политическим наставником П. Тольятти. Несомненно одно: в борьбе за участие в правительстве ИКП не могла не отойти от догматов ортодоксального коммунизма – критически важных концептуальных положений и скрывавших их основ верования, диктуемых из Москвы²⁵ [Князева 2018, с. 59–60; Салаконе 2018, с. 26–27].

Новый лидер ИКП (1972 г.) Э. Берлингуэр обосновал стратегию союзов «исторических сил» Италии – коммунистов, социалистов и католиков на партийном и массовом уровне [Попов 2008, с. 39–40; Рубби 1995, с. 17]. Исторический компромисс как квинтэссенция толерантности²⁶ стал триггером преодоления «блокированной» демократии²⁷, отвергнутой большинством итальянцев [Врансати 1990, р. 621]. Но работа ИКП с «широкими массами католиков и социалистов» стала частью политической стратегии, направленной на ее участие в правительстве.

Стратегия исторического компромисса уже безусловно не была *коммунистической*. Совершив беспрецедентный скачок в идейном

²³ Ibid.

²⁴ См.: *Napolitano G. Intervista sul PCI / A cura di E.J. Hobsbawm. Roma; Bari, 1976. P. 128–131; Idem. La traversata da Botteghe Oscure al quirinale. Milano: Rizzoli, 2013. P. 12–15.*

²⁵ Ibid. Стоит отметить, что этому способствовало и резкое охлаждение отношений с КПСС, особенно с конца 60-х – 70-е годы.

²⁶ Стратегия (ноябрь 1973 г.) стала итогом осмысления событий в Чили и Чехословакии. См.: *Berlinguer E. La “Questione comunista”. Roma: Editori Riuniti, 1975. P. 60–63, 99–101.*

²⁷ *La Costituzione della Repubblica Italiana. Art. 2,3, 13. P. 376–377.*

отношении, итальянские коммунисты органично влились к середине 80-х гг. в русло европейской социал-демократии как ширококомасштабной левой европейской альтернативы²⁸ [Князева 2018, с. 74–75; Рубби 1995, с. 14; Салаконе 2018]. Слияние коммунистических и социал-демократических идей завершилось созданием еврокоммунизма – мировоззренческой концепции, основанной на неприятии самых основ ортодоксального коммунизма и ставшей триггером крушения зримых и незримых занавесов холодной войны. Апогеем этого краха была речь Э. Берлингуэра на январском пленуме ЦК ИКП (январь 1982 г.), на новом витке противостояния Востока и Запада: «...Новый этап развития социализма, начавшийся с Октябрьской революции, полностью утратил свой побудительный заряд»²⁹, а «коммунистическая идеология является нежизнеспособной... утопией»³⁰ [Князева 2015, с. 77; Князева 2018, с. 74].

Преодоление левоцентризма и усиление партократии в 70-е «свинцовые годы» не стало возвратом к центризму. Не стало реальностью и проникновение ИКП в «комнату с кнопками». Но беспрецедентная победа ИКП на административных и парламентских выборах (1975 и 1976 гг. соответственно) – за коммунистов было подано более трети голосов – нацелила А. Моро и стоявшее за ним крыло христианских демократов на диалог с Итальянской компартией. Новое правительство было создано на основе парламентского большинства так называемой национальной солидарности с участием коммунистов³¹ (с 1978 по 1979 г.) – началось продвижение партии к власти.

Возможно, именно *действенная солидарность* Моро с ИКП стала одной из причин его похищения и убийства экстремистами из «Красных бригад» в мае 1978 г., – а спустя полтора года завершился эксперимент с участием коммунистов в парламентском большинстве.

²⁸ См.: *Berlinguer E.* La “Questione comunista”. P. 110–113; *Napolitano G.* Dal Pci al socialismo europeo. P. 230; *Idem.* Intervista sul Pci. P. 128–131; *Idem.* La traversata da Botteghe Oscure al quirinale. P. 12–15.

²⁹ *Berlinguer E.* La Relazione di Berlinguer al Comitato Centrale di gennaio 1982: Ruolo e iniziative del PCI per una nuova fase di lotta per il socialismo in Italia e in Europa // *L'Unità.* 1982. 12 Gen. P. 8.

³⁰ *Ibid.*

³¹ В марте 1990 г. на XX съезде ИКП (что весьма символично), она фактически закрыла страницу своей почти вековой истории. В результате раскола выделилась ее бóльшая часть, окрестившая себя Демократической партией левых сил – *PDS*, – изъясив имя «коммунисты» из названия партии. Это произошло в момент скольжения партийно-политической системы Италии от Первой ко Второй республике.

Заключение

Сегодня, в логике постмодерна, толерантность к многообразию позиций и *juste milieu* в политике и дипломатии могли бы стать моделью действенного сотрудничества, смягчить остроту геополитических конфликтов мирового порядка и внутривнутриполитических столкновений. Левый центр 60-х гг. апробировал себя на трекке сотрудничества левых сил и центра в попытке преодолеть *итальянскую аномалию* как феномен холодной войны, с одной стороны, и угрозу конституционному строю – с другой. Но осуществляемый политическим классом Италии курс на изоляцию ИКП в условиях холодной войны не позволял разблокировать «несовершенную двухпартийность».

В то же время левоцентризм стал триггером глубоких трансформаций идейно-политического курса ИКП, ее политического инструментария, ее дискурса. С течением времени конфронтация итальянских коммунистов с политическими оппонентами сменила вектор в сторону диалога и действенной солидарности. Но такая стратегия была несовместима с коммунистической идеологией, навязываемой КПСС международному коммунистическому движению и предлагавшей ему черно-белую картину мира и перманентную политическую изоляцию. Так произошло слияние итальянского еврокоммунизма с европейской социал-демократией – широкомасштабной третьей силой биполярного геополитического конфликта.

Литература

- Князева 2015 – Князева С.Е. Забытое письмо с холодной войны: политическое завещание итальянского коммуниста // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2015. № 11 (154). С. 70–81.
- Князева 2018 – Князева С.Е. Становление еврокоммунизма в Италии // Новая и новейшая история. 2018. № 5. С. 58–75.
- Мюллер 2014 – Мюллер Я.-В. Споры о демократии: политические идеи в Европе XX в. / Пер. с англ. А. Яковлева. М.: Изд. Института Гайдара, 2014. 397 с.
- Попов 2008 – Попов Л.Б. Воспоминания о еврокоммунизме. М.: Международные отношения, 2008. 156 с.
- Рубби 1995 – Рубби А. Мир Берлингуэра / Предисл. М.С. Горбачева. М.: Международные отношения, 1995. 350 с.
- Салаконе 2015 – Салаконе А. Между столкновением и разрядкой: многосторонность внешней политики Италии и налаживание отношений с Восточным блоком (1947–1960) // Электронный научно-образовательный журнал «Исто-

- рия». 2015. Вып. 2 (35). URL: <http://history.jes.su/s207987840000986-3-1> (дата обращения 13 января 2023).
- Салаконе 2018 – *Салаконе А.* Концепция «итальянского пути» к коммунизму и ее восприятие в СССР: факты и политические последствия // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2018. Вып. 7 (71). URL: <http://history.jes.su/s207987840002400-9-1> (дата обращения 9 декабря 2023). DOI: 10.18254/S0002400-9-1.
- Язькова 2021 – *Язькова В.Е.* Католическая церковь в Италии перед вызовами современности: эволюция подходов и интерпретаций. М.: Ин-т Европы РАН, 2021. 182 с.
- Язькова 2022 – *Язькова В.Е.* «Позитивный нейтралитет» Ватикана: от истоков к оформлению концепции // Современная Европа. 2022. № 7. С. 164–176.
- Allen 2011 – *Allen A.* Michael Young’s “The Rise of the Meritocracy: a philosophical critique” // *British Journal of Educational Studies*. 2011. Vol. 59. No. 4. P. 367–382.
- Восса 1982 – *Восса G.* Storia della Repubblica italiana dalla caduta del fascismo a oggi. Milano: Rizzoli Editore, 1982. 259 p.
- Brancati 1990 – *Brancati A.* L’Italia negli anni Sessanta. Firenze: La Nuova Italia Editrice. 1990. 578 p.
- Chèlini 1986 – *Chèlini J.* La vita quotidiana in Vaticano sotto Giovanni Paolo II. Milano: Rizzoli Editore, 1986. 414 p.
- Ferrari-Aggradi 1972 – *Ferrari-Aggradi M.* Italia formato Europa. Vicenza: A. Mondadori Editore, 1972. 311 p.
- Galli 1985 – *Galli G.* Dal bipartitismo imperfetto alla possibile alternativa. Bologna: Il Mulino, 1985. 228 p.
- Grimaldi 2008 – *Grimaldi L.* Uno scandalo italiano: l’Espresso e il Caso SIFAR. Salerno: Università di Salerno, 2008. URL: [https://www.misteriditalia.it/pianosolo/Unoscandaloitaliano\(Grimaldi\).pdf](https://www.misteriditalia.it/pianosolo/Unoscandaloitaliano(Grimaldi).pdf) (дата обращения 19 декабря 2022).
- Mammarella 2000 – *Mammarella G.* Storia d’Europa dal 1945 a oggi. Roma; Bari: Laterza, 2000. 405 p.
- Riccardi 1991 – *Religioni in dialogo per la pace / A cura di A. Riccardi.* Brescia: La Nuova cartografia, 1991. 184 p.
- Scoppola 1979 – *Scoppola P.* Dal neoguelfismo alla Democrazia cristiana. Roma: Edizioni Studium, 1979. 233 p.
- Zampaglione 1979 – *Zampaglione G.* L’Europa e gli organismi comunitari. Torino: Edizioni RAI, 1979. 247 p.

References

- Allen, A. (2011), “Michael Young’s ‘The Rise of the Meritocracy: a philosophical critique’”, *British Journal of Educational Studies*, vol. 59, no. 4, pp. 367–382.
- Bocca, G. (1982), *Storia della Repubblica italiana dalla caduta del fascismo a oggi*, Rizzoli Editore, Milano, Italy.

- Brancati, A. (1990), *L'Italia negli anni Sessanta*, La Nuova Italia Editrice, Firenze, Italy.
- Chèlini, J. (1986), *La vita quotidiana in Vaticano sotto Giovanni Paolo II*, Rizzoli Editore, Milano, Italy.
- Ferrari-Aggradi, M. (1972), *Italia formato Europa*, A. Mondadori Editore, Vicenza, Italy.
- Galli, G. (1985), *Dal bipartitismo imperfetto alla possibile alternativa*, Il Mulino, Bologna, Italy.
- Grimaldi, L. (2008), *Uno scandalo italiano: l'Espresso e il Caso SIFAR*, Università di Salerno, Salerno, Italy, available at: [https://www.misteriditalia.it/pianosolo/Unoscandaloitaliano\(Grimaldi\).pdf](https://www.misteriditalia.it/pianosolo/Unoscandaloitaliano(Grimaldi).pdf) (Accessed 19 Dec. 2022).
- Knyazeva, S.E. (2015), "A forgotten Cold War letter. The political testament of an Italian communist", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, vol. 154, no. 11, pp. 70–81.
- Knyazeva, S.E. (2018), "The formation of Eurocommunism in Italy", *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 58–75.
- Mammarella, G. (2000), *Storia d'Europa dal 1945 a oggi*, Laterza, Roma, Bari, Italy.
- Müller, Ya. (2014), *Spory o demokratii: politicheskie idei v Evrope XX veka* [Debates about democracy. Political ideas in 20th century Europe], Institut Gaidara, Moscow, Russia.
- Popov, L.B. (2008), *Vospominaniya o evrokommunizme* [Memories of Eurocommunism], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Riccardi, A., ed. (1991), *Religioni in dialogo per la pace*, La Nuova cartografia, Brescia, Italy.
- Rubbi, A. (1995), *Mir Berlinguera* [Berlinguer's world], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Salacone, A. (2015), "Between clash and detente. Italian multilateralism and the development of interrelationship with the Eastern Block (1947–1960)", *Istoriya*, vol. 6, iss. 2 (35), available at: <http://history.jes.su/s207987840000986-3-1> (Accessed 15 Jan. 2023).
- Salacone, A. (2018), "The Concept of the 'Italian Way' to Communism and its Perception in the USSR. Facts and Political Implications", *Istoriya*, vol. 9, iss. 7 (71), available at: <http://history.jes.su/s207987840002400-9-1> (Accessed 9 Dec. 2023).
- Scoppola, P. (1979), *Dal neoguelfismo alla Democrazia cristiana*, Edizioni Studium, Roma, Italy.
- Yazkova, V.E. (2021), *Katolicheskaya tserkov' v Italii pered vyzovami sovremennosti: evolutsiya podkhodov i interpretatsii* [Catholic Church and challenges of modernity in Italy: evolution of approaches and interpretations], Institute of Europe, Moscow, Russia.
- Yazkova, V.E. (2022), " 'Pozitivnyi neitralitet Vatikana': ot istokov k oformleniyu kontseptsii", *Sovremennaya Evropa*, no. 7, pp. 164–176.
- Zampaglione, G. (1979), *L'Europa e gli organismi comunitari*, Edizioni RAI, Torino, Italy.

Информация об авторе

Светлана Е. Князева, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lanaknyazeva@yahoo.it

Information about the author

Svetlana E. Knyazeva, Cand. of Sci. (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lanaknyazeva@yahoo.it

Этос научной деятельности на примере Манхэттенского проекта

Илья А. Рипак

*Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, ilka-95@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается этос и мотивация ученых Манхэттенского проекта в рамках разработки ими ядерного оружия. Сведения эмпирического характера соотносятся с концепцией научного этоса Р.К. Мертона, а также концепцией поиска истины и ответственности ученого по Л.М. Дмитриевой. Основным источником являются воспоминания ведущих научных кадров Манхэттенского проекта. Статья состоит из трех разделов. В первой части исследования изучаются основные мотивационные стимулы для ученых, участвовавших в Манхэттенском проекте. В следующем разделе рассматривается соответствие действий ученых Манхэттенского проекта зарождавшейся в это же время концепции этоса науки Р.К. Мертона. В последней части статьи уточняются фундаментальные основы научного этоса при помощи концепции Л.М. Дмитриевой, выделяющей основные философско-этические направления соотношения истины и ответственности ученых, а также сопоставляются действия ученых Манхэттенского проекта с выделенными направлениями. В качестве итога исследования констатируется основной комплекс морально-этических норм в рамках научной деятельности, являвшихся доминантными для ученых-участников, но претерпевших глубокие изменения именно в ходе Манхэттенского проекта. Выводы исследования особенно актуальны в контексте усиливающейся международной напряженности и, на фоне этого, глубокого и постоянного участия научного сообщества в процессе непрерывного совершенствования как обычных средств поражения, так и оружия массового поражения.

Ключевые слова: Манхэттенский проект, этос науки, ядерный этос, атомная бомба, ядерное оружие

Для цитирования: Рипак И.А. Этос научной деятельности на примере Манхэттенского проекта // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 128–142. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-128-142

Scientific activity's ethos by the example of the Manhattan Project

Il'ya A. Ripak

*Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia,
ilka-95@mail.ru*

Abstract. The article examines the ethos and motivation of the scientists of the Manhattan Project within the framework of their development of nuclear weapons. The empirical information is compared to R.K. Merton's concept of scientific ethos, as well as L.M. Dmitrieva's concept of truth-seeking and responsibility of scientists. The recollections of the leading scientific personnel of the Manhattan Project make up the main source of the research. The article consists of three parts. The first part examines the motivation of the scientists who participated in the Manhattan Project. The second part analyzes the relevance of the actions of the Manhattan Project scientists to R.K. Merton's concept of the ethos of science. The last part of the article specifies the fundamental bases of scientific ethos with the help of L.M. Dmitrieva's concept and compares the actions of the scientists of the Manhattan Project with the specified essentials. The research concludes with an outline of the main set of moral and ethical norms in scientific activity in the course of the Manhattan Project. The conclusions of the research are particularly relevant in the context of increasing international tensions and deep involvement of the scientific community in the process of improvement of both conventional and mass destruction weapons.

Keywords: Manhattan Project, ethos of science, nuclear ethos, atomic bomb, nuclear weapon

For citation: Ripak, I.A. (2023), "Scientific activity's ethos by the example of the Manhattan Project", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 128–142, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-128-142

Введение

Ядерное оружие, впервые созданное в рамках американского проекта «Манхэттен» под занавес Второй мировой войны, кардинально изменило подход великих держав к международным конфликтам. Начиная уже с 1960-х гг., когда ядерные арсеналы (и средства доставки) противостоящих друг другу блоков возросли до достаточного уровня, идея атомной войны шла бок о бок с концепцией гарантированного взаимного уничтожения и опасениями

о потенциальном закате человеческой цивилизации. Фактор ядерного оружия и сегодня вынуждает великие державы ограничивать свои конфликты форматами прокси-войн и локальных конфликтов, а идея использования атомного арсенала прямым способом для разрешения внешнеполитических проблем кем бы то ни было, пожалуй, почти во всех странах в публичном поле воспринимается как маргинальная.

Разработка ядерного оружия была бы невозможна без участия крупнейших представителей физической и химической науки того времени. В данном контексте перед исследователем особо остро встает следующий вопрос: осознавали ли ученые Манхэттенского проекта личную ответственность за разработку ядерного оружия и опасность, которую оно несет, и если осознавали, то насколько глубоко? Для получения ответа необходимо рассмотреть основные концепции этоса науки, получившие развитие или появившиеся в XX в. Несмотря на усилия международного сообщества, процесс создания и совершенствования высокотехнологичного оружия массового поражения продолжается, что еще больше актуализирует проблемы морали, этики и ответственности в науке.

Основными источниками являются источники личного происхождения – воспоминания участников Манхэттенского проекта (мемуары и интервью). Значительное число интервью доступно через цифровой проект «Голоса Манхэттенского проекта»¹. Документальные источники, связанные с философской частью статьи, включают в себя манифест Рассела-Эйнштейна², резолюцию 3-й Пагуошской конференции (Венская декларация)³ и заявление-резюме по итогам Азилмарской конференции⁴.

Теоретической основой для данного исследования является концепция научного этоса Р.К. Мертона [Merton 1973]. Данная концепция рассматривалась в трудах Е.З. Мирской [Мирская 2005] и В.П. Визгина [Визгин 2008]. Так, Визгин считает, что мертоновские нормы – образец профессионального поведения ученого, позволя-

¹ Voices of the Manhattan Project. URL: <http://www.manhattanprojectvoices.org/> (дата обращения 11 марта 2022).

² См.: Statement. The Russell-Einstein Manifesto // Pugwash Conferences on Science and World Affairs. URL: <https://pugwash.org/1955/07/09/statement-manifesto/> (дата обращения 11 марта 2022).

³ См.: Vienna Declaration // Bulletin of the Atomic Scientists. Vol. 14. No. 9. P. 341–344.

⁴ См.: Summary statement of the Asilomar Conference on Recombinant DNA Molecules. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC432675/pdf/pnas00049-0007.pdf> (дата обращения 11 марта 2022).

ющий достигать достоверного научного знания, однако он также указывает, что на практике данные нормы регулярно нарушались и продолжают нарушаться. По мнению же Мирской, Мертон лишь эксплицировал основные ценности науки и идеальные принципы научной деятельности, которые к этому времени уже вызрели в научном сообществе. Она указывает, что в настоящее время, когда все больше ученых вынуждены обращаться к прикладным исследованиям, наиболее ценной функцией классического этоса, выраженного Мертоном, является функция «охранного механизма» для фундаментальных исследований, ведение которых наибольшим образом зависит от традиционных ценностей ученого-творца.

В целях более глубокого анализа основ этоса ученых Манхэттенского проекта в данном исследовании используется классификация основных направлений философской мысли, выражающих соотношение принципов первостепенности истины и ответственности ученого, предложенная в работе Л.М. Дмитриевой [Дмитриева 2004]. Дмитриева выделяет четыре таких направления: галилеевское, бэконовское, берговское и кантианское, названные по именам ученых и философов, с идеями которых они связаны. В связи с фундаментальным несоответствием принципов кантианского направления этосу научного сообщества середины XX в., в рамках данной работы анализировать деятельность участников Манхэттенского проекта сквозь призму кантианской философии необходимости нет.

Статья состоит из трех разделов. В первом разделе рассматривается мотивация ученых для участия в Манхэттенском проекте; во втором разделе анализируется и сравнивается с действиями ученых проекта концепция научного этоса Мертона, в третьем – соотносятся действия ученых и основные направления соотношений истины и ответственности ученого, изложенные Дмитриевой.

Мотивация ученых Манхэттенского проекта

Для полноценного анализа научного этоса ученых Манхэттенского проекта необходимо констатировать основные мотивационные факторы их присоединения к американской атомной инициативе. Эти факторы были неразрывно связаны с историческим контекстом, в котором существовал атомный проект США.

1 сентября 1939 г. началась Вторая мировая война. Еще до ее начала репрессии против политической оппозиции и ряда слоев интеллигенции, террор, направленный на целые списки социаль-

ных групп в ведущей экспансию Германии, привели к массовой эмиграции. Среди беженцев были многочисленны ученые, которых буквально выживали из научных заведений Третьего Рейха. Экономическая и военная мощь нацистской Германии в совокупности с ее абсолютно антигуманной внутренней и агрессивно-экспансионистской внешней политикой в научных кругах вызывали вполне естественные панические мысли о последствиях успешной разработки немцами ядерного оружия, которое на этот момент могло быть представлено лишь теоретически. Неудивительно, что когда первый главный инженер Манхэттенского проекта Джеймс Крил Маршалл начал собирать высококвалифицированные кадры для работы над атомным оружием, важным фактором мотивации участия в Проекте для этих людей был глубокий страх того, что Германия, изобретя ядерную бомбу (или справившись и без нее), одержит победу в войне⁵. Данный подход к вопросу этики создания оружия массового поражения в зарубежной литературе получил название консеквенциалистского. Социологическое исследование, как пишет Визгин, проведенное американским исследователем Х. Гастерсоном в конце 80-х годов в Ливерморской лаборатории в Калифорнии (созданной в 1952 г. и занимающейся разработками ядерного оружия), показало, что почти все без исключения ученые-оружейники, занятые в данной сфере в послевоенные годы, были консеквенциалистами [Визгин 2008, с. 494]. К слову, Визгин отмечает, что подобного же подхода придерживались и советские ученые, создававшие атомное оружие, лишь с той разницей, что противостоять собственными бомбами собирались уже самим американцам [Визгин 2008, с. 486].

Каким бы сильным ни был фактор страха для участия в разработке оружия массового поражения, другие мотивационные причины также играли значительную роль. Ситуация показательна: когда научному составу проекта стало понятно (ближе к началу 1944 г.),

⁵ См.: Cyril S. Smith's interview // Voices of the Manhattan Project. URL: <https://www.manhattanprojectvoices.org/oral-histories/cyрил-s-smiths-interview> (дата обращения 11 марта 2022); Eugene Wigner's interview (1986) // Voices of the Manhattan Project. URL: <https://www.manhattanprojectvoices.org/oral-histories/eugene-wigners-interview-1986> (дата обращения 11 марта 2022); J. Robert Oppenheimer's interview // Voices of the Manhattan Project. URL: <https://www.manhattanprojectvoices.org/oral-histories/j-robert-oppenheimers-interview> (дата обращения 11 марта 2022); Joseph Rotblat's interview // Voices of the Manhattan Project. URL: <https://www.manhattanprojectvoices.org/oral-histories/joseph-rotblats-interview> (дата обращения 11 марта 2022).

что немцы не смогут создать атомную бомбу ни вовремя, ни вообще, единственным крупным ученым, который вышел из проекта именно по моральным соображениям, стал профессор Йозеф Ротблат. Ротблат изначально присоединился к Манхэттенскому проекту лишь под воздействием шока от быстрого захвата немцами его родины – Польши; когда же в беседах с коллегами по проекту ему открылась перспектива более широких последствий изобретения ядерного оружия (а конкретно – возможности послевоенного давления на СССР со стороны США и грядущая гонка вооружений), Ротблат отказался от дальнейшего участия в проекте⁶.

Воспоминания другого ученого, химика Гленна Сиборга, раскрывают роль обыкновенного научного интереса в процессе создания ядерной бомбы. В ходе Манхэттенского проекта Сиборг работал в Металлургической лаборатории Чикагского университета, где руководил группой химиков, занимавшейся технологией выделения плутония (нового элемента, открытого им в составе группы ученых) из урана. Авторитет Сиборга, личные знакомства в научном мире и уникальность предстоящей работы позволили в условиях недоверия к новому направлению со стороны химического академического сообщества и тотальной секретности набрать группу примерно в сто человек⁷. Факт того, что научный азарт и любопытство являлись крайне важными факторами заинтересованности ученых в работе, также подтверждается воспоминаниями Роберта Оппенгеймера, заведовавшего главным исследовательским комплексом проекта в Лос-Аламосе⁸.

Говоря о мотивации к работе в Манхэттенском проекте, нельзя не упомянуть и о патриотизме. Желание помочь своей стране одержать победу в войне было широко распространено среди участников проекта. Однако есть нюанс: говоря о всей массе людей, работавших над атомной бомбой, нужно помнить, что количество научных кадров не достигало и одной десятой процента от общей суммы сотрудников Манхэттенского проекта. И как раз эта малая доля персонала была крайне многонациональна. Доля ученых, стимулом для работы над ядерным оружием у которых был патриотизм, представляется не слишком значительной.

Таким образом, основными мотивационными факторами работы ученых в Манхэттенском проекте являлись:

⁶ См.: Joseph Rotblat's interview...

⁷ См.: Glenn Seaborg's interview. URL: <https://www.manhattanprojectvoices.org/oral-histories/glenn-seaborgs-interview> (дата обращения 11 марта 2022).

⁸ См.: J. Robert Oppenheimer's Interview...

- 1) страх перед угрозой господства нацистов, которое могло быть достигнуто как при помощи изобретенного оружия массового поражения, так и по итогам «конвенциональной» войны;
- 2) научный интерес к новой, еще неизведанной сфере деятельности.

Первый мотивационный фактор, судя по всему, являлся поводом для ведения научной деятельности приблизительно до 1944 г., т. е. до момента широкого осознания мнимости немецкой ядерной угрозы. Второй же продолжал действовать с начала и до окончания проекта. Однако мотивация к действию почти всегда представляет собой комплексную структуру. Помимо вышеуказанных факторов, на интерес научного состава Манхэттенского проекта к разработке атомного оружия оказывали воздействие вопросы финансового обеспечения, влияние руководителей харизматического типа (например, Оппенгеймера), возможность поработать с учеными, сделавшими себе имя в научном мире, и т. д. Кроме того, психологические особенности коллективного научного творчества явно оказывали определенное влияние на ведение трудовой деятельности учеными в условиях Манхэттенского проекта как до вышеуказанного морального водораздела, так и после него.

Этос ученых Манхэттенского проекта через призму концепции Р.К. Мертон

Самым очевидным способом оценки этичности действий ученых Манхэттенского проекта является сравнение их деятельности с наиболее известной концепцией этоса науки – концепцией Р.К. Мертона [Merton 1973], первые принципы которой были сформулированы в 1942 г. и оставались почти неизменными тридцать лет. Социолог рассматривал науку как социальный институт, функционирование которого определяется набором норм поведения и специфических ценностей, присущих именно ему. Таким образом, Мертон выделял четыре основные нормы, которые руководят (или, правильнее, должны руководить) научной деятельностью:

- универсализм – наука внеличностна и интернациональна, таким образом истинность ее плодов не зависит от личности того, кто их предлагает;
- коллективизм – плоды науки являются достоянием абсолютно всех, а не произвольно очерченного круга людей;
- бескорыстность – ученый должен выстраивать свою деятельность таким образом, чтобы личные интересы не влияли на нее, а постижение истины являлось бы высшей ценностью;

- организованный скептицизм – для науки нет ничего, что было бы ограждено от критического анализа, а любые высказывания и утверждения должны подвергаться всесторонней проверке безотносительно авторитета их автора.

Если рассматривать деятельность ученых Манхэттенского проекта с такого ракурса, становится очевидно, что основной принцип, который в ходе работ над атомной бомбой нарушался, – это принцип коллективизма. Военно-административный руководитель проекта генерал Лесли Гровс выстроил такую систему конспирации, что даже президент Рузвельт не знал всех подробностей проекта⁹, не говоря уже о многочисленных ответственных чинах, занятых в других военных и административных сферах, а также рядовых сотрудниках проекта и их семьях.

Нельзя, однако, считать такое вынужденное нарушение мертоновского научного этоса феноменом. Мертон строил свою концепцию на основе высказываний ученых периода классической науки [Мирская 2005, с. 19], но Манхэттенский проект хронологически велся в неклассический научный период. Кроме того, данный временной отрезок характеризовался расцветом «большой науки» [Мирская 2005, с. 20], значительно более массовой и дорогой, а значит, намного более зависимой от материальной поддержки общества. Это, в свою очередь, означает, что наука должна была начать приносить четкую и в определенном смысле осязаемую пользу обществу, дабы она сама была в глазах этого же общества оправдана. Если конкретная польза для конкретного общества достигается, например, путем сохранения секретности исследований, то ученому, желающему продолжать свою деятельность в рамках данного общества, придется подстраиваться под изменившиеся внешние обстоятельства. Это, в свою очередь, означает, что частичный отказ от общераспространенного научного этоса учеными Манхэттенского проекта являлся не столько отдельным и уникальным эпизодом, сколько частью общего процесса, ставшего следствием изменения характера научной деятельности в XX в.

Другой стороной вопроса является смешение общенаучного мертоновского этоса и военно-патриотического этоса в контексте крупных военных проектов, одним из которых являлся и Манхэттенский проект. Несмотря на всю интернациональность мирового научного сообщества, в мире и сейчас не так много ученых, которые не придают никакого значения своей национальной принадлежности. Данный факт частично получил выражение в одном из пунктов

⁹ См.: General Leslie Groves's interview. Part 4 // Voices of the Manhattan Project. URL: <https://www.manhattanprojectvoices.org/oral-histories/general-leslie-groves-interview-part-4> (дата обращения 11 марта 2022).

мертоновской концепции «социологической амбивалентности» [Мирская 2005, с. 16]:

Ученый должен всегда помнить, что знание универсально, но не должен забывать, что всякое научное открытие делает честь нации, представителем которой оно совершено.

Когда военное противостояние сторон в рамках холодной или «горячей» войны переходит на уровень лабораторий и исследовательских центров, стандартный этос ученого не может не претерпеть изменений. Подобная судьба постигла и этос тех американских деятелей науки, кто был занят в Манхэттенском проекте. Среда американских исследователей произвела некоторое слияние научного этоса и военно-патриотического этоса: принципы науки соблюдали (или пытались соблюдать) внутри самого проекта, но их применение в более широком формате, за его пределами, вступало в противоречие с принципами верности интересам родной страны. Аналогичные метаморфозы прошел и этос советских ученых, работавших в рамках атомных проектов Курчатова и Сахарова [Визгин 2005, с. 269, 271–272].

Таким образом, рассмотрение этичности действий ученых Манхэттенского проекта исключительно в рамках концепции научного этоса Мертона не может дать исследователю достаточно полную картину данного явления. Это связано с тем, что сам Мертон ориентировался на характер научной деятельности скорее периода классической науки, нежели чем науки XX в. Тем не менее можно сделать несколько выводов:

- 1) большая часть ученых Манхэттенского проекта, нарушая некоторые из общепринятых научных принципов, делали это не злонамеренно, но как жертвы сложившихся обстоятельств;
- 2) эти обстоятельства, в свою очередь, не являлись чем-то уникальным и феноменальным, а были частью естественного процесса изменения самого характера научной деятельности в XX в.;
- 3) в условиях совпадения национальной идентичности ученого и государственной принадлежности важного для безопасности страны проекта происходят процессы смешения и борьбы научного этоса и этоса военно-патриотического. Результатом этого становится появление ядерного этоса – комбинации двух вышеуказанных [Визгин 2008, с. 489].

Для того чтобы глубже изучить этичность действий ученых в рамках Манхэттенского проекта, необходимо шире рассмотреть

само соотношение принципа первостепенности поиска истины и принципа ответственности ученого за последствия его деятельности.

Истина и ответственность ученых через призму концепции Л.М. Дмитриевой

Подробно рассмотреть все концепции вышеупомянутого соотношения просто невозможно в формате данной работы, а значит, необходимо прибегнуть к достаточному уровню обобщения этих концепций. Такое обобщение было сделано Л.М. Дмитриевой в статье «Истина и ответственность ученых» [Дмитриева 2004]. Дмитриева выделяет несколько основных направлений в философской мысли, посвященной вопросам целей и задач научного познания.

Первое направление, которое можно назвать «галилеевским», опирается на тезис о том, что истина есть наиглавнейшая ценность в культуре человека. Таким образом, принцип самодостаточности истины возводится практически в абсолют. Если ученый отказывается от достижения истины, прогнозируя возможные негативные последствия успешного завершения своего исследования для общества, то он, по сути, занимает позицию лжи. При этом галилеевская традиция однозначно оценивает истину как благо, а ложь как зло. Таким образом, с точки зрения галилеевского направления работа ученых Манхэттенского проекта являлась абсолютно моральной и этичной, так как была нацелена на научный прогресс, а поступок доктора Ротблата достоин осуждения, так как его моральные терзания стали преградой на пути достижения истины. Более того, дальнейший ход истории будто бы продемонстрировал верность такого хода рассуждений.

Изобретение ядерного оружия является одним из важнейших факторов полного отказа великих держав, владеющих большими арсеналами атомных зарядов, от прямого военного столкновения друг с другом вследствие осознания реальности концепции гарантированного взаимного уничтожения. Однако схожие предположения люди строили относительно подводных лодок, артиллерии, бездымного пороха, автоматического оружия и динамита, но все эти изобретения делали войны лишь кровавее и вовсе не приближали человечество к хотя бы относительному миру [Пинкер 2021, с. 346–347]. Альтернативной является гипотеза, гласящая, что перспектива любой большой войны, в том числе «конвенциональной», пугает современные великие державы, наученные как опытом Второй мировой, так и наблюдениями за темпами развития «обыч-

ного» оружия [Пинкер 2021, с. 347–348]. Тем не менее крупные войны между великими державами резко перестали происходить именно после изобретения ядерного оружия, превосходящего все указанные выше примеры человеческой изобретательности по своей мощи. Неизвестно, какие плоды в будущем принесет ядерное оружие, но на сегодняшний день, как кажется, его существование все же делает свой весомый вклад в поддержание относительно стабильного «долгого мира» даже в ситуации накаляющейся международной обстановки.

Галилеевское направление не принимает во внимание тот факт, что многие научные новшества, независимо от теоретико-философского обоснования их изобретения или открытия, на практике могут применяться как во благо человеку, так и во зло. Научную же традицию, которая противоположна традиции Галилея и которая ставит вопрос о пользе или вреде различных научных открытий в центр собственного дискурса, можно условно назвать «бэконовской». Ее суть заключается в утверждении, что ответственность ученого не ограничивается лишь поиском истины, но выходит за его рамки: ученый несет ответственность за практическое применение своих открытий. Бэконовское направление получило свое развитие во второй половине XX в. как раз в ходе осознания научным миром опасности новоизобретенного ядерного оружия. 9 июля 1955 г. в Лондоне был издан документ, известный под названием «Манифест Рассела–Эйнштейна». Он был подписан 11 широко известными учеными, среди которых был и уже упомянутый Йозеф Ротблат. Резолюция манифеста звучала следующим образом:

В связи с тем, что в будущей мировой войне будет непременно использовано ядерное оружие и поскольку это оружие угрожает существованию рода человеческого, мы настаиваем, чтобы правительства всех стран поняли и публично заявили, что споры между государствами не могут быть разрешены в результате развязывания мировой войны. Мы требуем, чтобы они находили мирные средства разрешения всех спорных вопросов¹⁰.

Данное воззвание привело к возникновению Пагуошского движения ученых, получившего свое название по наименованию места, где прошла первая из 63 конференций, посвященных вопросам научного сотрудничества, разоружения, предотвращения термоядерной войны и общей международной безопасности. В рамках Венской декларации, изданной в качестве резолюции третьей

¹⁰ Statement. The Russell-Einstein Manifesto...

конференции, заявлялось, что общество не должно налагать ограничения на исследовательскую деятельность ученых в какой-либо сфере, включая ядерную и термоядерную физику и химию, однако должно устанавливать контроль над техническим использованием плодов науки. Кроме того, объявлялось, что наука не должна служить амбициям политических и военных деятелей, особенно тех из них, кто склонен к милитаризму¹¹.

Рассмотрение этических действий ученых Манхэттенского проекта сквозь призму бэконовского направления приводит к выводу о том, что создание ядерного оружия при участии в крупном государственном проекте, однозначно нацеленном на достижение атомной монополии государством, является действием аморальным. Тем не менее нельзя не отметить, что концепции, позднее сформированные Пагуошским движением, во время Второй мировой войны не являлись общепринятыми. Более того, эти концепции были сформулированы именно на почве рефлексии научного сообщества на первое применение ядерного оружия в боевых условиях, а также на процесс стремительного роста атомных arsenалов политических блоков, противостоящих друг другу в холодной войне.

Третье направление кардинально отличается от двух вышеуказанных своим отношением к самой необходимости познания истины и заменяет вопрос о целях деятельности ученого вопросом о непосредственных целях научного познания. Основы данного направления были выражены в документах Азиломарской конференции¹², инициатором созыва которой был биохимик Пауль Берг, создавший первую в мире рекомбинантную ДНК и крайне озабоченный возможными негативными последствиями вмешательства в гены живых существ. Азиломарская конференция 1975 г. позволила сформулировать основополагающие правила генетических экспериментов. На сегодняшний день подобные конференции созываются на более актуальную для XXI в. тему – разработка, создание и практическое использование искусственного интеллекта. Берговское направление впервые на высоком уровне поставило под вопрос как уже устоявшуюся роль самого исследователя, так и его право на поиск истины в неограниченном формате. Основной целью науки при таком подходе устанавливается не научное познание само по себе, а определенный уровень безопасности общества. Таким образом, если истина противоречит критериям полезности и безопасности, то, возможно, и открывать ее нужды нет.

¹¹ См.: Vienna Declaration... P. 341–344.

¹² См.: Summary Statement of the Asilomar Conference on Recombinant DNA Molecules...

Оценивать с нравственной стороны работу ученых Манхэттенского проекта по выводам, сделанным лишь 30 лет спустя, разумеется, нельзя. Однако можно ретроспективно соотнести действия научного состава проекта с положениями берговского направления. Как уже упоминалось, одним из важнейших мотивов участия многих ученых в Манхэттенском проекте был страх перед изобретением подобного же оружия в Германии. В таком ключе, безотносительно реальной угрозы создания атомной бомбы немцами, но субъективно, исходя из данных, которые имели ученые проекта в тот момент, безопасность мирового сообщества как раз зависела от того, сумеет интернациональный научный коллектив вовремя создать оружие массового поражения или нет. Ответ же на вопрос о том, каким образом соотносятся действия ученых после нивелирования немецкой угрозы с положениями концепции Берга, также представляется очевидным: в этот период их деятельность уже не соответствовала идее охраны общества от большего зла.

Используя рассмотренную классификацию направлений, можно сделать вывод: ученые Манхэттенского проекта преимущественно (многие, возможно, неосознанно) придерживались галилеевского подхода в вопросе ответственности ученого. Это доказывается хотя бы тем фактом, что почти все они остались заниматься разработкой оружия массового поражения и после исчезновения угрозы создания немецкой атомной бомбы, а значит, как кажется, вопрос самодостаточности истины и интереса научного познания для них стоял все же выше проблемы этичности опасных для общества исследований.

Заключение

Ученые, работавшие над разработкой американской атомной бомбы, столкнулись с великой моральной дилеммой: создать первое в истории оружие, могущее в теории привести к непоправимо катастрофическим последствиям, или же допустить возможность практического мирового доминирования абсолютно античеловеческого политического режима. Да, в действительности угроза создания немцами атомного оружия была многократно ниже, чем ее оценивали современники, но информации об этом до 1944 г. ни у военно-политического руководства стран-союзников, ни у научного состава проекта не было. И для многих ученых выбор между «меньшим злом» и «злом большим» первоначально был очевиден.

Вопрос же о том, почему разработка атомного оружия продолжилась и после известий о провале немецкой атомной программы, несколько сложнее. Разумеется, военно-политическое руководство США и помыслить не могло об отмене проекта, обещающего столь большие военные и политические дивиденды и поглотившего уже огромное количество ресурсов и финансов. Однако ученые в среднем менее склонны к подобной прогосударственной рационализации, а многонациональный научный состав Манхэттенского проекта, в значительной части не испытывающий патриотических чувств к стране-реципиенту, – тем более. Скорее всего, интерес к научному исследованию, ощущение создания чего-то абсолютно нового, открытия чего-то совсем малоизученного, сыграли здесь свою решающую мотивационную роль, как и нежелание оставлять многообещающее научное направление после стольких трудов. Но нельзя забывать, что с подобным беспрецедентным уровнем опасности последствий научного познания сообщество ученых в то время на практике столкнулось впервые. Данную проблему только предстояло полноценно осмыслить в будущем, а пока ученые были вынуждены руководствоваться тем научным этосом, который у них существовал в доатомный период. Этот этос, одновременно с началом атомного проекта систематизированный и «кодифицированный» Мертоном, основывался именно на галилеевской традиции абсолютизации принципа самодостаточности истины.

Литература

- Визгин 2005 – *Визгин В.П.* Этос ученого-ядерщика: истоки и формирование // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков / Отв. ред. Л.П. Киященко. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 2005. С. 261–279.
- Визгин 2008 – *Визгин В.П.* Возникновение ядерного этоса: «Мы и создавали такое оружие с единственной целью, чтобы его нельзя было применить» // Этос науки / Отв. ред. Л.П. Киященко, Е.З. Мирская. М.: Академия, 2008. С. 478–499.
- Дмитриева 2004 – *Дмитриева Л.М.* Истина и ответственность ученых // Омский научный вестник. 2004. № 2. С. 5–10.
- Мирская 2005 – *Мирская Е.З.* Р.К. Мертон и этос классической науки // Философия науки. Вып. 11: Этос науки на рубеже веков / Отв. ред. Л.П. Киященко. М.: Изд-во Ин-та философии РАН, 2005. С. 11–28.
- Пинкер 2021 – *Пинкер С.* Лучшее в нас: почему насилия в мире стало меньше. М.: Альпина нон-фикшн, 2021. 948 с.
- Merton 1973 – *Merton R.K.* The sociology of science. Theoretical and empirical investigations. Chicago: The University of Chicago Press, 1973. 606 p.

References

- Dmitrieva, L.M. (2004), "Truth and responsibility of scientists", *Omskii nauchnyi vestnik*, no. 2, pp. 5–10.
- Merton, R.K. (1973), *The sociology of science. Theoretical and empirical investigations*, University of Chicago Press, Chicago, USA.
- Mirskaya, E.Z. (2005), "Merton and the ethos of classical science", in Kiyashchenko, L.P. (ed.), *Filosofiya nauki. Vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov* [Philosophy of science, no. 11: Ethos of science at the turn of century], Izdatel'stvo Instituta filosofii RAN, Moscow, Russia, pp. 4–34.
- Pinker, S. (2021), *Luchshee v nas: Pochemu nasiliya v mire stalo men'she* [The better angels of our nature], Alpina non-fiction, Moscow, Russia.
- Vizgin, V.P. (2005), "The ethos of an atomic scientist. Origins and genesis", in Kiyashchenko, L.P. (ed.), *Filosofiya nauki, vyp. 11: Etos nauki na rubezhe vekov* [Philosophy of science, no. 11: Ethos of science at the turn of century], Izdatel'stvo Instituta filosofii RAN, Moscow, Russia, pp. 261–279.
- Vizgin, V.P. (2008), "Genesis of the nuclear ethos: 'We were creating such weapon for one purpose, that it can never be used' ", in Kiyashchenko, L.P. and Mirskaya, E.Z. (ed.), *Etos nauki* [Ethos of science], Academia, Moscow, Russia, pp. 478–499.

Информация об авторе

Илья А. Рипак, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; 191060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3; ilka-95@mail.ru

Information about the author

Ilya A. Ripak, postgraduate student, St. Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia; 1/3, Smolny St., Saint Petersburg, Russia, 191060; ilka-95@mail.ru

Трансформация публичной дипломатии Ватикана: новые вызовы и обновление стратегических приоритетов

Павел К. Симонов

*Независимый исследователь, Москва, Россия,
dps250184@rambler.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные ориентиры публичной дипломатии Ватикана и их трансформация. Реализуемая в настоящий момент Ватиканом публичная дипломатия берет свое начало в середине 1970-х гг. и является результатом Второго Ватиканского собора. Начиная с этого события Римско-католическая церковь существенно расширила свою активность на международной арене, а также признала необходимость использовать СМИ и прочие инструменты в целях повышения своего влияния. Столкнувшись с изменением социальных норм и национального состава целевой аудитории, Ватикан оказался вынужден отказаться от категоричной и консервативной риторики в пользу более лояльной в отношении своих традиционных «зон ответственности»: семейных ценностей, контроля рождаемости, прав женщин. Вместе с тем последние пятьдесят лет менялось и содержание транслируемых Ватиканом сообщений: фокус внимания Римско-католической церкви постепенно смещался с традиционных семейных ценностей на экологическую повестку и от проблем «богатых» к проблемам «бедных». Обсуждается последовательность в изменении стратегических приоритетов публичной дипломатии Ватикана и его стремление принимать активное участие в решении глобальных проблем посредством адаптации к социальной реальности.

Ключевые слова: публичная дипломатия, Ватикан, Римско-католическая церковь, папа римский

Для цитирования: Симонов П.К. Трансформация публичной дипломатии Ватикана: новые вызовы и обновление стратегических приоритетов // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2023. № 4. С. 143–153. DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-143-153

Transformation of Vatican public diplomacy. New challenges and renewed strategic priorities

Pavel K. Simonov

Independent researcher, Moscow, Russia, dps250184@rambler.ru

Abstract. The article examines the main guidelines of Vatican's public diplomacy and their transformation. The Vatican's current public diplomacy dates back to the mid-1970s and is associated with the Second Vatican Council. Since that event, the Roman Catholic Church has significantly expanded its activity on the international stage and also recognized the need to use the media and other tools to increase its influence. Faced with the changes in social norms and the national composition of the target audience, the Vatican was forced to abandon categorical and conservative rhetoric in favor of something more loyal to its traditional "areas of responsibility": family values, birth control, women's rights. At the same time, over the past fifty years, the content of the messages broadcast by the Vatican has also changed. The focus of the Roman Catholic Church has gradually shifted from the traditional family values to the environmental agenda and from the problems of the elites to the problems of the "poor". The article discusses the consistency in changing the strategic priorities of Vatican's public diplomacy and its desire to take an active part in addressing the global challenges through adaptation to social reality.

Keywords: public diplomacy, Vatican, Roman Catholic Church, the Pope

For citation: Simonov, P.K. (2023), "Transformation of Vatican public diplomacy. New challenges and renewed strategic priorities", *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, no. 4, pp. 143–153, DOI: 10.28995/2073-6339-2023-4-143-153

Введение

Являясь самой маленькой страной в мире, Ватикан обладает колоссальным влиянием на международной арене и активно участвует в жизни мирового сообщества благодаря инструментам публичной дипломатии. В первую очередь это обусловлено тремя факторами: Ватикан обладает монополией на управление одной из мировых религиозных конфессий, представляет морально-этические установки более чем 1,1 миллиарда католиков и традиционно – в течение многих сотен лет – играет роль посредника в решении конфликтов на международной арене.

Римско-католическая церковь представляет из себя в значительной мере консервативный институт, чьей главной задачей

является выстраивание отношений между верой и верующими и оказание помощи людям в открытии и переживании католической веры [Morehouse 2021]. Консерватизм в данном случае означает приверженность традиционным христианским ценностям, сохранение и поддержание морально-этического облика общества. Успех в решении этой задачи напрямую влияет на способность РКЦ поддерживать собственную репутацию и обеспечивает как ее моральную легитимность, так и влияние на мировой арене. Однако роль «проводника к Богу» требует от РКЦ находить общий язык с паствой, что стало особенно актуально в свете кардинальных изменений, начавшихся в социуме после окончания Второй мировой войны.

С момента образования единого итальянского государства в 1870 г. римские понтифики почти 100 лет не покидали Ватикан и в своей деятельности ориентировались исключительно на высшую аристократию [Collins 2009], а их установки и риторика претерпевали лишь незначительные изменения. Во многом это было обусловлено тем, что РКЦ ориентировалась на традиционную для себя европейскую аудиторию. Однако на протяжении XX в. аудитория РКЦ интенсивно видоизменялась: если в 1900 г. из 459 млн католиков 392 млн (примерно 85%) проживало в Европе и Северной Америке, то в 2000 г. из 1,1 млрд католиков в Европе и Северной Америке проживало лишь 380 млн (примерно 34%), тогда как оставшиеся 720 млн – в странах мирового Юга¹.

Уже в середине века происходящее смещение в сторону «бедного Юга» было очевидным и стало одним из факторов, приведших к коренному пересмотру доктрин РКЦ и роли понтификов как ее представителей. Наиболее показательным отражением этого тезиса являются слова папы Иоанна XXIII: «Я ожидаю от этого немного свежего воздуха... Мы должны стряхнуть имперскую пыль, скопившуюся на престоле святого Петра» [Mursell 2020], сказанные им в рамках Второго Ватиканского собора (11.10.1962 – 8.12.1965). Именно с этих слов и с созыва Второго Ватиканского собора берет начало тренд на трансформацию публичной дипломатии Ватикана.

Традиционный дискурс в рамках публичной дипломатии Ватикана основан на миротворчестве, призывам к справедливости, а также уважении прав человека и достоинства человеческой лич-

¹ См.: Allen J.L. Jr. Ten mega-trends shaping the Catholic church // National Catholic Reporter. 22. Dec. 2006. URL: <https://www.ncronline.org/blogs/all-things-catholic/ten-mega-trends-shaping-catholic-church> (дата обращения 20 сентября 2023).

ности². К основным же стратегическим нарративам можно отнести следующие темы: жизнь и достоинство человеческой личности; проповедование традиционных семейных ценностей и важности принимать участие в жизни социума; права и обязанности человека; возможности для бедных; достоинство труда и права работников; солидарность; забота о Божьем творении³.

Несмотря на кажущуюся ограниченность перечисленных «зон ответственности», на деле сфера влияния РКЦ является куда более широкой и включает буквально все сферы социального взаимодействия. По этой причине начавшаяся в 1965 г. трансформация публичной дипломатии носила кардинальный характер и представляла из себя изменение всей системы в целом, а не отдельных ее элементов или приоритетов. Это хорошо видно из результатов Второго Ватиканского собора, по итогам которого был принят ряд документов.

1. Указ о средствах социальной коммуникации (*Inter mirifica*).
2. Пастырская конституция о Церкви в современном мире (*Gaudium et spes*).
3. Декларация об отношениях Церкви с нехристианскими религиями (*Nostra aetate*).
4. Декларация о религиозной свободе (*Dignitatis humanae*).
5. Указ об апостольстве мирян (*Apostolicam actuositatem*)⁴.

Перечисленные решения по своей сути заложили основы качественно иных отношений Ватикана не только с паствой, но и с нехристианскими конфессиями, а также со светскими государствами. Но что еще более важно, эти решения определяли практики, которых предписывалось придерживаться для достижения большей открытости РКЦ и привлечения внимания общественности. К таким практикам следует отнести:

- 1) использование средств массовой информации – *Inter mirifica* буквально предписывает использовать прессу, телевидение,

² См.: *Зонова Т.В.* Дипломатическая служба Святого престола // Дипломатия иностранных государств: Учеб. пособие / Под ред. Т.В. Зоновой: МГИМО(У) МИД РФ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 276–309.

³ *Seven themes of Catholic social teaching* // U.S. Conference of Catholic Bishops. 2005. URL: <https://www.usccb.org/beliefs-and-teachings/what-we-believe/catholic-social-teaching/seven-themes-of-catholic-social-teaching> (дата обращения 5 сентября 2023).

⁴ *Hehir B.* How Catholic social teaching engages the world situation // Pontifical Academy of the Social Sciences. 2016. URL: https://www.pass.va/en/events/2016/2016_centesimus_annus/hehir.html (дата обращения 20 сентября 2023).

- кино и прочие инструменты в целях повышения «присутствия» РКЦ в общественной жизни⁵;
- 2) апостольские визиты понтификов – «ключевой инструмент для мобилизации масс, распространения посланий и формирования общественной католической идентичности» [Barbato 2020], который стал особенно актуален ввиду изменения национального состава католиков вследствие существенного расширения географии распространения католицизма;
 - 3) переориентацию на взаимное уважение, диалог и сотрудничество⁶ – *Nostra aetate* и *Dignitatis humanae* установили отказ от игнорирования не-католиков или конфронтации с ними: «забыть прошлое и искренне работать ради взаимопонимания и вместе сохранять и развивать на благо всего человечества социальную справедливость и моральное благополучие, а также мир и свободу»⁷.

Таким образом, диалог стал новым инструментом политики Ватикана, расширив и обогатив реализуемые им традиционно папскую и посредническую функции. Благодаря использованию перечисленных инструментов, Ватикан по большому счету перестал быть символом и превратился в публичное лицо католической веры. Также возросла и роль понтификов – они стали узнаваемыми среди широких слоев населения и получили возможность оказывать непосредственное влияние через коммуникацию.

Следует отметить, что начавшаяся после Второго Ватиканского собора трансформация наметила стратегические приоритеты, основные практики и инструментарий публичной дипломатии Ватикана. Однако способы реализации стратегических приоритетов – содержательная сторона публичной дипломатии – впоследствии претерпевали изменения. Это нашло отражение в постепенном изменении риторики РКЦ в отношении ключевых аспектов социальной жизни человека, трансформации ее доктринальных основ и смещении стратегических приоритетов. К наиболее значимым следует отнести ряд содержательных изменений.

⁵ Там же.

⁶ См.: Зонова Т. Вечное сияние Святого Престола [Электронный ресурс] // РСМД. 26 фев. 2016 URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vechnoe-siyanie-svyatogo-prestola/> (дата обращения 15 сентября 2023).

⁷ *Nostra aetate*. 3. 1965.

Либерализация отношения к институту семьи

Вопросы планирования семьи всегда были одним из «столпов» консерватизма РКЦ. В частности, в 1994 г. это выразилось в саботировании плана действий Международной конференции ООН по народонаселению и развитию 1994 г. в Каире, в котором предлагалось послабление в отношении аборт и контрацепции⁸. Несмотря на то что отношение к абортам в настоящее время не изменилось (папа Франциск: «аборт никогда не является верным решением: это – убийство, и становится его соучастником недопустимо»⁹), сразу после интронизации папа Франциск заявил, что «Католическая церковь должна быть более милосердной к представителям нетрадиционной сексуальной ориентации и женщинам, которые сделали аборт»¹⁰.

Кульминацией стало апостольское обращение *Amoris Laetitia*, в котором Ватикан смещает приоритет с контроля супружеской жизни на недопустимость принудительного контроля рождаемости со стороны государства: «Да, искренняя совесть супругов, щедро принявших дар передачи жизни, может направить их к решению ограничить число детей по весьма серьезным причинам, но из любви к достоинству совести Церковь всегда всеми своими силами отвергает принудительное вмешательство государства, нацеленное на распространение контрацепции, стерилизации и, тем более, аборт»¹¹. Тем самым Ватикан показывает, что индивидуальный грех больше не является его сферой контроля и возводит в приоритет более глобальную проблему негативного влияния массовой культуры на индивидуальность, стремится противостоять разрушительному (с его точки зрения) влиянию государственной политики на традиционные семейные ценности.

⁸ См.: *Минин С.* Польский крестоносец // Независимое военное обозрение. 2008. 15 окт. URL: https://nvo.ng.ru/history/2008-10-15/5_Voityla.html (дата обращения 15 сентября 2023).

⁹ *Владимиров В.* Папа: аборт – это убийство, соучастие в нем недопустимо // Vatican News. 2021. 14 окт. URL: <https://www.vaticannews.va/ru/pope/news/2021-10/papa-abortion-eto-ubijstvo-souchastie-v-nyom-nedopustimo.html> (дата обращения 15 сентября 2023).

¹⁰ Папа Римский: Ватикан заикнулся на темах аборта и гомосексуализма // РБК. 2013. 20 сент. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/09/2013/57040fd49a794761c0ce1f39> (дата обращения 15 сентября 2023).

¹¹ *Amoris Laetitia*. 42. 2015.

Внимание к правам женщин

Длительное время Ватикан практически не интересовался ролью и положением женщины в обществе вне контекста семьи и материнства. Теперь же Ватикан обратил на это внимание и официально осудил повсеместную дискриминацию женщин: «Во многих сферах дискриминация происходит только потому, что кто-то является женщиной: дар материнства скорее наказывается, чем поощряется»¹². Хотя о рукоположении женщин речь не шла, на Синоде в 2015 г. была озвучена необходимость привлечения женщин, в том числе мирянок, на должности в епархиальных куриях: «Фактором, способствующим общественному признанию роли женщин, является более глубокое понимание их ответственности в Церкви: их участие в принятии решений, их участие в управлении некоторыми учреждениями и их участие в формировании рукоположенных служителей»¹³.

Внимание к вопросам экологии и защиты окружающей среды

Фокус внимания Ватикана в настоящее время сместился с вопросов семьи на вопросы защиты окружающей среды и глобального повышения качества жизни. Показательным в этом отношении стало изменение цели Папской академии жизни (*Pontificia Academia Pro Vita*) с «исследований, информирования и выработки позиций по главным проблемам биомедицины и права в отношении поощрения и защиты жизни, напрямую связанных с христианской моралью и канонами католической церкви»¹⁴ на «...содействие повышению качества человеческой жизни, объединяющего ее материальную и духовную ценность с целью создания подлинной “человеческой экологии”, которая поможет восстановить изначальный баланс творения между человеком и всей Вселенной»¹⁵.

¹² *Relatio finale*. 27. 2015.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ Pontifical Academies for Science, Social Sciences, Life. URL: https://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_academies/acdlife/documents/rc_pa_acdlife_pro_20051996_en.html (дата обращения 15 сентября 2023).

¹⁵ Pontifical Council for the Family Profile // The Holy See. URL: https://www.vatican.va/roman_curia/pontifical_councils/family/documents/rc_pc_family_pro_20051996_en.html (дата обращения 30 августа 2023).

Позиция Ватикана по вопросам экологии была выражена в энциклике *Laudato si'*, в которой папа призывает «каждого [жителя планеты] защитить природу от разрушения, отказавшись от привычек и образа жизни, которые наносят ущерб окружающей среде»¹⁶.

Внимание к технологическому прогрессу и медицине

РКЦ в течение многих десятилетий занимает предостерегающую позицию в отношении технологического развития и достижений науки: «вера и разум не только никогда не могут расходиться друг с другом, но они, скорее, оказывают друг другу взаимную помощь... а вера, в свою очередь, освобождает и защищает разум от ошибок и обогащает его значительными знаниями»¹⁷. Позиция папы Франциска I изменилась несущественно: «Неизменным остается принцип, что не все, что технически возможно, приемлемо с точки зрения этики...»¹⁸. Вместе с тем интерпретация допустимости вмешательства человека в вопросы жизни и смерти, в частности, в контексте проблемы эвтаназии, изменилась и стала предполагать «моральное право человека отказаться или приостановить терапию, если она не отвечает этическому и гуманитарному критериям, выходя за рамки понимания смертности человека»¹⁹.

Такое «невоспрепятствование» во многих случаях равноценно эвтаназии и является наиболее наглядным примером смещения акцента публичной дипломатии с табуирования и осуждения остросоциальных тем на допущение множественности и ситуативности их интерпретаций, общественный диалог и поиск компромисса.

¹⁶ Ватикан: международное сообщество обязано защитить океан от человека // Новости ООН. 2017. 8 июня. URL: <https://news.un.org/ru/audio/2017/06/1318962> (дата обращения 15 августа 2023).

¹⁷ *Motu Proprio of Pius XI. In multis solaciis.* 1936. 28 Oct.

¹⁸ Цит. по: Папа римский: наука должна уважать этические нормы // ТАСС. 2017. 18 нояб. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4740609?ysclid=lo9uavbzgt879567572> (дата обращения 15 августа 2023).

¹⁹ СМИ: папа римский считает, что при лечении нельзя злоупотреблять медицинскими технологиями // ТАСС. 2017. 17 нояб. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4738261> (дата обращения 15 августа 2023).

Внимание к проблеме бедности населения

Данная тема является традиционной для Ватикана. Однако в первую очередь здесь идет речь об объединении социальной и экологической повестки: вопросы загрязнения окружающей среды в наибольшей степени актуальны для развивающихся стран, потому внимание к вопросам экологии является одним из важных аспектов заботы о бедных через «заботу об общем доме» (именно так переводится название энциклики *Laudato si'*), проповедование разумного потребления и умеренности, несмотря на то, что внимание к проблеме бедности носит преимущественно декларативный характер. Как отмечает В.Е. Язькова, традиционные интерпретации «бедности» как материальной и духовной скудости обогатились новой, в рамках которой она рассматривается как солидарность с теми, кто стал жертвами несправедливости, терпит нужду или испытывает страдания [Язькова, 2021]. Другими словами, речь идет в первую очередь о богословской категории, и только потом о христианской благотворительности, пастырской стратегии, культурной, социологической или философской идее²⁰. Без учета деятельности аффилированных с РКЦ религиозных орденов, конгрегаций и благотворительных организаций, которые являются традиционными, об изменении настроения в рамках данного дискурса можно судить по символизму имени папы Франциска I, восходящего к святому Франциску Ассизскому и символизирующему «не только бедность и смирение, но и печальное состояние Церкви, ее готовность к возрождению» [Филиппов 2016].

Таким образом, перечисленные стратегические приоритеты публичной дипломатии Ватикана во многом можно рассматривать как попытку уйти от консерватизма в сторону актуальной социальной повестки. Ватикан адаптируется к изменениям, происходящим в социуме, постепенно видоизменяет свои ключевые доктрины и приоритеты, стараясь в большей степени отвечать запросам общества. Невзирая на то что эти трансформации являются «мягкими» и носят дуальный характер, в настоящий момент, во-первых, можно говорить о росте дипломатических амбиций Ватикана, его стремлении к участию в решении глобальных проблем современного общества, во-вторых, можно зафиксировать тренд на признание Ватиканом трансформации социальной реальности, что выражается в послаблениях в отношении актуальных проблем института семьи и свободы личности.

²⁰ См.: *Tàrrech A.P.* La Chiesa e i poveri // Il cristianesimo al tempo di Papa Francesco. Bari: Laterza, 2022. P. 302, 305.

Литература

- Филиппов 2016 – *Филиппов Б.А.* Папа Франциск, II Ватиканский собор и новая модель Католической Церкви // Вестник ПСТГУ. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2016. № 1 (68). С. 102–119. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/papa-frantsisk-ii-vatikanskiy-sobor-i-novaya-model-katolicheskoy-tserkvi> (дата обращения 21 августа 2023).
- Язькова 2021 – *Язькова В.Е.* Католическая церковь в Италии перед вызовами современности: эволюция подходов и интерпретаций. М.: Ин-т Европы РАН, 2021. 182 с.
- Barbato 2020 – *Barbato M.P.* Geopolitics of papal traveling: (Re)constructing a Catholic landscape in Europe // *Religions*. 2020. Vol. 11. No. 10. P. 525–543.
- Collins 2009 – *Collins R.* Keepers of the keys of heaven. A history of the papacy. N.Y.: Basic Books, 2009. 576 p.
- Morehouse 2021 – *Morehouse J.* Examining devotional campaigns and stakeholder-centric relationships in public relations materials. A case study // *Journal of Public Relations Research*. 2021. Vol. 33. No. 4. P. 209–230.
- Mursell 2020 – Christian spirituality / Ed. by G. Mursell. N.Y.: Lion Hudson, 2020. 488 p.

References

- Barbato, M.P. (2020), “Geopolitics of papal traveling: (Re)constructing a Catholic landscape in Europe”, *Religions*, vol. 11, no. 10, pp. 525–543.
- Collins, R. (2009), *Keepers of the keys of heaven. A history of the papacy*, Basic Books, New York, USA.
- Filippov, B.A. (2016), “Pope Francis, the Second Vatican Council and the new model of the Catholic Church”, *St. Tikhon’s University Review. Series 2: History. The history of the Russian Orthodox Church.*, vol. 68, no. 1, available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/papa-frantsisk-ii-vatikanskiy-sobor-i-novaya-model-katolicheskoy-tserkvi> (Accessed 21 Aug. 2023).
- Morehouse, J. (2021), “Examining devotional campaigns and stakeholder-centric relationships in public relations materials. A case study”, *Journal of Public Relations Research*, vol. 33, no. 4, pp. 209–230.
- Mursell, G., ed. (2020), *Christian spirituality*, Lion Hudson, New York, USA.
- Yazkova, V.E. (2021), *Katolicheskaya tserkov’ v Italii pered vyzovami sovremennosti: evolyutsiya podkhodov i interpretatsii* [Catholic church and challenges of modernity in Italy: evolution of approaches and interpretations], The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Павел К. Симонов, независимый исследователь, Москва, Россия;
dps250184@rambler.ru

Information about the author

Pavel K. Simonov, independent researcher, Moscow, Russia; dps250184@
rambler.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Политология. История. Международные отношения»
№ 4
2023

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
Ж.П. Григорьева

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73405 от 3 августа 2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 14.12.2023
Выход в свет 21.12.2023
Формат 60×90^{1/16}
Уч.-изд. л. 9,5. Усл. печ. л. 9,6
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 1870

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru